

Анна Сойтту

ДУХОВА ГОРА

Древняя легенда и мистическое место — что может быть привлекательнее? Так думала и Елена, отправляясь в дорогу за очередной интересной историей, но миф оказался правдой. Другой мир не распахнул навстречу приветливые объятия, а попытался уничтожить. Можно ли выжить там, где всё с ног на голову и, как в сказках, по дорогам гуляют ведари и ведьмы?

Глава 1

Чёртов навигатор! Устав воевать с навороченной техникой, я раздражённо ударила ладонью о руль. Надо же было так вляпаться! Два часа уже кружу по одному и тому же участку дороги, а поворота как не было, так и нет.

Так, спокойно, родная. Ты у себя одна, нервы беречь надо. Свернув к обочине, я заглушила мотор старенького отцовского "Спутника" и опустила боковое стекло, всматриваясь в окружающий меня лес. Ещё пара часов и начнёт темнеть, а значит надо срочно найти место для ночёвки, потому что отправляться в обратный путь ни с чем я не собираюсь. Вроде полчаса назад проезжала позаброшенную деревушку на десяток домов? Думаю, что хозяева не должны обидеться, если усталая путница на одну ночь устроится в их заколоченном доме.

Отключив бесполезную технику, которая в рекламе обещала найти дорогу в любых условиях, открыла водительскую дверь и выбралась наружу вдохнуть наполненного смолянистыми и медовыми запахами воздуха. Сосновый бор шумел вокруг, окутывая умиротворением и даря успокоение взвинченным нервам.

Вот уж воистину, Духова гора! Гора-призрак какой-то! Достала из заднего кармана любимых джинсов с большим количеством карманов распечатку своего маршрута. Деревню Кирово проехала давно, Опочку и того раньше, но Литовка на горизонте так и не появилась, хотя навигатор упорно уверял в обратном. Что же за поворот-то такой мудрёный? Вот он есть на карте, а на местности его нет.

Пикнув сигнализацией, решила пройтись вдоль дороги в обе стороны, может просто на скорости не увидела? Прикрыт ветками верный путь — проскочишь и глазом не моргнёшь.

По ходу движения старой заросшей колеи, никакого намёка на съезд не обнаружилось. Что же за напасть-то? Неужели и правда место какое заколдованное? Передёрнув плечами от недовольных мурашек, повернула назад к машине и, обогнув её, устремилась в обратную сторону.

Разглядывая нависшие над дорогой исполинские ветки, невольно вернулась мыслями к заинтересовавшей меня истории. Люблю я читать про всякие загадочные места и, если есть возможность, ездить туда. А тут — сплошная благодать, всего в нескольких часах от родного Пскова расположилась загадочная Духова гора.

Наткнувшись взглядом на просвет в деревьях, я мысленно возликовала и сцепила пальцы на удачу. Да! Дорога! Вот только не автомобильная, к сожалению. Оленья тропа, не иначе. Ну да ладно, я одним глазком посмотрю, да и к дому, до ночи даже вернуться успею.

Мысленно поблагодарив себя за осмотрительность и закрытые перед уходом в автомобиле стёкла, я уверенно шагнула на петляющую среди деревьев лесную тропинку. Бор протянулся ещё на несколько метров и уступил место колоссящему полю, посреди которого возвышался небольшой холм, обросший деревьями и очень похожий на прикорнувшего на ночлег ёжика. Может, с другой стороны поля есть подъезд получше? Думала же ещё получше погуглить эту тему, так нет же, сорвалась среди бела дня. Понесла нелёгкая!

Начинаясь у подножия, на холм взбиралась тропа, вдоль которой все сосны оказались усыпаны не только иголками, но и лоскутами разноцветных тряпиц. Хмм, как интересно. Значит, до сих пор приходят люди сюда со своими мечтами и желаниями.

— Вечер добрый, — раздался сбоку чуть надтреснутый женский голос. — Храм-то закрыт уже, поздно ты приехала, дева.

— Храм? — я изумлённо повернула голову и обнаружила рядом с собой пожилую женщину в свободном сарафане, расшитом кружевом и народными мотивами. — Добрый вечер.

— Да часовня там наверху, — махнула рукой женщина. — Коли есть желание какое или мольба, надо подняться наверх, да полы внутри вымыть о желании своём думая. Оно и сбудется.

— И как? Сбывается? — я невольно улыбнулась, разглядывая удивительно молодые серые глаза на морщинистом лице.

— Кто ж знает? — старушка слегка склонила голову на бок, внимательно меня рассматривая. — Коли веришь, так везде своей вере подтверждение найдёшь. А коли не веришь, так сколько доказательств не предоставь, нос всё равно от счастья своего отвернёшь.

Всегда уважала пожилых жителей деревень, мудрый народ, к природе близкий. Когда-то даже мечтала в деревне жить, да не сложилось. Работа-дом, крутишься как белка в колесе, одно развлечение — фольклор местный собирать. Иногда такие жемчужины попадаются, вот как эта гора, например.

— Чай издалека приехала-то? — вернула мои мысли на землю собеседница. — Я тут живу недалече, переночуешь, да утром пойдёшь наверх, коли за этим прибыла. Баба Маша я, а тебя как величать-то?

— Елена, — снова улыбнулась простоте и незамысловатости простого общения. — Я в Пскове живу, мне недалеко возвращаться. Хотела просто узнать, что это за место такое.

— Праздный интерес? — отчего-то широко улыбнулась баба Маша. — Отчего же, расскажу, что хочешь знать. Здесь рядом мой дом.

Бабушка поправила подол платья и махнула рукой вниз по дороге, откуда я пришла. Вот это то, что я называю удача. Местные они ведь всё знают и видят, может, конечно, сказок пораскажет, но и крупницы правды там должны быть. История она ведь не на ровном месте возникает?

Последовав за женщиной, я удивлённо отметила про себя, что вот этого маленького поворота при подъёме и не видела, а он между тем вывел к небольшой, но опрятной избушке на поляне. Грубоватый сруб оброс мхом и диким виноградом, а вокруг фундамента укутался папоротником, будто в дорогой наряд.

— Ты проходи, Елена, не стесняйся, — отворив дверь, баба Маша указала мне на узкую кровать справа от входа. — Спать тут будешь, а я на печке лягу. Кости старые уже, никак согреться не могу. Сейчас поужинаем, а потом и поговорить можно.

— Спасибо, — улыбнулась старушке и обвела взглядом скромный лесной домишко.

На ум пришло сравнение с жилищем Бабы-Яги, но я прогнала его мысленно улыгнувшись. Посреди дома, как и положено, возвышалась каменная печь, укрытый разноцветными домотканными ковриками лежак так и манил своим уютом. Жар обволакивал помещение уютным теплом. Простой деревянный стол с тремя кособокими стульями притулился возле окна напротив кровати. Оббитый железом по краям массивный сундук расположился возле кровати спинки. Пол был устлан половиками, половичками и циновками, когда-то яркие и насыщенные цвета которых изрядно поблекли и выцвели.

Всё такое простое, скромное. Хоть одну ночь я проведу в домике своей мечты! Со счастливой улыбкой положила прихваченную из машины сумочку с документами на окно,

что возвышалось над кроватью и повернулась к бабушке. Та уже успела накрыть стол белоснежной вышитой скатертью и сейчас водружала на него глиняный горшок, мгновенно распространивший по дому ароматный запах. Рядом с горшком опустились две деревянные тарелки и ложки.

— Ты присаживайся, не стесняйся, — баба Маша кивнула в сторону одного из стульев. — Поешь, я мясо с картошкой сегодня запекала, оно сытное и сил даст сколько нужно.

Поблагодарив свою заботливую хозяйку, устроилась на указанном месте и довольно быстро управилась с предложенной порцией. Ужин много времени не занял и вскоре, управившись с мытьём посуды, я приготовилась слушать рассказ.

— Гора эта здесь с незапамятных времён, — начала старушка, протирая хлопковым полотенцем посуду. — Как земля формировалась, так и она стоит. И кривичи здесь жили, и славяне. Каждый народ своим богам поклонялся. Не скажу, что место это волшебное, но загадка в нём есть. Мой-то род давно здесь живёт, мы многое видали и помним. Думаешь почему гору Духовой кличут? Духи они везде есть, а здесь особенно. И лесные, и полевые, да разные живут. Только не все их видят, да знаться желают.

Баба Маша отложила последнюю протёртую ложку и пристроила полотенце на краю стола.

— Здесь же не зря и Перкуонсу, и Перуну идолов ставили. Предки-то наши поумнее нас были, знали места, что силу дают добрую. Вот и находили сакральные места, как собаки след. Да вот только когда Единый Бог к нам пришёл, повергли старых идолов и богов. Да и христиане ведь сразу почуяли, что есть что-то в этом месте. Крест поставили каменный, да только не приглянулся он духам, они его и поглотили. Ушёл под землю. А потом и часовню вот поставили, по всем правилам и канонам возвели, по сердцу она пришлась Духовой горе. И пошла с тех пор молва о чудесах, стремятся сюда и паломники, и просто любопытствующие. Да немногие про это место знают, духи сами решают кому подсказку дать, а кого позвать сюда. Ты вот, например, и не ведала про место это раньше-то? Значит время пришло твоё, позвала гора.

Баба Маша хитро подмигнула в ответ на моё удивление.

— Так зачем пришла-то? — старческая ладошка подперла подбородок, а внимательный взгляд устремился на меня.

И снова меня посетила мысль, до чего же молодые глаза у такой пожилой женщины. Ей же явно далеко за восемьдесят, сухонькая, невысокая, но до сих пор красивая. Белые как снег волосы заплетены в тугую и по-прежнему густую косу, что спускается до поясницы. Мудрые большие глаза, курносый нос, небольшие чуть запавшие щёки, острый подбородок переходящий в тонкую лебединую шею. В молодости, наверное, все парни деревенские по ней с ума сходили!

— За надеждой, баба Маша, — почему-то её не хотелось обманывать, или уходить от темы. — Устала я, столько зла вокруг, все грызутся как собаки, каждую мелочь превозносят и неважно хорошую или плохую. Всё, что ценилось прежде, с грязью смешано. Думала, может, мне тут легче станет. Вдохнуть воздуха лесного и снова в будни, к людям и к их проблемам.

— Коли за надеждой... — бабушка задумчиво потерла подол. — За надеждой ещё никто не приходил. За богатством приходят, за исцелением, справедливости требуют, любви хотят. Надежды не просил ещё никто.

Собеседница довольно резво для своих лет поднялась со стула и молча отнесла посуду за печку, видимо там ещё какой-то шкафчик стоял, от входа незаметный.

— Ты вот что, — пожилая женщина окинула меня по возвращении задумчивым взглядом. — Ложись спать, а утро вечера мудренее. Может, поутру в часовне ответ на свой вопрос и получишь. Если надобно будет отлучиться по нужде, как выйдешь из дому, то справа за углом место тебе нужное и найдёшь. Фонарика у меня нет, я на столе керосинку оставлю гореть, возьмёшь её.

Баба Маша выдала мне свободную ночную рубашку до пола с длинным рукавом, дождалась пока я переоденусь и улягусь, затем погасила свет и забралась на печь. Пожелав друг другу добрых снов, мы устроились на ночлег.

Тусклый свет керосиновой лампы очерчивал вокруг стола жёлтоватое пятно, ещё больше оттеня погрузившийся в темноту дом. Дыхание старушки скоро перешло в ненавязчивое тихое похрапывание, а ко мне сон не шёл. Надо было сходить машину проверить перед сном, да перегнать ближе к дому. Наверняка, ведь баба Маша знает все местные дороги. Отец по голове не погладит, если с его любимым драндулетом что-то случится. "Спутника" отец берёт, он его ещё в девяностые в лотерею выиграл и считал приносящим счастье.

Проворочавшись ещё какое-то время, я почувствовала, что советом бабушки всё же придётся воспользоваться и, покинув ставшую тёплой и уютной постель, подхватила керосинку и вышла на улицу. Отхожее место обнаружилось довольно быстро и, справив естественные потребности, вернулась на улицу.

Непроглядный чёрный лес окружал маленькую избушку, которая сейчас казалась такой беззащитной перед его громадой. Шорох откуда-то сбоку заставил меня вмиг покрыться мурашками, перед глазами сразу встали все самые страшные сюжеты из виденных мною фильмов ужасов. Ну зачем я сюда пошла? Потерпела бы до утра, ничего бы не случилось страшного. До рассвета хотя бы, можно было потерпеть?

Стараясь не обращать внимания на шорохи, которые раздавались всё ближе, я поспешила к дому, но дорогу мне преградила крупная чёрная тень. Утробное рычание не оставило ни малейших сомнений в видовой принадлежности.

Спокойствие, только спокойствие! Не смотреть в глаза, не бежать, если что, придётся лишиться единственного источника освещения, но своя шкурка дороже. Я сделала маленький шагок назад. Деревенский туалет, конечно, не дом, но тоже стены, и дверь на крючок запирается! Стараясь смотреть только на лапы зверя, я шаг за шагом отступала в сторону сомнительного убежища в то время, как волк приближался, сохраняя между нами прежнее расстояние. Вот только вместо спасительной двери спиной я уперлась во что-то мохнатое и такое же крупное. Это кавказские овчарки какие-то, а не волки! Тихое порывивание сзади, глухое рычание впереди и шорох сбоку доканали мою психику и, кинув керосинку в переднего зверя, я с визгом бросилась прочь. Скулёж и оглушительный вой донесли уже в спину.

Темнота и лес обступали со всех сторон. Дом! Где дом? Я бросилась влево, но не обнаружила ни намёка на стену или присутствие поблизости жилья. Подол ночнушки обвивался вокруг ног и мешал бежать, подхватив на ходу подол и задрав его до колен, припустила по едва виднеющейся среди деревьев тропе. Точнее, я считала, что это тропа, потому что она была лишь на пару тонов светлее окружавшей меня темноты.

Волки быстро пришли в себя и сзади во всю раздавался хруст веток и шорох травы под

мощными лапами. Надо ли думать, что моя скорость против их — не значила ничего? Зачем я сюда поехала? Тупой удар в живот выбил из меня воздух. Отпружинив от ветки, на которую я налетела в темноте, упала навзничь и уже через несколько секунд была окружена чёрной стаей. Перед глазами плясали искры, а дыхание даже не пыталось нормализоваться. Казалось, что у меня выламывает все мышцы и кости. Если выживу, обещаю, что займусь спортом! Я даже на фитнес запишусь и по утрам бегать буду! Только позвольте выжить!

— Рррар! — рычание ближайшей ко мне твари, вырвало из охватившей меня дурноты.

Волк навис надо мной и, рыкнув, впился зубами в плечо, которое незамедлило взорваться жуткой болью. Меня съедят заживо! Как это может быть? Разве так бывает? Между первым и вторым укусом не прошло и доли секунды. Бедро словно обожгли раскалённым металлом.

— Ммяяк! — из горла вырвался странный звук, я попыталась оттолкнуть морду зверя здоровой рукой, но внезапно поняла, что вижу каждую нависшую надо мной злобную морду, а вместо руки тяну к вцепившемуся в моё плечо зверю мохнатую пятнистую лапу.

Что? Это сон! Это какой-то дурацкий сон! Я сплю! Вот только очередная порция боли ненавязчиво указала на то, что это самая настоящая реальность.

— А ну, прочь, шавки безродные! — чей-то громогласный крик прорвал пелену наползающего на сознание тумана от потери крови. — Ишь, удумали! Прочь отсюда!

Терзающие моё тело клыки разомкнулись и, скуля на все лады, стая скрылась в лесу. Только самый крупный зверь остановился на границе леса, обернулся на секунду и лишь после этого скрылся вслед за собратьями.

— От ты ж, дурёха, — седобородый мужчина опустился рядом со мной на колени. — Мать не научила, что ли, уму-разуму? Кто ж в Чёрную Топь в одиночку ходит? Там право сильного во главу угла ставят. Если ты слаб, тебе не жить.

Выудив из напоминающей котомку сумки пару чистых рубах и мешочек с какими-то травами, старик принялся рвать ткань на полосы и, приложив травы, бережно перевязывать раны.

— Молодая совсем, отбилась, что ли? Ну-ну, потерпи, сейчас полегче станет.

Мужчина ещё что-то приговаривал и успокаивающе гладил по голове, но сознанию не прикажешь и, подчинившись увещаниям обещающей покой темноты, я погрузилась в её объятия.

Меня разбудил стук. Монотонный, ритмичный, он вторгнулся в ватную голову с завидным упорством. С трудом открыв глаза, я обнаружила себя лежащей на устланном соломой и старой циновкой полу.

Лёгкость в теле на грани слабости, из-за которой даже поднять голову и осмотреться было невозможно. Всё, что я видела — лишь печь в углу и стол рядом, где расположился прогнавший хищников старик. За выглядывавшим из-за спины моего спасителя окном было темно, но для освещения мужчина пользовался парой зажжённых свечных огарков. Из своего угла мне был виден край миски и взлетающий над ней пестик. Знахарь какой, что ли? Может, баба Маша живёт рядом с деревней старообрядцев каких? Эти к врачам редко ходят, у них есть молитвы и знахари.

Тихий стук в дверь отвлёк седобородого от его занятия и, поднявшись из-за стола, он поспешил навстречу поздно прибывшему гостю. В гостеприимно открывшуюся дверь, без всяких "кто там?" и сомнений "пускать — не пускать", пропустили посетителя, но из моего положения разглядеть его было невозможно.

— Дед Михась, ночи доброй, — уверенный мужской голос разогнал уютную ночную тишину деревенского дома. — Тут малышня весь день твердила, что ты зверя дикого домой притащил. Староста обеспокоен.

— Ночи доброй, князь, — насмешливый голос знахаря говорил за него обо всём его отношении к произошедшему, или к посетителю? — Я же далеко от деревни живу, им-то, что волноваться? Путь мой через них лежал, так что теперь? А рысь раненая, не наш зверь-то. В горах на севере далеко живёт, а тут из Чёрной Топи, волкодлаки выгнали. Слабая, молодая, ещё и мяса небось не пробовала, котёнок совсем.

— Рысь, говоришь, из Чёрной Топи? — задумчиво протянул местный старший. — Покажи-ка мне её.

— Дак, что далеко ходить-то? — с улыбкой в голосе ответил дед Михась. — За кроватью на лежанке я её устроил, там и лежит. Раны чистые, ещё не успели заразу-то пустить, через пару дней встанет, да сил наберётся.

Шорох босых старческих ног и тяжёлый стук грубых мужских сапог заставили меня зажмуриться. Это же сон, странный дурной сон! Зато хоть знаю теперь в кого превратилась. Рысь — не волкодлак, не так обидно, но человеком как-то лучше жилось. Угораздило же меня на эту гору сунуться!

Пока я обзывала себя последними словами за спонтанное решение, мужчины успели приблизиться и молча встали рядом. Лёгкий шорох и неожиданно щекотное, но приятное движение в районе шее вызвало табун мурашек и урчащий звук из глубины горла. Это что? Это я? Мне и мурчалку выдали? Ой, беда...

— Не спит твоя находка, — князь, казалось, улыбнулся. — Ты вот что, Михась, подлатай её. Коли смиренная, на границу заберу, будет там подмогой. Аргор научит чему нужно, он и волкодлака выдрессирует, если понадобится.

— Дак, котёнок же ещё? — слёзы в голосе старика заставили настороженно поднять уши и распахнуть глаза, что не укрылось от сидящего прямо на полу передо мной ночного гостя. — Из одной напасти, да в другую?

Но на слова знахаря внимания никто не обратил. Князь разглядывал меня, а я его. Волевое лицо с яркими голубыми глазами, нехарактерными для жгучего брюнета, которым он оказался, и чуть пухлыми губами. Мужчина задумчиво тёр подбородок, не сводя своего цепкого взгляда.

— Михась, — наконец выдал гость. — Ты сюда потустороннюю привёл. Марисья, зверей всегда пропускает, главное, чтобы люди не дошли. А эту кошку подлатаешь и на границу пойдёт. Я решил.

— Да, милорд.

Когда дверь за ночным гостем закрылась, седобородый вернулся ко мне и устроился возле лежака.

— Ты уж прости, — сводящее с ума почёсывание возле шеи повторилось, только в исполнении старика оно было заботливее и нежнее, что ли? — Думал поправишься, да отправлю тебя с обозом к Северным горам, там стая примет. А оно вона как. Ох уж эти длинные языки недалёкие!

Дед Михась погрозил кулаком куда-то в сторону двери и потрепал меня за ухо. Ну, баба Маша, ну удружила!

— Князь Кайрим у нас давно всё решает, — грустно глянул из-под ресниц знахарь. — Как из Сумрачного Болота нечисть полезла, да крепость пограничную возвели, вот он у нас и старший над деревнями. А раньше жили-то привольно, хорошо. И через Чёрную Топь не только звери к нам приходили. Да испортились люди по ту сторону, злые, завистливые стали. Марисья тропу-то и перекрыла, уже лет семьсот только зверей лесных и пускает. А мы без подмоги остались, с той-то стороны помощь раньше приходила. Воины там жили суровые, да сильные. Девоч наших в жёны брали, да здесь оставались, а то к себе уводили.

Седобородый погрузился в воспоминания и лишь задумчиво перебирал пальцами мою шерсть. Шерсть! У меня шерсть! Вот жуть. Но приятно...

— Надо кличку тебе дать, — дед вынырнул из своих мрачных мыслей и сцепил руки в замок под подбородком. — А то назовут в гарнизоне Кошкой, а это кличка разве? Имя оно даёт на судьбу. Добрую тебе надо, чтобы не обижали тебя на границе. А то мир другой, дичь другая. И как я не докумекал сразу-то? Ну какие в Чёрной Топи рыси?

Да есть у меня имя! Есть уже! Из горла вырвался тихий недовольный рык.

— Ох, князь не слышал, — хохотнул старик. — А ты ещё и с характером, небось и понимаешь, что я говорю? Да где там? Звери вы безвольные, на голос реагируете, да на обращение хорошее. Что я придумал себе, право слово?

Старик поднялся и пошёл к печи.

— Голодная небось? Сил-то надо набираться. Раны твои я залечил, к утру совсем затянутся, а потом только знай уплетай за обе щёки, чтобы сил набраться.

Спустя несколько минут шороха и какого-то шлёпанья передо мной опустилась миска с нарезанным ломтями сырым мясом и миска с водой. Цензурные мысли на этом месте закончились. Ржавый запах крови и парного мяса вызвал комок дурноты и застрял в горле. Подавив тошноту, я закрыла глаза и постаралась отвернуть голову, сдерживая дыхание.

— От же дурёха, — раздосадовано протянул дед Михась. — Видимо, и правда недавно от мамки-то оторвалась. Не вороти нос, ты же хищник, вот и привыкай.

Знахарь взял кусок из миски и сунул мне прямо под нос. Тошнота усилилась в несколько раз. Я хоть и не вегетарианец, но сырое мясо не ем. Максимум вяленое или правильно засоленное, а лучше пожарить, чтоб в панировке или с хрустящей корочкой. Но,

чтобы вот так?

— Ешь, глупая, тебе силы нужны, для чего же я тебя от волкодлаков спас? Чтобы ты мне тут с голоду концы отдала?

Дед, да я-то не против! Но не сырое же!

Сильные пальцы упёрлись в основание челюстей, заставив их разжаться и ловким движением мясо оказалось у меня во рту. После чего ладони старика обхватили мою теперь уже морду и сжали, не позволяя избавиться от сомнительной еды.

Ну всё, сам напросился. Естественный позыв не заставил себя долго ждать и вызвал у деда Михася раздосадованный всплеск руками и причитания.

— Да, что ж ты за зверь такой? От волкодлаков защититься не смогла, мясо не ешь, а ещё рысь!

Борьба против сырого мяса отняла последние силы и я откинулась на лежак, с которого приподнялась, пытаюсь отстоять своё право не есть то, что для меня не приемлемо. Организм снова затребовал отдых и комната уплыла прочь вместе с неприятным ощущением чужой крови во рту.

Ещё несколько раз я приходила в себя и проваливалась в небытие. Старик то спал, то шуршал какими-то травами в своём углу, то уходил куда-то. Сил становилось всё больше, по негласному перемирию мяса мне больше не предлагали, а вот молока было в избытке. Козье, коровье — какое удавалось добыть моему спасителю в деревне. Когда был дома, все свои действия дед Михась сопровождал разговорами, видимо, соскучился по общению, а тут вроде и живая душа, выслушает.

Так из его реплик я узнала, что мир этот также расположен на Земле, вот только существует параллельно нашему, соприкасаясь с ним в нескольких местах по всей планете. Одно из них — Духова гора. К каждому такому месту соприкосновения приставлен Привратник, в моём случае — баба Маша, только здесь её звали Марисья. Вот она за переход и отвечает, благодаря ей я и оказалась в этом мире, в этом облике. Людей-то пускать не велено. Нашла выход, креативщица!

Слушая деда, я понемногу начала вставать с отведённой мне постели, как он и обещал, первая попытка случилась уже на второй день. Передвигаться на четырёх лапах было непривычно и странно, но выхода-то не было. Надо привыкать, раз я теперь так выгляжу. Почему-то выдавать знахарю, что я его прекрасно понимаю не хотелось. Вроде и помог, но как отнесётся, если прознает, что я одна из тех людей, что "с той стороны", просто в мохнатом облике? Поэтому я молча следовала за седобородым мужчиной, привыкая к своему новому телу и доступной мне территории.

Людей с нашей стороны здесь не любили и, если случалось, кому из Привратников пропустить человека, то его выгоняли обратно или приносили в жертву созданиям из Сумрачных Болот.

Про то место, куда меня собирался отправить местный предводитель, знахарь тоже рассказывал и перспективы, надо сказать, оказались весьма нерадостные. Мирок этот параллельный, он небольшой совсем, всего семнадцать княжеств, в которые входят по пять-шесть десятков деревень. И у каждого княжества своя напасть. У местного Чёрная Топь под боком, где место перехода стережёт стая волкодлаков. Их вот урезонили не так давно и деревня уже много лет живёт в безопасности.

У соседнего же княжества — Сумрачные Болота рядом со странными существами, что похищают праздно шатающийся народ и выдыхаемым гейзерами сизым газом, что

парализует и высушивает заживо. Вот в помощь соседям, которым не хватает воинов, князь Кайрим и решил отправить дивную потустороннюю зверушку. Тем более, что местные рыси по размерам были с меня, которую дед Михась посчитал котёнком и вынес вердикт, что я ещё раз в четыре вырасту. В общем, друзья-волкодлаки, мы ещё поквитаемся, покрупнее вас из меня тварюшка получится. А если ещё обещанный князем Аргор поможет, то и живой может выберусь.

За такими безрадостными мыслями я и привыкала к тому, что больше не человек. Жить-то в любом случае хочется, но мясо сырое есть не буду!

На восьмой день знахарь позволил мне выйти на улицу и зорко следил, чтобы я не сбежала, пропустив между передних лап и по спине прочную тесьму на манер шлейки. А куда бежать-то? Дом старика оказался на опушке небольшой берёзовой рощи. Одурманивающие своей силой запахи луговых трав ворвались в непривычно чуткие ноздри. Солнце расположилось в зените и лупило летним зноем по начинающим желтеть колосьям не то пшеницы, не то овса. А если высунуть язык, то становилось не так жарко. И в этом теле свои бонусы есть.

Далеко на горизонте через поле виднелись соломенные крыши домов, словно маленький хутор притулился за резным забором. От ворот к нам направлялись две высокие широкоплечие фигуры, одна в лёгких доспехах, вторая — в камзоле. В ожидании гостей дед Михась опустился на лавочку возле крыльца и притянул за поводок меня поближе.

Я и сама подойду, можно и без этих конструкций. Подавив вздох, под изумлённым взглядом приблизишихся к нам мужчин, уселась на лавку возле деда. Не хватало ещё на сырой после утреннего дождя земле попу морозить. А Михась привык уже. Набравшись сил, первым делом я, проклиная всё, перетащила по пути лишившуюся половины содержимого миску с молоком на стол и отвоевала себе место на лавке. Может, я и выгляжу как зверь, но уподобляться ему не буду. Хоть режьте.

— День добрый, дед Михась, — князь Кайрим окинул моего спасителя уважительным взглядом прежде чем обратить на меня своё внимание. — Дрессируешь, что ли?

— Добрый, путники. А пошто её дрессировать? — насмешливо ответил старый знахарь. — Она и сама умеет. Мы ей, кстати, кличку придумали. Мирой звать будете.

Кличку — да, с дедом пришлось повоевать за это. Он хотел Муркой назвать, или Мусей. Но под моим тяжёлым взглядом и демонстративно выпущенными из подушечек лап когтями, решил, что эти варианты не подходят. Сошлись на Мирославе, имя вроде человеческое, а сокращённо и рыси подойдёт.

До зубовного скрежета хотелось взять в лапы уголь из печки и написать своё имя, но чувство самосохранения быстро заткнуло эту мысль подальше. Не знаю чего я боялась, но смутное чувство тревоги в душе и рассказы деда о паре десятков случайно попавших сюда — отбили всё желание выдавать свою сущность. И ладно ещё, если домой отправят, хотя тоже проблема. Рыси машин не водят, да и пристрелит охотник какой. Надежды вернуть свой облик у меня не было. Поэтому я молчала и наблюдала за пришедшими.

Князь при свете дня оказался менее приятным на вид мужчиной, чем это было при сумрачном ночном освещении. Лет за сорок, с лёгкой проседью на висках, в теле чувствовалась сила, порождённая боевой закалкой и гибкость от умелого владения мечом, что болтался в пристёгнутых к поясу ножнах. Суровые морщины на лице выдавали жёсткость и непререкаемость.

Спутник оказался моложе, но слишком пронзительный для столь молодого мужчины

карий взгляд оказался неприятным и заставил поёжиться, будто вокруг был не жаркий день, а минимум морозное утро. Волосы цвета пшеницы стянуты в несколько манерных косичек, которые постепенно соединялись между собой в затейливое плетение, которое повторялось и на усах переходящих в средней длины бороду. Лицо можно было бы назвать милым, если бы не подозрительные глаза и манера чуть презрительно кривить губы.

— Зачем имя дикому зверю? — изогнул бровь новоприбывший. — К тому же сколько она там с ребятами продержится? Нет имени — нет привязанности, погибла и ладно.

— Эх, князь, — покачал головой дед, к которому я подсознательно прижалась в поисках защиты. — Этот зверь рук не боится, а значит зла от них не видел. Без имени ей нельзя, да и на границу не позволил бы отправить, коли бы не твоё решение. Передумай пока не поздно, пусть здесь живёт, ребяташек вон охраняет, они давненько про неё спрашивают. Рысь ручная, где такое диво видано?

— Пройдёт волна и вернут они твою рысь, дед Михась, — позволил себе мягкости в голосе князь Кайрим. — А сейчас там лишняя помощь как воздух нужна, а она — зверь дикий. Когти, зубы не дадут пропасть. Позаботятся там о ней. Верно я говорю, Аргор?

Так вот ты какой, дрессировщик волкодлаков? Если и бывает неприязнь с первого взгляда, то вот она и пожаловала. Аргор встретился со мной взглядом и в ответный я вложила весь максимум той злости, что клокотала в душе. Расходный материал, значит? Ну покажу я тебе. Назло всем выживу! И волкам этим позорным из Чёрной Топи хвосты накручу!

Лёгкое изумление в карем взгляде сменилось задумчивым прищуром.

— Сама говоришь? — протянул дрессировщик, не отводя глаз. — Ну, посмотрим. Я забираю кошку, князь.

Мужчина с границы протянул руку к знахарю и тот, утерев выступившую слезу, отдал мой поводок Аргору.

Мрачно глянув на князя и его спутника, боднула головой деда в щёку и спустилась на землю, мысленно сжимая тоскливо занывшее сердце. Не оборачиваться, прощаться лучше так, по своей воле всё равно вернуться не смогу. Но тихий всхлип позади разбил все тщательно возводимые в душе стены и я, вернувшись к старику, упёрлась лбом ему в грудь.

— Береги себя, Мира, — дед Михась потрепал меня за ухом дрожащей рукой. — А я за тебя Доле помолюсь, авось свидимся ещё. Вы только мясом сырым её не кормите. Не любит она его.

— Не простой это зверь, князь, — задумчиво обронил Аргор у меня за спиной. — Ладно, дед Михась, будет ей имя и еду какую простую приготовим. Чай и я не железный, да и кошка умнее, чем кажется. Пойдём, Мира.

Поводок сзади натянулся и мне не оставалось ничего, кроме как бросив на деда последний взгляд, последовать за Аргором навстречу новой судьбе.

Наверное, можно было выбить слезу, вырваться с поводка, забиться под лавку и остаться с Михасем. За то время, что провела рядом с ним, я успела привязаться к старику. Он, как добрый дедушка, которого никогда не знала, уютный, тёплый, заботливый. На какое-то время в его доме забылось о том, что дома остались родители и, наверняка, весь город уже пестрит листовками, а социальные сети ломаются от объявлений о пропаже. Ещё одна из тех, что "ушла и не вернулась, была одета..."

Но я привыкла принимать обстоятельства такими, какие они есть и идти вперёд, как бы не было больно. А против таких обстоятельств сложно что-то противопоставить. Поэтому, буду жить дальше, а если будет возможность, то обязательно вернусь. Не навсегда же я стала зверем? Значит, надо сохранить максимум человеческого. А если? Нет, не думать об этом, я справлюсь. Меня ждут и я должна вернуться. Хотя бы к деду...

Аргор, видимо, не зря тренировал зверей. Знахарь рассказывал о нём только с уважением, говорил о том, что угрюмый пограничник понимает язык всякого живого существа. Дед Михась называл его "заклинателем зверей". Аргор не тянул поводок и, казалось, подстраивал свой шаг под мой, а я беспрестанно оглядывалась, пытаясь для себя понять как же всё-таки поступить. Ведь не поздно ещё сбежать под крышу уютного пропахшего сухими травами и цветами дома? Будет ли это трусостью?

Ворота деревни появились неожиданно, а я настолько ушла в свои мысли, что чуть не врезалась головой в столбик, к которому они крепились и лишь окрик и резко натянувшийся поводок привели в чувство.

— Странный ты зверь, Мира, — задумчиво обронил заклинатель, но я предпочла его проигнорировать.

Слишком поздно мне на ум пришла мысль, что моё решение вести себя с сохранением человеческого достоинства, лишь привлекает внимание. Незаметная и не вызывающая подозрений рысь, ага. Вот только прикидываться обычной уже не вариант, да и еду хочется нормальную есть, всё-таки.

Вся деревня высыпала смотреть на диковинного потустороннего зверя. Взрослые охали, дети улыбались и ни один не ткнул в меня пальцем, не бросил камень. Внутренняя усмешка дополнила этот перечень прелестями цивилизации: и в Instagram не запостили. Жители были довольны уже тем, что просто увидели живую рысь с "той стороны". Были бы они так же рады мне-человеку? Очень сомневаюсь.

На другой стороне деревни оказался постоянный двор, где заклинатель оставил своего коня. Мощное ширококостное животное напоминало своим видом одну из разновидностей тяжеловозов, в породах лошадей я не разбираюсь, но уважение своими размерами этот каурый экземпляр внушал.

Поводок оказался коротким и до луки седла не доставал. Судя по замашкам Аргора, он планировал, чтобы я бежала рядом на манер далматинца с каретой. Но, спасибо деду, планы оказались только планами и я с условным уютом устроилась перед всадником. От души хотелось развернуться и показать ему язык, что я и сделала, поддавшись порыву, за что получила ещё один подозрительный взгляд.

Доиграюсь ведь, но сделанного уже не воротишь.

Долго ехать верхом и человеку не очень приятно, а в зверином обличье я готова была выть уже через пару часов! Мало того, что достаточно быстрый галоп коня отбил мне весь филей, так ещё и край доспеха впивался в самое мягкое место чуть выше хвоста. Как я не пыталась найти хоть минимум удобств, это было невозможно. То и дело бросаемые суровым мужчиной взгляды на мою непоседливость уверенности не прибавляли. В итоге Аргор остановился и, отстегнув от седла котомку, устроил её перед собой, молча похлопав по ней рукой. Ну здравствуй, комфорт и пропахший конским и своим потом пограничный воин. Чувствительный звериный нос оставалось держать по ветру, чтобы туда попадали лишь лесные запахи. Если до этого я сидела почти на шее у коня, то теперь приходилось мириться с кожаным доспехом, вонзившимся мне в спину всеми своими крючками и завязками.

На пятый час картины "лес-поле-река, о, деревня! лес-поле-река", я свесилась с котомки, оставив лапы по обе стороны от неё и мрачно разглядывала проплывающее вокруг бездорожье. Плохая была идея, надо было остаться с дедом.

Приближающийся закат застал нашу троицу на опушке очередного леса, но Аргора это ничуть не смутило. Спешившись и сбросив на землю часть поклажи, он привязал мой поводок к луке седла, а коня к дереву и ушёл в лес. Предусмотрительный, зараза. Хотя, я уже давно сбилась с пути и дорогу назад при всём желании найти бы не смогла, удушающий конский запах забил нос, так что и отыскать обратный путь по следу было невозможно.

Заклинатель вернулся через полчаса с охапкой лапника и, устроив его в тени ветвей, занялся костром. Я заинтересованно следила за его действиями, спичек-то тут нет, как он огонь разводить собрался? Но мужчина, спустив меня на землю и привязав к соседнему с конём дереву, выудил из котомки, на которой я до этого достаточно удобно устроилась, пару не то каменных, не то железных вещиц. Почиркав ими, Аргор высек искры на несколько клочков соломы и перенёс занявшийся огонь в основную массу набранных тут же сухих веток.

— Ну, что, Мира, — хмыкнул заклинатель, поднимаясь с колен. — Теперь и поговорить можно. Ты не бойся, тайну я твою не выдам. Вижу же, что зверь ты другой породы. Ты на слова реагируешь, а не на голос и повадки совсем не звериные.

Приближался мужчина медленно, следя за каждым моим настороженным движением. Карие глаза с бурыми отсветами заката смотрели внимательно, но не зло.

— Яшка вон, к примеру, — Аргор кивнул в сторону коня. — Ему овса задай, почисти, да в стойле устрой, тот и доволен. А ты другая.

Заклинатель устроился напротив на траве, сохранив между нами расстояние в пару метров и теперь внимательно меня разглядывал.

— Что скажешь? Или, давай я сначала, что увидел, а ты кивнешь, коли так. Понимаешь ведь меня, хоть и дуркуешь, что не так всё. А в глазах-то тоска человечья.

Умный мужик оказался, да и я сглупила, тут не попишешь уже ничего. И что я ему рассказать должна, а главное как? Пришла на Духову гору посмотреть, да поделилась сокровенным желанием с Привратником вашим, она меня и пнула к волкодлакам, да ещё и в рысь безмолвную привратила. Дед Михась ясно дал понять, что без её дозволения не пройти никому. Позволила, значит.

— Не ведаю, что там сейчас по ту сторону, но звери они всегда звери и ума человеческого нет у них. Знания родовые, да инстинкты. А ты сознательный выбор сделала. Нормальный зверь, он бы тянулся к тому человеку, которого выбрал, а ты сама за мной ушла. Видел же, что остаться с ведарем хотела, а не осталась. Вот и думаю я, Мира, что рысь-то ты

только с виду, а вот что Марисья сделала и что внутри у тебя, мне не ведомо. Не скажу я никому о твоей беде, я с людьми и не общаюсь почти. Со зверьми оно легче. Они понятнее и честнее, чем люди. Ну так, что, прав я, али нет?

И вот что я ответить ему должна? Голос-то у него мягкий, взгляд внимательный, поза расслабленная. Довериться? Кому? Первому встречному? А с другой-то стороны, ктс поверит, что баба Маша человека в теле зверя сюда пропустила? А горе, которым есть с кем поделиться, оно легче переносится. Подумав пару минут, я повернулась к дереву и зацепив зубами в один узел завязанный поводок, вытянула свободный конец и скинула его на землю. В холодную воду лучше разом нырять, чем по шагу вперёд пробираться.

— Так, значит? — Аргор задумчиво провёл ладонью по лицу, будто стирая что-то неприятное и дёрнул себя за бороду. — И что мне делать с тобой, Мира? В крепости там свои порядки, там животные лишь подмога, их и не берегут особенно. Потому я и не привыкаю ни к кому из них, и имён не даю. Каждого оплакивать сил уже нет. Псов вперёд пускают для разведки, что человеку ничего не грозит. И тебя я так тренировать должен буду, если князь мой другого приказа не даст. Благо, что время есть пока подрастёшь немного, ты только ум свой сильно не показывай и меня держись. В казарме жизнь она простая, зверей в загонх держат и лишнего не тратят на них. Я подумаю, а ты ложись спать, путь не близкий ещё. Завтра к вечеру только на месте будем.

Заклинатель поднялся, осторожно распутал переплетения поводка у меня на спине, достал из котомки рубаху, постелил её поверх лапника и, молча указав на импровизированную кровать рукой, скрылся в лесу. Знать бы ещё, что я правильно поступила, а если сдаст меня в крепости своему князю и отправят меня в эти их болота? Да и так ведь отправят, натренируют и отправят.

Тонкие веточки и сучки впились через ткань в тело, но густая шерсть смягчила их прикосновение. Свернувшись клубком, я наблюдала за возвращением мужчины, как он готовил себе постель из лапника, проверял костёр. Усталость с дороги и неудобство передвижения сыграли свою роль, вскоре я уже спала, не проснувшись даже когда запах готовящейся гречневой каши зашекетал нос. Попробовать её получилось только утром, да и то в быстрых сборах.

Привычные уже пейзажи с чистейшим пропитанным древесными и луговыми запахами воздухом к вечеру второго дня сменились мрачными деревьями с настороженными людьми, а вскоре появилась и крепость, окружённая кислым запахом перегнивающего болотного торфа.

Частокол высотой в несколько моих ростов раскинулся на несколько сотен метров вперёд, за высокими воротами прятались избы и длинные казарменные постройки, позади которых раздавался многоголосый лай и вой.

Аргор спешился и снял меня вместе с поклажей с коня, поводья Яшки перекочевали к босоному мальчишке лет десяти с изгвазданным сажей лицом.

— Дядь Аргор, это что за зверь? — опасливое восхищение на лице мальчика вызвало скупую улыбку у заклинателя.

— Рысь это, Серко, — мужчина взлохматил широкой ладонью сальные мальчишеские кудри неопознаваемого из-за грязи цвета. — Князь Кайрим с поклоном нашему князю передал. С той стороны пришла к ним.

— Брешешь! — недоверчивым шёпотом протянул Серко.

— Как есть говорю, ведарь тамошний от волкодлаков спас.

— Ты её учить будешь? — детский восторг перевешивал чувство страха и мальчишка протянул ко мне руку.

— Буду, — согласился Аргор. — Ты аккуратнее только, зверь дикий, хоть и смиренный. Дед Михась ей имя дал, Мирой звать будешь, если приглядеть попрошу, всё понял?

Серко широко улыбнулся, радостно закивал и потянул каурого коня в сторону конюшен.

— Подмастерье это мой, — тихо бросил заклинитель, уверенный, что я услышу. — Пойдём, устрою тебя поближе к Любаве. Она в обиду не даст и выпрашивать ничего не будет.

Нелюдимого Аргора здесь уважали, а может и побаивались, по крайней мере люди отступали с его пути и мне оставалось лишь идти рядом, стараясь никому под ноги не попасть. Ростом я хоть и доставала мужчине до колена, но в такой толпе могут и не заметить. Шепотки за его спиной с насмешками и недоумением, я пропускала мимо ушей. Люди всегда говорят, только дай повод, а тут кошка дикая, да без поводка смиренно рядом идёт, естественно каждому хотелось внести свои пять копеек в багаж предположений, как же ему это удалось? Не то Велес помог, не то сам заклинитель богами заговорённый, что не только домашние звери его слушаются.

Дом, в который привёл меня Аргор, мало чем отличался от остальных. Такой же бревенчатый и двухэтажный, с небольшими застеклёнными окошками с внутренними ставнями. Первый этаж хозяйственный, второй — жилой.

Любава оказалась похожей на моего спутника как две капли воды пышной женщиной с кукольным личиком и плавной походкой, в той поре когда ей можно дать равно как тридцать, так и сорок лет. Такая за словом в карман не ползет, ироничный взгляд и смешливые морщинки возле глаз и губ выдавали лёгкий живой характер в полную противоположность своему брату. Слишком велико было сходство и близок возраст, чтобы делать другие выводы.

Быстро собрав стол, она усадила Аргора за поздний ужин и мне принесла миску утреннего молока, поставив его на пол возле заклинителя. Да, что ж ты будешь делать-то? Оценив насмешливый взгляд карих глаз, взялась за миску и с большим успехом, чем у деда, водрузила её на стол.

— Батюшки, — всплеснула руками Люба. — Это как же ж ты её научил?

— А вот потому, что не учил... — пряча улыбку за кружкой со своим молоком, протянул заклинитель. — Жить она будет у тебя.

— Да как же это? — женщина с опаской покосилась в мою сторону. — Зверя дикого в дом? Ты совсем со своими зверями умом тронулся! А коли нападёт ночью, их же предугадать нельзя?

— Можно, Любавушка, можно, — Аргор протянул мне ломоть хлеба и положил рядом с молоком. — Смирная она, добрая, котёнок ещё совсем. Как воспитаешь, такой и будет.

Смерив скептическим взглядом предложенную мне еду и переведя его на внушительную миску картошки с мясом возле Аргора, осуждающе покачала головой, чем заслужила ещё одну улыбку от мужчины и пару лучших мясных кусочков без жира сверху на хлеб.

— Так, а в загон пошто не хочешь? — ответила недоумённым взглядом сестра. — Всех же в загоне держишь?

— Мила она мне, — скупно обронил заклинитель.

— Мила, — Любава как-то сникла и покачала головой. — Одни звери тебе милы, женился бы уже давно, а ты всё со зверьём возишься. Да и судьба у неё всё та же, что и у

других. А ну как привяжешься опять и что тогда? Снова мне тебя выхаживать, а крепость без заклинателя останется?

— Дед Михась ей имя дал, — пропустил слова женщины мимо ушей Аргор. — А с князем я сам завтра поговорю. Может, в приграничье позволит оставить.

— Имя? — женщина махнула рукой и поднялась из-за стола. — Да что с тобой сделаешь, только сам за ней смотреть будешь, меня не проси даже — не подойду я к зверю дикому.

Любава вскоре отправилась спать. Заклинатель молча убрал со стола и, поманив меня вверх по лестнице, показал мне комнату рядом с чуланом. Внутри оказались довольно удобная деревянная кровать, пара шкафов для одежды, стол да лохань для воды. Стянув с кровати одну внушительных размеров подушку, Аргор устроил её под окном и покрыл сверху шалью, а сам вышел из комнаты, чтобы позже вернуться чистым и в свежей рубахе и штанах.

— Ты, Мира, не серчай, — улыбнулся мне спутник. — Но тебе тоже помыться бы не мешало, там на первом этаже возле печи чистая вода и полотенце. Любава спит уже, никто не потревожит.

Мыться я тоже уже приноровилась, ещё у деда в доме. Надо только полежать в воде, да потом о расстеленное на полу полотенцу покататься. Не языком же мне это делать? Привычная уже процедура не заняла много времени и вскоре я вернулась в комнату.

Мужчина дождался моего возвращения и поставив свечу возле кровати, забрался под одеяло. Это он тут спать собирается? А я размечталась о собственной комнате и кровати! Пришлось снова показать заклинателю язык и отправиться на подушку к окну. Зато мягко лежать и тепло от шали. Тихий звук резкого выдоха погасил свечу и комната погрузилась в тот же мрак, что царил за окном.

— Ночи доброй, Мира.

Доброй ночи, Аргор.

— А ну стой, чертовка мохнатая! — возглас Аргора впился в спину, заставив припустить во всю мощь лап.

Говорят, что гепарды бегают быстрее всех, а рыси... Тоже бегают, особенно когда позади несётся осатаневший заклинатель, у которого ты по-тихому умыкнула внушительную индюшачью ножку, прожаренную до золотистой корочки с сочным свежим мясом, которое ещё вчера бегало по двору и пыталось цапнуть тебя за лапу.

Да, я поступила очень опрометчиво, можно же было и попросить, но ножка лежала на его тарелке так соблазнительно, а я так давно не ела нормального мяса, что тело действовало само. Ну сколько можно продержаться на молоке, да каше? Маленькие кусочки мяса, что он вылавливал из своих порций для меня — не в счёт. Это так, на зубок!

Красивая, наверное, была картина. Раннее утро, народ уже весь толкётся на улице, а посреди всей это сутолоки, едва сдерживая слюни и сжав в зубах мясо не по размеру рта, несётся рысь, а за ней взъерошенный мужчина в домашней одежде, проклиная на чём свет стоит тот день, когда он приютил прикидывающегося невинным зверёныша.

Хотя прошло-то всего три дня. С Любовой установился вооружённый до зубов нейтралитет: я к ней не подходила, а она делала вид, что меня не существует. Аргор поначалу пытался объяснить ей, что зла от меня ждать не приходится, но быстро плюнул на это занятие. Сестрица оказалась непробиваемой.

Неожиданная преграда в виде чужих сапог из расшитого бисером тёмного бархата возникла на пути внезапно и, не успев затормозить, я со всей дури врезалась в прохожего. Даже умудрилась не выронить индейку, только встряхнула головой, пытаюсь привести в порядок дыхание и задвоившееся перед глазами изображение.

Не успела я прийти в себя, как чьи-то сильные руки рывком подняли меня над землёй, перехватив под передними лапами. Смеющиеся зелёные глаза замерли напротив и внимательно разглядывали спасающуюся бегством налётчицу.

— Теперь я понимаю почему ты так печёшься о новой подопечной, Аргор, — мягкие нотки в голосе одетого в расшитую на народный манер рубаху и свободные шаровары мужчины удержали меня от попыток добывать свободу когтями.

Очень неприятно висеть высоко в воздухе, вытянувшись в сардельку, и хвост такой, что не прикроешься, бугорчик один.

— Утро доброе, князь, — раздался из-за моей спины ничуть не запыхавшийся голос заклинателя. — Это я не доглядел, дверь не запер, она и выскочила.

— С таким куском мяса и я бы куда подальше решил спрятаться, — рассмеялся местный предводитель. — Занятный зверь, не боится, ишь ты. Ладно, быть по-твоему, пусть здесь живёт, только ты её на охрану учи, пусть за детьми приглядывает. Нет у меня лишних рук за малолетками присматривать.

Под кроткую благодарность Аргора меня опустили на землю и подтолкнули в его сторону. Пришлось притворяться виноватой и, понуриив голову, плестись к заклинателю. Убегать-то уже и некуда, такая толпа вокруг собралась, что и прохода не осталось.

— Да где ж это видано, князь, — раздался откуда-то сбоку возмущённый голос. — Хищник и детей охраняет? Нападёт на них, покалечит, вона как в индюшку-то вцепилась,

что и не отынешь!

— Ты, Ирга, наперёд дел-то мнение не высказывай, — жёстко осадил беспокойного жителя повелитель. — Злого зверя сразу видно, а эта вон какая смиренная. Обживётесь ещё друг с другом-то. Я своё слово сказал, кто не согласен, в обход вечером пойдёт, всё ясно?

Князь обвёл хмурым взглядом задумчивые и недовольные взгляды жителей, но возразить никто больше не посмел.

В паре шагов от Аргора меня настиг странный тухлый запах, с силой впившийся в нос и заставивший чихнуть. С трудом добытый желанный кусок полетел куда-то в сторону, а назойливый запах лишь усиливался, отбивая аппетит. Прижав нос к земле, я принялась изо всех сил его чесать передними лапами, но чих лишь усиливается.

— Мира? — недоуменный голос заклинателя потонул в раздавшемся со стены звуке рога.

— Волна! — ужас в голосах бросившихся врассыпную жителей на мгновение привёл меня в чувство.

— Мира, в дом! — окрик Аргора и чувствительная хватка в районе загривка подтолкнувшая меня в нужном направлении не дали ослушаться.

Сдерживая дурноту и чихоточные позывы, я бросилась вслед за мужчиной. Любаву мы застали уже на пороге дома.

— Миру заведи с собой! — не терпящим возражений тоном на ходу крикнул Аргор.

— Да нешто зверь себе укрытие не найдёт? — испуганно заголосила сестра заклинателя.

— Забери! — рявкнул мужчина, не оставив Любе выхода.

Аргор впихнул меня и Любаву в чулан, внутри которого оказалась ещё одна дверь в комнату без окон и захлопнул её за нами, а сам остался снаружи. Топот удаляющихся по лестнице ног затих вдали и мне уже ничего не оставалось как ждать в недоумении.

Люба скорчилась на полу в углу комнаты и вертела в руках деревянную фигурку, нашептывая что-то себе под нос.

Запах в странной комнате почти не ощущался. Толстые стены, напоминали убежище внутри дома. Кошачий глаз видел в опустившейся вокруг темноте скупую обстановку из пары тюков для сна на полу и сундука, из которого доносился едва ощутимый аромат вяленого мяса и сухофруктов.

Глухой стук где-то снаружи дома взбудоражил женщину, а внезапно усилившийся гнилостный запах поднял шерсть у меня на загривке. Он проникал сквозь невидимые щели и окутывал комнату, разъедая чувствительные ноздри и слезящиеся от тошнотворного аромата глаза.

Удар в дверь вызвал у Любы едва слышный всхлип ужаса. Стараясь не напугать её ещё больше, я осторожно подошла к ней и легла рядом, устроив свою голову у Любавы на коленях. Бояться лучше вместе. Узкая ладошка, готовая в любой момент ретироваться, зарылась длинными пальцами в мой мех.

Удар в дверь повторился, а после него будто мощные когти вонзились в твёрдое дерево, скрежеща и царапая его изо всех сил. Мурашки табуном пронесли по телу, окончательно встопорщив мех.

Что-то сильное и настойчивое рвалось к нам. С ужасом я поняла, что вижу в двери просветы, которых там раньше не было и длинные чёрные когти делают их всё больше.

Страх за Аргора на миг пересилил собственный. Любава тихо подвывала рядом,

сжавшись от безысходности.

Так вот от кого в домах убежища понаделаны, почему-то я не сомневалась, что и в другом жильё есть укрытия подобные нашему.

Когти подцепили одну из расшатавшихся досок и дернули, вырвав её вместе с гвоздями. Дальше дело пошло легче.

Ну и где хваленый адреналин в экстремальной ситуации? Откуда он выделяется? До сих пор я лишь холодела от мрачных предчувствий.

Никаких средств защиты в комнате не обнаружилось, может и были, но Любава оказалась не помощницей. Казалось, она смирилась с тем, что может произойти и всё нашептывала что-то на фигурку, странно раскачиваясь.

Кажется, я поторопилась давая себе обещание, что обязательно выживу. Но и сдаваться не собираюсь.

Поднявшись с пола, я загородила собой скорчившуюся на полу сестру заклинателя. Лапы, будто ватные, едва держали мой вес. А существо между тем разрушило последнюю преграду и ввалилась в помещение, распространяя вокруг тлетворный запах.

Больше напоминающее когтистую массу в последней стадии разложения, оно двинулось навстречу. Противопоставить ему я могла лишь собственные когти и зубы.

Стараясь не раздумывать, бросилась вперёд, нацелившись на то место где должно быть горло. Если там ещё течёт кровь, то пережатые артерии лишат монстра жизни, а если нет — я по крайней мере пыталась.

Зубы погрузились в мягкую склизкую плоть и сырое мясо уже не показалось таким противным. Сжав челюсти, я повисла на шее превышающего меня раз в пять существа.

Острые когти проникли в моё тело, оставляя кровавые росчерки рядом с едва зарубцевавшимися проплешинами в память о чёрных волках.

Может и в этот раз повезёт и какой-нибудь знахарь или ведарь, как их здесь называют, поможет выкарабкаться из тьмы.

Удары обрушивающиеся на меня со всех сторон постепенно становились слабее, как и моя хватка. Если разжать челюсти, вряд ли я смогу заставить себя снова сомкнуть их на этом истлевшем куске плоти. Наконец настал момент и существо дернулось последний раз и упало на пол, утянув меня вслед за собой.

Слабость и тошнота изматывали остатки сознания. Какой-то шорох где-то на границе слуха и голоса, которые было невозможно разобрать, на мгновение напомнили о том, где я нахожусь.

Сильные руки уверенно, но мягко сдавили основание челюстей, заставляя бросить отвратительный кусок плоти, тут же брызнувший кровью.

— Мира... — полный отчаяния голос заклинателя заставил потянуться к нему и уткнуться испачканным носом в такую же грязную ладонь.

Аргор осторожно поднял меня на руки и вынес наружу, туда где уже полыхали разведенные костры, а к ним стягивали ещё с десятков гнилых туш. В дом Любавы кинулись сразу несколько человек, видимо, забирать моего противника.

Быстрые, чуть резкие шаги заклинателя встряхивали меня в его руках, напоминая о том, что я ещё жива.

Самый последний дом возле крепостной стены встретил родными запахами трав. Маленькая одноэтажная лачуга с одной комнатой напоминала дом деда Михася, вот только того самого знахаря здесь не было. Да и вообще никого не было.

Аргор осторожно уложил меня на стол и принялся суетливо возиться среди ящиков и мисок. Вернувшись через пару минут, он начал втирать в раны резко пахнущую полынью и смолой мазь. От густой жижи шерсть стала липкой и тёмной.

— Потерпи, — встревожено прошептал Аргор. — Эта мазь всю заразу вытянет и крови остановит. Потом промыть нужно будет.

То ли от ран, то ли от мази жестокий зуд просто изводил скрытую под мехом кожу.

И кто первый придумал, что попасть в другой мир — всё равно, что очутиться в сказке? Дворцы, принцы, фамилиары, магический дар... Я бы не отказалась, да вот только моя сказка оказалась далеко не доброй.

Мужская рука осторожно почесала сводящее с ума место на шее сразу под ухом, отвлекая от настойчивого зуда. Довольное горловое мурлыканье напугало меня больше, чем вид ран, которые я заметила, интуитивно потянувшись за лаской.

Заклинатель провозился со мной несколько часов, в течение которых я периодически уплывала в беспамятство.

Из тех скупых обрывов фраз, что доносились до моего разума, я поняла, что Аргор должен был стать ведарем, как дед Михась, но способности к пониманию животных поставили крест на том деле, к которому лежала душа и о котором он мечтал, будучи подмастерьем старого знахаря.

Наложив повязки, мужчина так же осторожно, как и прежде устроил меня в кольцо своих рук и отнес обратно к Любаве, чей дом уже очистили от следов происшествия и лишь лёгкий гнилостный запах напоминал о случившемся.

— Она живая? — встревоженный голос пришедшей в себя Любы нарушил уют комнаты, где поселил меня Аргор.

— Оклемается к утру, — угрюмо ответил брат, вынимая из шкафа чистое бельё.

— Она мне жизнь спасла... — Любава подняла на меня свои опухшие от слёз карие глаза. — Дикая, ничейная, а даже не думала...

— Завтра спасибо скажешь, — устало ответил Аргор, увлекая сестру прочь из комнаты. — Сейчас ей покой нужен.

От вернувшегося через некоторое время мужчины пахло исподволь ставшим родным травянистым ароматом, которым пах и старый знахарь.

— Вурдалаки это, Мира, — заклинатель устроился рядом и осторожно гладил мой мех. — Никто не знает когда это началось. Кто-то говорит как пути перекрыли, так нечисть и полезла, а кто-то считает, что они всегда были. Знаю только, что все княжества окружены дегрями непролазными, а где пройти можно, там нечисть живёт. Кто заклинал своих, кто договаривался, а мы вот так живём.

Аргор замолчал на несколько минут, размышляя о чём-то своём.

— Пропадают они на болоте, — наконец, горько обронил мужчина. — Женщины, дети, мужчины. А потом возвращаются за родными своими, чтобы с собой забрать. У Любавы муж там пропал в прошлом году, сегодня вернулся вот, когда ждоть перестала и вздрагивать при каждом стуке. Их только сжечь можно, чтобы убить до конца. Да только жизнь ли это, чтобы убивать её? Уничтожить бывших когда-то родными. Тяжело это, Мира.

Эта ночь для нас троих оказалась тяжёлой. У меня нещадно зудела кожа вокруг затягивающихся ран, заклинатель подскакивал с постели от каждого моего шороха, будто хотел убедиться, что я все ещё здесь, да Любава заходила то воды принести, то молока, то просто рядом посидеть и убедиться, что сама жива.

Всю ночь пылали костры, сжигавшие туши убитых вурдалаков и тела нескольких погибших в этой бойне. Имя повелителя здешних земель носилось в воздухе, его не называл только ленивый. Сквозь оконные ставни с улицы доносились как благодарности за то, что укрепил город и немногие из нападающих теперь добираются до жилья. Так и упрёки, что не сделал частокол ещё выше, что вурдалаки всё же доходят до ближайших домов.

Князь пришёл рано утром, когда Аргор заботливо устроил меня на лавке сбоку от печи, а Люба под строгим присмотром заклинателя до отвала накормила снятыми сверху крынки сливками и отварным мясом. Чувство сытости томной негой устроилось внутри и наливалось тяжестью среди ресниц.

— Утро доброе вашему дому, — раздался громкий возглас из распахнутой настежь двери, заставив меня вздрогнуть от неожиданности и уставиться на вошедшего.

Повелитель княжества шагнул внутрь после ответных пожеланий хозяев и подошёл к столу, на ходу разворачивая принесённую с собой ткань. Всплеснув руками при виде князя, Люба убежала в подпол за брагой, которую здесь очень уважали. Слабый напиток, настоящий на хлебных остатках, подавали к ужину и к приходу желанных гостей.

— Ну, Мира, принимай дары, — строгие черты лица чуть разгладились при виде распластанной по лавке моей многострадальной шкурки, теперь и домой можно, никакой браконьер не позарится на столь испорченный ценный мех.

Меж тем князь извлёк из тряпицы миску с прожаренными кусочками птичьего мяса, освобождёнными от костей. Это намёк на вчерашнее происшествие? Громкий сытый ик, вырвавшийся из моего горла при виде столь аппетитной, но уже не вдохновляющей картины, вызвал у мужчин приступ смеха. А чего они ожидали? После утренних попыток Любавы загладить свою вину за холодный приём, мой живот был набит под завязку и довольным шариком оформился по бокам.

— Да-а-а, — с добрым смешком протянул князь Радомир, опускаясь на лавку возле стола. — Вижу тебя уже отблагодарили.

В спокойной обстановке я смогла, наконец, его рассмотреть и на ум пришло лишь одно сравнение — медведь. Грузный сильный торс бывалого, хоть и молодого, воина никак не вязался с мудрыми не по годам внимательными глазами, взирающими со строгого лица, обрамлённого густой гривой медового цвета волос. Добрая лучистая зелень взгляда притягивала внимание и сердце вдруг пропустило удар, сбившись с ритма.

— Я, Аргор, к тебе за советом, — Радомир отвёл свой взгляд и мне будто стало легче дышать. — Кошка твоя раньше дозорных волну учуяла, может и в топах проход найдёт? Отправить бы её со следопытом до ведаря Лахи, давно ведь от него вестей нет, все пути нежить перекрыла.

Добрый ты, князь. Здесь не убили, так давайте в болото отправим?

— Ты не серчай, князь, — разом помрачневший заклинатель опёрся плечом о стену возле окна и направил на повелителя тяжёлый взгляд. — У кошек нюх-то острый, да не настолько. Да и слаба ещё, подрастить её надобно, да научить. Нужно не только по топи пройти, а и назад вернуться, ежели путь будет чист.

— Твоя правда, — задумчиво потёр покрытый густой щетиной подбородок гость. — Вот

что тогда, пусть сие между нами останется и Любаве скажи, чтобы не болтала нигде, что я до вас сегодня приходил. Даю тебе месяц, коли способная ученица окажется, а потом решим тогда.

Возвращение Любавы с кувшином браги прервало мужской разговор, который скатился к обсуждению пограничных дел и ближайшего торгового каравана от одного из близлежащих княжеств.

— Говорят, что и Купава в этот раз сама явится, — задумчиво протянул князь. — Не любя мне эта весть. Ведьма старая редко из своей норы нос кажет, а тут в дальний путь подпоясалась.

— Купава без нужды не приезжает, — Аргор лишь пожал плечами и разлил остатки браги по глиняным кружкам. — Значит, вести есть какие, раз объехать всех решила.

— Думаешь, она не только к нам пожалует? — Радомир подвинул к себе кружку и принялся разглядывать слегка пенящийся напиток.

— А это к ведарю не ходи, — усмехнулся в бороду заклинатель. — Ради одного князя и выходить не станет, вестника пришлёт.

— Твоя правда, друг, — князь замолчал на то время, что Люба с тихой улыбкой убирала со стола остатки скромного завтрака и принесённое правителем для меня мясо, бросая на Радомира застенчивые взгляды.

Проводив покинувшую столовую женщину с задумчивым видом, Радомир снова обратил свой зелёный, как молодая травяная поросль, взгляд в мою сторону. И странная удушающая волна будто пригвоздила меня к лавке, заперев кислород прямо в лёгких. Почему-то появилось твёрдое ощущение, что он понял! Рядом с ним вдруг показалось, что у меня нет совершенно никаких тайн, потому что он знает их все: от рождения и до сегодняшнего дня.

— Ты, Аргор, других-то обманешь, — тяжёлые гулкие слова князя повисли в комнате, подтверждая мои ощущения. — Да не меня. Не думал я, что ты, против указания моего пойдёшь. Зачем принял дар от Кайрима и оборотня потустороннего приютил? А с Привратницы я потом спрошу, как допустила.

Оборотня? Я свалилась с лавки, выдав себя с потрохами, и во все глаза уставилась на мужчину. Глупая надежда бешеной птицей забилась в грудной клетке и замерла где-то в горле судорожным комком, а дрожащие от слабости лапы едва держали вес изувеченного тела. Значит, это не приговор? Я могу снова стать человеком? Пусть даже и рысий облик сохранится, но возможность хотя бы просто поговорить с кем-то — это же просто подарок судьбы!

— Не знала? — жёсткий посеревший взгляд будто видел насквозь мою душу, запертую в зверином теле.

Под беспомощным взором вмиг побледневшего заклинателя, Радомир поднялся со своего места, будто разом заполнив всё свободное пространство, и подошёл ко мне.

— Да нешто оставить её там нужно было? — протянул враз севшим голосом Аргор.

Мужская рука ухватила меня за подбородок, заставляя смотреть в гипнотизирующие и лишающие воли глаза.

— Зла в тебе я вчера не увидел, не вижу и сейчас, — протянул князь. — Но ты учти, Мирослава, глаз с тебя не спущу. Слишком много горя мой мир с той стороны хлебнул, молва она только плохое помнит, о добре и не скажет годы спустя. Только новой судьбой ты доверие к себе создашь, сейчас тебе никто твоё происхождение не простит.

Гнетущая давящая к земле тяжесть, исходящая от повелителя, отступила вместе с ним и

я снова смогла свободно вздохнуть. Только тогда до меня дошло, что он меня полным именем назвал, тем которое дед Михась дал, никто кроме нас двоих и не знал его. Кто же ты, князь? Но в ответ на мой изучающий прищур тот лишь усмехнулся и, бросив взгляд на вытянувшегося в струнку Аргора, покинул дом.

Заклинатель будто постарел разом и тяжело опустился на лавку.

— Не только князь это приходил, Мирослава, — Аргор поднял на меня свой карий взгляд. — Велес сам пожаловал на тебя посмотреть, от богов ничего не утаишь.

Как бог? Мои лапы подкосились и разъехались в стороны. То есть тут боги вот так просто вселяются в кого ни попадая и приходят к тебе в гости бражки попить? А если в меня вселится? Да он же тут с меня чуть душу не вынул! Так вот откуда это чувство двойное, что при виде Радомира меня посещает: то обычный взгляд у него, а то мурашками в спине отзывается.

— Князя они прокляты, али богами поцелованы, тут как посмотреть, — заклинатель поднялся с лавки и, едва переставляя ноги, дошёл до меня, помогая вернуться на покрытую шалью деревянную скамью. — Боги, когда нужно, через них правят и указания дают.

А от вурдалаков и прочей нечисти свой мир богам лень защитить? Скептически взглянув на Аргора, в глубине его глаз я увидела лишь хмурую уверенность в правильности того, что у них есть. Боги — они везде такие боги. Испытания, проверки, трудности, чтобы жизнь мёдом не казалась. И я вот под раздачу попала, только по чьему решению? Велес вроде и не в курсе был. Ну, баба Маша!

— Мирослава — доброе имя, — попытался улыбнуться мужчина. — А то, что оборотень, так оно и лучше. Может, однажды я хоть тебя услышать смогу, а то только урчишь, да смотришь в самую душу.

Потрепав меня за ухом, Аргор отправился к загонам проверить собак, а я не нашла лучшей идеи, чем потихоньку уползти в комнату, да поразмышлять. Мыслей в голове бродило много и ни одной оптимистичной. Раз один из местных богов теперь за мной присматривать будет, тут уже с индейкой в пасти по двору не побегаешь.

За такими нерадостными мыслями я и уснула, свернувшись клубком на своей подушке и лишь возвращение как никогда хмурого заклинателя прервало странный сон, в котором я неслась куда-то через лес и чёрные тени сгущались позади, утопая в оставленных мною в болотной топи следах.

Липкий сон ещё сковывал разум, а Аргор уже снимал больше не нужные полоски ткани, местные мази быстро заживляли тело, но не душу. Да и шерсть вскоре отрастёт, долго ли?

— Ты, Мира, через пару дней окрепнешь, — тихо произнёс друг. — Попробую тебя на поле вывести, посмотришь на псов, а там сама повторишь, ежели получится. Месяц срок не большой, но и ты умнее других зверей, коли двулика. Против решения князева никто не пойдёт, а против Велеса и давно.

Остаток дня прошёл в тишине и хмурым ожидании, передавшемся даже Любаве, хоть она разговора и не слышала. Странное тягучее предчувствие, что сорвало меня в дорогу на Духову гору снова комочком угнездились за солнечным сплетением и билось внутри не давая покоя. Лишь к утру того дня, что Аргор отвёл, слегка отступило от меня мрачное предчувствие.

Свора мощных мускулистых животных с виду похожих на мастифов, полаивая и взрыкивая, носилась по огороженному за казармами пространству. Появление заклинателя на секунду усмирило собак, а мой ковыляющий следом вид — взбеленил и заставил залиться

грозным пробирающим до кости воем. Но лишь один молчаливый знак мужчины погрузил площадку в звенящую тишину и Аргор поднял меня, усаживая на верхнем бревне забора.

— Смотри и запоминай, — обронил заклинатель, не оборачиваясь и прошёл через калитку, заперев её за собой.

Псы, как и я, не сводили с него зачарованного взгляда. Рубаху Аргор снял и повесил на ворота, волосы перетянул ярко-алым шнурком, на фоне которого пшеничные волосы стали ещё ярче. Слегка влажная покрытая коротким пухом волос грудь поблескивала бисеринками пота в солнечных лучах, отвлекая внимание от мужчины, что сделал ладонью несколько сложных пасов и пять собак из стаи выдвинулись вперёд. На секунду я прикрыла глаза и задержала дыхание, пытаясь вытеснить из памяти этот вид. Когда распахнула веки, псы построились в неравномерную цепь и, склонившись носами к земле, ползли на брюхе по поверхности поля, а Аргор не отводил свой взгляд от меня.

Сделав самое невинное выражение морды, на которое только была способна, я принялась следить за странным поведением животных. Вот одна собака застыла и издала тихий лай, в тот же момент слабый дымок поднялся недалеко от её носа и растворился в воздухе. Одна за другой собаки останавливались и картина повторялась, лишь самый мелкий пёс, совсем ещё щенок, продолжал ползти вперёд. Чёрный копотный дым окутал животное почти рядом с заклинателем и пёс, взвизгнув, отскочил прочь.

— Это имитация источников с иссушающим газом, — неожиданно нахмурившись, отвлек моё внимание от пса Аргор. — Определённая смесь трав даёт похожий запах и эффект ожога, мы используем его для тренировки собак. Запомнив этот запах и его последствия, пёс помогает следопытам обходить местность, чтобы определять насколько расширились границы Сумрачного Болота и находить пропавших. Источники реагируют на внешнее воздействие и на громкие звуки, поэтому зверь должен понимать из жестов, что от него требуют и молча предупредить об угрозе.

— От того как пёс усвоит урок, зависит его жизнь и жизнь человека, — раздался сбоку тихий вкрадчивый голос, от которого я подскочила не месте и привлекла внимание стаи, которая с обезумевшим лаем и полными слюней пастями кинулась в сторону забора.

Зачем я поехала на эту гору? Мысленно взвывая, я попыталась спрыгнуть на безопасную сторону забора, но оказалась в руках, которые слегка прижали меня к себе, не позволяя вырваться. Насмешливая зелень застыла напротив моей морды.

— Понимаешь, Мирослава? — князь Радомир не ждал ответа. — Следопыт и пёс одно целое, от того насколько они понимают друг друга, зависит выживут они в топи или нет. Аргор учит как, а человек и зверь уже ищут пути к взаимопониманию. И чем крепче эта связь, тем дольше они не совершат роковую ошибку.

Под мрачным взглядом заклинателя меня вернули на забор.

— Аргор, уведи собак, — последовал спокойный тихий приказ, который, однако, был услышан и выполнен. — Идём, Мира.

Странное чувство спокойствия будто опутало в сетях своего кокона, когда по молчаливому жесту князя, я спрыгнула туда, где ещё недавно носилась стая и пыталась добраться до меня.

Упругая трава мягко спружинила под подушечками лап и выпрямилась, как только я прошла дальше.

— Ты сразу поймёшь, что нужно искать, — продолжил мужской голос, затрагивая внутри какую-то часть, что потянулась навстречу. — Запах невозможно спутать.

Какая-то возмущённая мысль попыталась проникнуть в разум, убеждая, что я не зверь, чтобы как зачарованная наблюдать за уверенными ладонями с лазурным перстнем на безымянном пальце. Будто танцуя в воздухе, пальцы рук переплелись между собой и на мгновение застыли в воздухе. Подчинившись негласному зову, я сделала шаг вперёд, а за ним ещё один.

Новое движение ладоней и блеснувший на солнце перстень поманили к себе, завораживая и предлагая довериться. Шаг, другой, третий. Запах палёной кожи, на который я сначала не обратила внимания, окутал всё вокруг и предательский чих разорвал странное влечение. Чёрный дым взвился вокруг, отрезая меня от мужчин, следом будто сотни игл вонзились в молодую кожу на затянувшихся шрамах, заставляя отступить.

— Мира? — взволнованный голос подбежавшего ко мне Аргора прорвался сквозь пелену помутневшего от дыма взгляда.

Вот только князь успел раньше и плен слегка растерянных зелёных глаз вернул чувство спокойствия и необходимости пройти через это поле с ловушками, не затронув ни одной.

Запахи. Звуки. Они будто объёмная картинка встают перед внутренним взором, за долю секунды рассказывая о том, на что словам понадобится время. Теперь они преследовали меня везде.

Запах болот осел на задворках сознания и уже не вызывал ни отвращения, ни тошноты. Он есть, о нём нужно предупредить: замереть возле выхода газа и обернуться к следопыту — он обойдёт чуть правее или левее.

У Аргора поступь тяжёлая, от давнего ранения в бедро он чуть шаркает правой ногой. Его густой травяной запах с нотками полыни и чабреца успокаивает измученное сознание. Заклинатель не слышит, не чувствует. Он лишь проводник между мной и князем, он создает те узы, что связывают крепче канатов.

Радомир ступает не слышно, только озоновые разряды в воздухе, как перед грозой по весне, да едва ощутимый аромат созревших зерен выдают его появление. Следопыт выбрал себе зверя, а зверь нашёл своего подопечного.

Не спрашивая, я теперь могла предположить кто чем был занят и как проводил свой досуг некоторое время назад.

У рысьего облика были свои плюсы, но не хватало человеческого внимания, незнания, покоя. Как сейчас, когда Любава вернулась домой и единственное чего мне захотелось в этот момент — забиться под кровать в нашей с Аргором комнате и не знать, не чувствовать...

Обычно тонкие лавандовые нотки наполнились сочным ароматом свежих распустившихся цветов и переплелись с насыщенным зерновым запахом. Он оставил свой запах на ней, а это могло говорить только об одном. Ну, за что мне это? Не хочу я этого знать!

Мы с Аргором вернулись из загона ближе к вечеру и Люба сбежала, как делала это последнюю неделю, оставив нас ужинать одних. А вернувшись к ночи, принесла запах Радомира, что все эти дни на пропахшем мокрой псиной поле чесался у меня в носу.

Там в его присутствии, под молчаливыми приказами жестов, я словно растворялась в нём и понимала всё, что он хотел донести: где пройти, сколько препятствий, у какой травы запах паленой кожи. Он рядом и верит в меня, я рядом и проведу его.

Наверное, это нормально, в его жизни есть другие люди, но его запах на ней вызвал внутренний едва ощутимый протест, налипший будто комья грязи на ту странную связь, что возникала за ограждением. Лишь присутствие заклинателя, заметившего мой пришибленный вид, спасло от вдыхания того, что я ощущать не хотела.

Под изумленным взглядом Аргора, я запрыгнула к нему на колени и уткнулась носом во внутренний сгиб локтя. Чабрец и полынь, растревоженные потом, вытеснили оставленный Любавой шлейф из лаванды и зерна с грозой, успокаивая зашедшее в бешеном биении сердце. Моё личное успокоительное, моя передышка в странном ритме чуждого мира. Ну, почему я не человек?

Надёжные сильные руки обхватили моё тело, прижимая к себе и успокаивая, глядя по спине, целуя в висок. Раздражающая близость жёстких волос с подбородка оцарапала нежную кожу носа и лоб. Колючий.

— Ты уж прости, — раздался над ухом нежный смешок. — Брить бороду не буду, её

воины носят, как знак своей силы и мужественности.

Что? Оглушённая звуком своего голоса, я осоловело уставилась в тлеющие внутренним огнём карие глаза и увидела в них своё отражение. Испуганный серый взгляд тонул в тепле древесного оттенка, правильной формы брови оттеняли глубокий цвет, курносый нос чуть вздёрнулся над тонкими губами, длинные тёмно-русые волосы прикрыли плечи и подаренную Марисьей рубашку.

— Здравствуй, Мирослава, — тепло улыбнулся заклинатель.

— Это я, — собственный тихий голос прорвался сквозь связки.

— Вижу...

А через мгновение захотелось раствориться в той неожиданной нежности, что осела на губах с робким упорством, но без принуждения. Мир? Другой? Он где-то там за воротами. Здесь и сейчас моё родное тело устроилось в кольце рук, растворяясь в томной неге чужого прикосновения.

— Мира, — тихий полустон с его губ потонул в моём дыхании и стёр все те преграды, что я возводила в своей душе с того дня, как сторбленная фигура застывшего на скамье старого ведаря скрылась за поворотом.

Как так получилось? Неужели, чтобы вернуть свой облик, мне нужно было лишь пожелать этого?

— Аргор, — и борода уже не кажется такой колючей и лишь дразнит нежную кожу губ.

Тихий уют его объятий нарушили ворвавшиеся через сомкнутые веки рассветные лучи. Не вовремя, ещё чуть-чуть, ещё пара минут пока он прижимает к себе нежно и естественно, будто так было всегда. Но под сонным нежным взглядом карих глаз с застывшей внутри тревогой, что раскрылись от моих движений, руки покрываются шерстью, а ладони обзаваются мягкими подушечками и внушительными когтями.

Я хочу стать человеком, пожалуйста! Но мироздание молчит и боги глухи, лишь несколько часов нормальной жизни, в обмен на что?

— Мира...

И нет сил смотреть в его растерянные глаза. Как можно объяснить необъяснимое? Я ошиблась и от моих желаний ничего не зависит. Тепло древесного пола упирается в покрытые мехом лапы, а подушка под окном скрывает скатившиеся из глаз слёзы. Марисья, за что?

Утром Аргор не проронил ни слова. Под пытливым взглядом Любавы, он привычным жестом выловил из своей порции лучшие кусочки мяса без жира и отдал их мне. Это стало своеобразным ритуалом, и как не пыталась его сестра откладывать мясо для меня на отдельную тарелку, а оно не избегало рук заклинателя, лично проверявшего каждый кусочек на отсутствие жилок.

Сразу после завтрака — учёба в загоне, но он всё молчит.

Выпущенная Серко ещё на заре, свора расхаживала по заросшему разными травами полю за ограждением, разлаявшись на все лады. Устроившись на заборе, я наблюдала за очередной порцией жестов и их значением. Чёрные псы, словно слаженный механизм, отзывались на каждое движение мозолистых рук.

Запах грозы и спелых зерён с остаточными нотками лаванды возвестил о приходе Радомира, омрачая и без того тяжёлое утро.

Повернувшись к князю, я успела увидеть странную гримасу на его лице.

— Ты пахнешь, — казалось, что он едва сдерживает дурные позывы.

Пахну? Я с недоумением уставилась на подошедшего мужчину.

— Травами, — поморщился князь в ответ на мой вопросительный взгляд. — Как в доме у знахаря.

Это ещё что за новости? Мрачный как грозовая туча заклинатель медленно приблизился и встал рядом.

— Связь крепнет, — мне показалось, или Аргор был готов от души встряхнуть князя. — Она тоже твой запах чувствует.

Обрести заново речь, это вам не баран чихнул. В промежутках между полными нежности поцелуями, я умудрилась выболтать заклинателю всю свою подноготную. Как на гору сорвалась и как Марисью встретила, как волкодлаки гнали и дед Михась спас, как князь Кайрим пришёл и как Аргор меня сюда привёл. И что запах Радомира у меня в носу застрял, раздражая и нервируя.

— Откуда ты знаешь? — князь чуть сощурил свои глаза.

— Мира обернулась вчера, — признался заклинатель, устраивая свою ладонь у меня на загривке.

— Ты был с ней... — подобравшись и дернувшись вперёд, прошипел Радомир, лёгким присвистом в голосе вызвав неприятные мурашки у меня по хребту.

— Я не соблазняю дев и вдов, — в тон ему прорычал Аргор.

Это да. Дальше объятий, поцелуев и совместного сна у нас не ушло, хотя весь мой организм буквально выл от желания почувствовать себя цельной, живой, в своём теле.

— Ты сам знаешь, что у меня нет выбора, — князь словно сдулся и разом покрылся тонкой наледью отрешённости.

— Знаю, — кивнул заклинатель. — Но это не даёт тебе права...

— У меня. Нет. Выбора, — глухо процедил повелитель княжества, рождая неприятные предположения в моей голове и без того падкой на фантазию.

Битва лиственной зелени и древесной коры. Мужские взгляды буравили друг друга пока я не отважилась на самый безумный в своей жизни поступок. Крепко зажмурившись и поборов дикое смущение, я издала тихое "мяу". Как же хорошо, что я не человек!

Противоборство ошеломлённых мужчин закончилось вместе с произнесённым мной звуком и тихий смешок заклинателя нашёл отражение в засиявших бесенятами зелёных глазах князя.

Под лёгкими пасами рук, я сегодня дошла от края до края, не потревожив ни одной ловушки, а после провела по найденному между кочек пути Радомира. Вот только я была совершенно не готова к прозвеневшим в воздухе словам.

— Она справится, — с медленным кивком протянул князь. — Через два дня я пойду с ней в топь.

— Негоже тебе в Сумрачные болота идти, — покачал головой Аргор. — Я с ней пойду, коли нужда такая есть.

— Аргор, — Радомир чуть сжал плечо друга. — Ты не хуже меня знаешь, что зверь свой выбор сделал, она не сможет вести тебя. Мира меня признала своим следопытом.

— Нельзя земле без правителя оставаться, — сумрачно взглянул из-под ресниц заклинатель.

— Нельзя людей в зверином облике через границу пускать, — с горьким смешком ответил князь и, развернувшись на пятках, быстрым шагом покинул загон.

И? Устроившись, на бревне, я с любопытством уставилась на заклинателя, ни минуты не

сомневаясь в том, что тот объяснит. Аргор помолчал лишь пару минут.

— Связь объединяет пару, — стиснув зубы, пояснил заклинатель. — Пёс защищает, а человек оберегает. Но ты — другое дело, Мира. У тебя душа человеческая.

Уткнувшись носом в обнажённое плечо, которое сохранило мой запах, я постаралась подбодрить мужчину и подняла глаза, встречаясь с карим взглядом.

— То, что душа выбрала, — слабо улыбнулся Аргор, погружая пальцы в мех у меня на шее и почёсывая размещённое там чувствительное место. — Тело может не выбрать.

В ответ на мой недоумённый взгляд, заклинатель помог мне спуститься вниз и распахнул ворота, забирая с них свою рубаху.

— Понимаешь, Мира, — задумчиво покусывая губу произнёс мужчина. — Следопыт и его пёс — это пара на всю жизнь, связанная одной целью и одним делом. Когда следопыт погибает, пёс подыхает от тоски. А когда погибает пёс, человек находит себе нового. Твоя звериная часть признала князя своим следопытом, она будет следовать за ним, куда бы тот ни позвал. Но твоя человеческая часть вчера была со мной...

Понимание тяжким грузом обрушилось на плечи, пригвозждая к земле своей силой. Сев посреди дороги, я посмотрела в ставшие родными глаза, подёрнутые пеленой грусти.

— Связь невозможно разорвать, — добил Аргор, останавливаясь рядом и глядя на меня сверху вниз.

Первые алые краски заката тяжёлыми росчерками ложились на побуревшее небо, притягивая взгляд и заставляя вскинуть голову кверху. Может, и к лучшему, так слёзы не прольются.

— Когда князь находит свою женщину, — продолжил вколачивать в крышку гвозди заклинатель. — Это подобная связь. Она погибнет от тоски, если его нет рядом, а он найдёт себе другую, если с ней что-то случится. Лишь соединение определяет правильный ли сделан выбор, Любава не та, хоть и привлекла его внимание. А теперь внимание привлекла ты.

Проследив за моим взглядом, Аргор тоже поднял глаза к небу.

— Издавна так решили боги: князя их сосуды. Жизнь у Радомира длиннее обычной и силы больше, он её сыну передаст. Чтобы тот появился, женщина должна найтись одному ему суженая, она княжной станет и для богини откроет свою душу. Жена Велеса найдёт свой сосуд в смертном теле, Макошь её зовут. Она над Привратниками стоит и мировыми перекрёстками правит.

Окинув заклинателя мрачным взглядом и заметив в его глазах тень озарившего меня понимания, молча боднула его под коленями в сторону дома. Я свой выбор сделала и до Радомира мне дела нет, пусть дальше ищет. Сходим в топи, раз он того желает и вернёмся сюда, искать способ навсегда вернуть мне человеческий вид.

Аргор будто замер изнутри. Он тренировал меня, объясняя все знаки, которые может показать князь. Он садился рядом и рассказывал о том, что ждёт в топи. Но у меня складывалось впечатление, что мысленно мы уже попрощались.

— Запомни, Мира, — тихий голос заклинателя нарушил ночную тишину и прервал мою дрему, в которую я только начала проваливаться. — Дальше каменного креста никто кроме ведаря не ходил. Я не знаю, что ждёт вас там и князь не знает. Дед Лахи как-то умел находить язык с вурдалаками, но однажды забрали его дочь, и он ушёл. Никто с тех пор ведаря не видел, а мы без защиты его остались. Земля гибнуть начала, а Сумрачные болота всё ближе к поселению подбираться.

Навострив уши, я подняла голову и разглядела, словно съёжившегося на кровати, обхватившего руками колени Аргора. Он смотрел прямо на меня, будто видел в темноте.

— Там в начале источники только попадают, — продолжил мужчина. — А дальше неприкаянные ходят, это те, кому возвращаться не за кем, последние из рода, али не питавшие родственных чувств. Они агрессивные и непредсказуемые: могут мимо пройти, а и напасть могут. Увидишь такого, найди лучше место укромное и затаись до поры, не забудь Радомира предупредить. Князь не след в след тебе пойдёт, между вами большое расстояние будет — весь твой путь он почувствует, а если связь так сильна, как я думаю, то и следы увидит, они его проведут.

Поднявшись со своего места, я подошла к кровати и положила голову на её край, заглядывая в сухие отрешённые глаза, но Аргор не протянул руку. Он повернулся на звук процокавших по деревянному настилу когтей и, отвернувшись, укрылся одеялом с головой.

Терпкий привкус горечи коснулся моего сердца. Так значит? Проще укрыться в своих эмоциях и никого не пускать. Думаешь, что, если оттолкнёшь, то я меньше страдать буду, а сам скорее забудешь? Подумав, запрыгнула на кровать и прижалась мохнатой спиной к его спине, ощутив как напряглись его мышцы, но постепенно расслабились и мирный едва слышный храп наполнил комнату. От него ещё пахло свежей древесиной, запах вьелся в кожу вместе с летящими от полений щепками, что оставили на обнажённых плечах карапины и ссадины, примешивая к дереву нотки ржавчины.

Утром я проснулась раньше Аргора от пробившихся через щель в ставнях солнечных лучей. Дома я могла позволить себе спать долго, но здесь казалось, что каждая минута на счету и проспять её — преступление.

Тихий шорох в коридоре возвестил о пробуждении Любавы, оставив заклинателя досыпать, я спустилась вслед за женщиной на первый этаж и устроилась на лавке возле печи. Отсюда наблюдать за несостоявшейся княжной было удобнее всего. Отчего-то её простые утренние действия приводили меня в состояние расслабленного спокойствия.

Всё то, что в зверином облике мне было недоступно, в её исполнении казалось сейчас медленным и плавным ритуалом: постепенное наполнение просыпающегося дома дурманящим благоуханием готовящейся пищи, аромат свежесцеженного молока, чуть ощутимые запахи сена и колодезной воды, которая будто хрустит во рту от своей свежести и прохлады.

Опустившаяся на загривок мужская рука вывела из тихой дремы, заставив вздрогнуть от

неожиданности. Уверенные пальцы на мгновение зарылись в мех до самой кожи и тут же отступили.

— Утро доброе, Мира, — тихо произнёс Аргор и направился к столу.

Заклинатель пытался ввести в мой рацион картофель и каши, но звериный организм наотрез отказался от этой еды, а от сырого мяса отказалась я сама ещё у деда. Привычный теперь уже завтрак состоял из варёного мяса и молока, а после него за мной пришёл князь.

— Пора идти, — хмуро обронил Радомир, отводя взгляд от тлеющей внутри карих глаз грусти.

Затянутый в лёгкий доспех, не мешающий передвижениям и бою, правитель княжества пропустил меня на выходе из дома вперёд. В этот раз я не обернулась, всё, что могла себе позволить из эмоций, уже сделала ночью. Едва уловимый шёпот "Мира" показался дуновением ветра, выдавшим желаемое за действительное. Аргор не прощался и не пошёл провожать.

Шаги князя идущего позади были как всегда не слышны, лишь тугой зерновой запах при порывах ветра говорил о том, что Радомир следует за мной. Он словно был совсем рядом, где-то внутри за солнечным сплетением, и я безошибочно выбирала дорогу в сторону Сумрачных болот. Всю жизнь страдающая географическим кретинизмом, я знала куда идти и как ступать.

Она появилась на дороге неожиданно. Сбоку от наезженного тележками тракта на замшелом валуне устроилась пожилая женщина, укутанная в расшитую узорами и мотивами шаль. Складывалось впечатление, что она сидит не на твёрдом камне, а как минимум на оббитом бархатом троне с мягкой подушечкой, настолько торжественно и величественно она взирала сверху вниз. Длинные белые космы распластались по плечам, пронзительные большие глаза с поблекшими от возраста зрачками, впалые щеки и чуть крючковатый нос, судя по тому, как окутала старушку шаль, тело было сухощавым и невысокого роста.

— Рано, Радомир, — звенящий сталью голос словно создал передо мной преграду, остановив движение и разорвав наваждение.

— Купава, — князь склонился в земном поклоне, который ведьма проводила снисходительным взглядом. — Чем обязан?

— Ты? — насмешливо изогнула бровь старушка. — Я не к тебе, а к ней.

Смерив пожилую женщину заинтересованным взглядом и оглянувшись на замершего в ожидании Радомира, уселась на земле. Что же это всем так интересно на меня посмотреть? Нашли диковинную зверушку!

— А ты и есть диковинная зверушка, — усмехнулась ведьма.

Опешив, я во все глаза уставилась на косматую женщину. Она ещё и мысли читает?

— Знаю я, что ты у Привратницы просила, — нахмурилась ведьма. — Да только когда от души просишь, нужно все случайности учесть, а ты не подумала. Вот и расхлёбываешь теперь.

Женщина наклонила беловолосую голову, пристально разглядывая меня и словно решая говорить дальше или нет.

— Когда обернулась? — спросила ведьма. — Когда вернулась?

Недоумённо уставившись на собеседницу, попыталась понять о чём она спрашивает и принялась вспоминать как дед Михась в лесу нашёл и как в комнате Аргора снова стала человеком.

— На новую луну значит, — задумчиво обронила старушка. — Обновит она всю жизнь

твою, изначально свой путь пишешь и по ту сторону свои следы стираешь. Здесь твой путь я вижу, а про свой мир позабудешь вскоре и тревога уйдёт, что спать по ночам не даёт. Отступится.

Ведьма перевела взгляд на вставшего слева от меня князя и вернулась ко мне, молча разглядывая и снова что-то решая.

— Надежда она у всех разная, — нарушила тишину Купава. — Потому ты теперь не зверь, да и человеком тебя не назовёшь. Есть у тебя имя на той стороне и на этой, да нет у тебя имён. Два пути у тебя из-под ног уходят и развилка уже близко. По одному пойдёшь и станешь надеждой для приютившего тебя княжества, сможешь ты с силой, что вурдалаками управляет договориться, но счастье тебя стороной минует. По другому пути пойдёшь — пару истинную свою похоронишь. Чью надежду ты выберешь? От того и судьба твоя виться будет.

Странное опустошение наполнило душу, будто волна с песчаного пляжа схлынула, ничего не оставив после себя. Это я глупая думала, что выбор уже сделала и к Аргору вернусь, а выбора-то и не было ещё. Да и как понять кто пара истинная, когда к обоим тянет?

— Оба истинные, — усмехнулась ведьма, сощуриив глаза. — Но от выбранного тобой пути всё зависит. Зверь свой выбор сделал, а человек — свой. Когда на путь свой встанешь, тогда и облик один останется.

То есть? Либо рысь, либо человек? А как понять с кем и от чего это зависит? До чего же боги местные и ведьмы загадки любят. Была бы волком, уже бы выла, а так оставалось только хмуро разглядывать предсказательницу.

— Никто за тебя не решит, — по-матерински добро улыбнулась Купава. — И какой твой шаг к кому приведёт, даже я судить не возьмусь. Слишком переплелись судьбоносные пути. Надежду ты выбрала, да не выбрала чью.

И что теперь делать? Мрачно взглянула на князя, сосредоточившего на мне свой зелёный взгляд. С Аргором я человеком стала на одну ночь, а с князем связь звериная проснулась. Значит, кто кого выбрал — это понятно, уже легче. Но как быть с Макошью, что решила меня в этот мир отправить? Значит ли это, что она хотела видеть меня княжной — её личным сосудом? Но тогда рысиный облик не подходит, а рысь выбрала князя...

Голова мгновенно заболела от зароившихся в ней предположений. Как сделать правильный выбор?

— Сама поймёшь когда время придёт, — обронила ведьма. — Ступайте.

Невидимая стена исчезла и хрупкие узы, словно поводок протянулись к Радомиру, вселяя уверенность в правильности избранной дороги. И, подчинившись, ведьме и толкающей меня вперёд силе, я двинулась по дороге дальше.

— Ведаря в сердце топи найдёте, — донеслось вслед с валуна. — От креста потустороннего совсем недалече.

Тот самый крест из моего мира? Аргор говорил о кресте, но я не думала, что это он! Обернувшись к камню, я ожидала услышать ответ на незаданные вслух вопросы, но Купавы на валуне уже не было. Бодрая сухонькая ведьма уже ушла далеко вперёд в сторону княжества, которое мы покинули. Когда успела? А по виду и не скажешь, что резвая.

— Купава не всегда говорит так, как понимать следует, — достиг моих ушей голос князя. — Ведьмы лишь предупреждают о том, что возможно в будущем, но от совершённых поступков будущее измениться может.

Лес влажный и тёмный раскинулся сразу за полем, клочья мха и вьюнов душили деревья

в своих тесных объятьях. Упругий лишайник пружинил от лап, словно предлагая остаться и устроиться в нём поудобнее.

— Ты теперь вперёд иди, — мягко произнёс Радомир. — Я буду следом направлять, вдвоём мы внимание привлекать будем лишнее, по одному на нас не заметят, если нигде не ошибёмся.

Бросив на князя скептический взгляд, я ступила под разлапистые ветви замшелых и разбухших от воды сосен.

Густой душный воздух, пропахший прелой землёй и тленом ворвался в лёгкие, уничтожая на корню всю уверенность в достаточности приобретённых на тренировках с Аргором и Радомиром знаний. Там запах источников доносился среди привычных, легко опознаваемых запахов, а здесь среди гнили и затхлости я словно потеряла нюх.

Запах зерна давно стёрся из памяти и не доносился с порывами ветра. Окутавший всё пространство сумрак сбивал с толку даже острое кошачье зрение, ни один солнечный луч не пробивался сквозь ветвистые кроны старого бора.

Только где-то внутри зрела уверенность, что я здесь не одна, что справлюсь и что ступаю правильно. Лёгкий запах пала пробился сквозь терпкую вонь и я замерла, разглядывая раскинувшийся передо мной мох. Чуткий нос вдыхал поветрия и выискивал с какой стороны запах сильнее. Вот здесь, чуть пожухлый бугорок посеревшего мха, резко выделяется на фоне наполненного болотной влагой лишайника.

Радомир, сюда нельзя. Умиротворяющий отклик доносится с уверенной волной и спокойствием.

Левее от источника меня снова окутывает влажный дурман, сводящий с ума своим жаром. Подушечки лап словно касаются губки, мягкие кочки щекочут и погружают в себя каждый мой шаг.

Зверь рад и наслаждается прогулкой, насмехаясь над испуганными мыслями человека. Подчиняться следопыту, находить путь среди болотных топей, охотиться на дичь в роще неподалёку от города... Разве можно мечтать о чём-то другом?

Ещё один источник остаётся по левой стороне.

Аргор. Отрешённый взгляд заклинателя до сих пор стоит перед внутренним взором. Его сильные, крепкие объятья, словно глоток кислорода в затхлом воздухе чужого мира. Я хочу быть человеком!

Сразу два источника притаились возле зарослей хвоща, я чую их более сильный запах. Зверь рычит и подавляет своей волей, следопыт рядом и чувствует каждый шаг, он поддержит в любой ситуации, направит и даст решение.

Отчаяние на минуту сжимает сердце, кем же я вернусь из Сумрачных болот? Неужели ведьма права и борьба между зверем и человеком уже началась? Смогу ли я удержать то человеческое, что во мне осталось?

Найти ведаря и вернуться к Аргору.

Найти путь, который не приведёт к его смерти.

Снова стать человеком...

Когда это произошло? Когда я окончательно разделилась на две сущности? В загоне Аргора или под кронами хилых болотных деревьев? Я окончательно потеряла контроль. Тело, до сих пор безотказно мне подчинявшееся, стало моей тюрьмой. С толстыми прутьями решёток и пудовыми оковами стен.

Рысь хищно стелилась по земле, а я лишь бессильно наблюдала как она приближалась к ничего не подозревавшей жертве. Молодой тетерев, неизвестно как оказавшийся и выживший в неприветливой местности, с недовольным видом ковырял тонкими пальцами лап кустик с местными ягодами, по виду напоминающим морошку. Он подцеплял тонкими коготками крохотные плоды и аккуратно отправлял их в клюв.

Душный болотный запах, раздражавший меня, не причинял ни малейшего беспокойства охотящемуся зверю.

Я билась в клетке сознания, ощущая нарастающее беспокойство Радомира и идущие от него призывы успокоиться и остановиться, но рысь действовала по своему усмотрению, не обращая внимания ни на кого. Секундный чётко выверенный бросок и острые клыки хищника вонзились в шею жертвы, не оставляя птице ни единого шанса, а меня передёрнуло от отвращения.

Небольшая полянка в самой глуши Сумрачных болот по счастливой случайности была свободна от источников, что, наверное, и спровоцировало зверя расслабиться, отпустить натянутую нить связи и добыть себе живой еды.

Рысь быстро утолила свой голод и жажду крови, а я лишь безвольно наблюдала её глазами, не в силах что-либо изменить. Паника скрутила все внутренности. Воздух в лёгких отказывался двигаться дальше.

Не хочу! Я не зверь! Я не убийца!

Жар опалял тело, выкручивая мышцы и кости. Казалось, что боль поселилась в каждой клеточке. Пятнистое животное каталось по земле и выло от ярости и бессилия. Не знаю кто в этот момент сопротивлялся больше — я или она?

Отчаяние и страх цепкими холодными оковами сковали душу и только приближающаяся свежесть ночной тьмы как-то остужала воспалённую кожу.

— Пожалуйста, не надо, — тихий всхлип прорвался сквозь стиснутые зубы.

Терпкое зловонное марево болот опутало меня и прилипло мокрой тканью ночной рубашки к телу.

— Я не зверь! Я не буду зверем!

Тонкая связующая нить где-то в глубине души растянулась до боли и, зазвенев, лопнула, оставляя чувство опустошения и тишины. Радомира я больше не чувствовала, поскуливая, зверь скрылся в подсознании и всё, что осталось от него — смутное ощущение близости.

Свернувшись клубком на сырой бархатной болотной кочке, я подтянула к груди босые ноги и позволила себе разрыдаться. Осколки памяти, сверкнув на прощание воспоминаниями, скрывались вслед за рысью в недрах разума, оставляя лишь те дни, что я провела в этом мире. Туманная завеса опустилась и погребла под собой всё то, что было дорого мне прежде.

Только Аргор имеет значение, должна же я держаться хоть за него, если всё остальное

потеряно и лишь смутно просвечивает чем-то знакомым, но уже не важным.

Только Радомир остался где-то в глубинах топи и, возможно, найдёт дорогу по тем следам, что я успела оставить до того, как зверь подчинил моё тело.

Гнилостный запах тлеет вокруг и оседает вечерней росой на траву, пронизывающим холодом впиваясь в незащищённую кожу. Тихие лесные шорохи и слабые порывы ветра напоминают о том, что я всё ещё жива и осталась собой. Надолго ли?

Шорохи всё громче и ближе. Топь живёт своей жизнью и её не интересует застывшая в позе зародыша моя фигура. Человеческое ухо начинает различать отдельные звуки и всё больше они походят на шаги, тяжёлые и неуклюжие, будто идущему что-то мешает. Недовольные всхлипы потревоженных ночным созданием кочек нарушают тихие посвистывания полёвок и заставляют смолкнуть болотных цикад.

Ещё не настолько темно, чтобы не различить частично разложившийся силуэт, чья рука провисла вдоль тела на растянутых сухожилиях и волочится по земле следом за бесцельно бредущим по топкой жиже. Вурдалак.

Новая волна паники грозит погрести под собой все попытки собрать свою волю в кулак. Что говорил Аргор? Найти безопасное место и прикинуться ветошью? Нашла. На поляне открытой всем желающим увидеть, в самом её центре и лишь надежда на то, что белоснежная сорочка покрылась высушенной коркой грязи и уже не блестит ярким пятном в сгустившемся сумраке.

Существо принюхивается и тихо рычит, сосредотачивая невидящие бельма глаз в моей стороне. Его движения всё увереннее и тяжелее. Вурдалак идёт прямо ко мне. Ужас парализует волю, сейчас у меня нет ни когтей, ни клыков, чтобы хоть что-то ему противопоставить! Воспоминание о свернувшейся, пропитанной гниением, чужой крови во рту, окончательно обездвигивает.

Если не двигаться, подождать, он пройдёт мимо. Аргор же не мог обмануть? Не стал бы заклинатель зверей врать и уверять в том, что убьёт меня вместо того, чтобы спасти. Лежать, не шевелиться, затаиться и ждать.

Я чувствую его дыхание на своей коже. Разве трупы умеют дышать? Что вообще умеют трупы? С трудом сдерживаю рвущийся из груди истерический смешок. Крепкие чёрные когти будто лезвия наточенных ножей. Вурдалак осторожно трогает моё тело, подцепляет так аккуратно будто убитый рысью тетерев маленькую ягоду. Источаемое им зловоние чешется в носу, вынуждая задержать воздух в лёгких, чтобы не чихнуть.

Тихое рычание и когти разжимаются, отбрасывая меня в сторону с дороги зверя. Острый сук от упавшей ветки впивается в плечо, пропарывая тонкую кожу и застревая в мышцах. Я с трудом сдерживаю крик и чудовище, скосив напоследок белёсый взгляд туда где упало отброшенное им тело, продолжает движение вперёд, потеряв всякий интерес к утонувшей в чёрной ночной тьме поляне.

Ночь всё гуще, а холод всё злее и даже тонкий ручеек горячей крови не в состоянии согреть и заставить двигаться одеревеневшие от ужаса и озноба мышцы.

Лесные шорохи играют вокруг свою музыку, но не могут скрыть новые утопающие в кочках всхлипы чужих ног, рык и ворчание. Запах разложения и тлена. Новое прикосновение когтей, уже не такое заинтересованное как первое. Чудовищу больше интересна моя кровь, чавкающие глотки воды рядом с повреждённым плечом и оно отправляется дальше. А у меня даже на отвращение нет больше сил.

Ночь всё темнее и уже не видно силуэтов деревьев, не пробивается сквозь густые

переплетённые кроны изувеченных стволов свет далёких и чужих звёзд. Надо двигаться, найти укромное место до утра и затем отыскать Радомира.

Но зачем? Холод ласково шепчет на ухо и обещает покой, избавление от всех тревог и забот. Надо только закрыть глаза и всё станет уже неважным. В конце концов, это ведь не мой мир.

Не мой? С чего я это взяла? Не помню, не хочу знать.

Очередной шорох шагов оставляет равнодушной. Разве может случиться что-то ещё более худшее? Одна посреди населённой вурдалаками топи, ночью и в тонкой ночной рубашке.

Куда я шла? Зачем сопротивляться? В темноте так хорошо и холод уже не так противен.

— Что же ты, глупая, сделала? — осторожные прикосновения бережно укутывают во что-то мягкое и тёплое.

Я сделала что-то не так? Что я сделала? Мысли шевелятся и с трудом продираются сквозь вялость и апатию.

— Тшшш, всё хорошо, — смутно знакомый голос уверяет, что ему можно доверять. — Будет немного больно, но без этого никак. Ты только не засыпай, нельзя пока.

За что он извиняется? Почему нельзя спать? Ночь так уютна. Недоумение и ленивое равнодушие стирает жгучая волна боли, пронзившая плечо, но тут же что-то густое и приятно пахнущее травами впитывается в кожу, останавливая кровотечение.

Такой родной запах, откуда он здесь? Сознание пытается бороться с холодом. Его запах рядом, но не он.

— Отдыхай, Мира, — продолжает успокаивать голос из ночной тьмы. — Завтра подумаем, что теперь делать, а пока спи. Я присмотрю за округой до рассвета.

— Спасибо, — маленькое слово даётся с трудом, озябшие губы не желают пропускать его через себя.

— Спи, — тёплые объятия прижимают к себе и кто-то нежно касается моих губ своими, согревая дыханием, в котором отпечатался запах спелого зерна и предгрозового воздуха.

Мне не нравится вкус зёрен и озоновый запах грозы.

Сон больше похожий на горячечный бред. Холод и тепло. Болотные запахи и запахи зреющих на солнце упругих колосьев. Ночь и день. Липкий воздух топи и свежий ветер с гомоном деревенских голосов. Чьи-то руки надёжные и уверенные отдают моё тело в другие — сильные и пропахшие травами.

Так странно. Мозаика бурых листьев над головой едва различимых в неверном утреннем солнце сменилась гладкими досками потолка, что выхвачены слабым светом от свечи рядом с окном полным ночного неба. Аргор снова не прикрыл окно, он любит видеть облака при пробуждении и игнорирует приказ князя закрывать ставни каждую ночь.

— Как она? — взволнованный женский голос слабым воспоминанием приводит в чувство.

— Болота забрали много крови, но худшее уже позади, — ответ такой же тихий как и вопрос, с едва уловимыми бархатными интонациями. — Радомир нашёл её вовремя. Говорил же, что слишком рано туда идти, но понесла ведь нелёгкая.

— Главное выбрались, — успокаивающе шепчет Любава. — Надо же, девицей оказалась. Ты же знал об этом, почему не рассказал? Я бы ей худа не сделала.

— Ты бы не сделала, — ощерился заклинатель. — А молва? И так второй день крепость слухами полнится. Хорошо хоть Купава народ успокоила, знала ведь куда едет и зачем,

колдунья старая.

— Не ворчи, — чуть повышает тон сестра. — Купаве всё ведомо, на то и ведьма. А ты мог и сказать. Я же ей мясо сырое с пола есть предлагала, человеку-то! Эх, ты... Всё тебе звери важнее, а до людей и дела нет.

Сердито фыркнув, Любава вышла из комнаты, оставив её в тишине нарушаемой лишь равномерным дыханием Аргора.

Значит, это не было сном? Там на болоте князь нашёл меня и каким-то образом смог выбраться обратно? Если бы не давящая тяжесть одеяла и скопившаяся в теле ватная слабость, я бы попыталась узнать больше, но веки сковывал сон, будто мало ему было времени со мной.

— Мира, — только он произносит моё имя с такой нежностью, что замирает сердце. — Мирослава.

Сон отпускает из своих тисков, разрешая повернуть голову к мужчине, чьи горячие объятия возвращают тепло моей коже и вытравливают с неё травяными запахами воздух болот. На глубине карих глаз притаились тревожные омуты, а рядом с густыми ресницами залегли морщинки на потемневшей от недосыпа коже.

— Я думал, что потерял тебя, — нежность и ласка в голосе отзываются трепетом в сердце.

Быть человеком, чувствовать близость его тела, что заставляет ощущать себя живой и нормальной.

Не зверь. Не хочу быть зверем.

— Мира, — дрогнувшие руки касаются моей спины, прижимая к мужчине.

Мой. Родной. Его прикосновения словно память о давно забытой мечте. Но когда я об этом мечтала?

Тепло и нежность губ, таких желанных, ласково убеждают довериться. Он не обидит, будет рядом, всегда со мной. Сердце сбивается с ритма под уверенными движениями ладоней, кожу опалает уже не озноб, и слабость окончательно отступает под силой того огня, что охватывает тело и душу.

Смутные ощущения и тени от воспоминаний мелькают где-то на границе сознания.

Я что-то оставила там в Сумрачных болотах, память об этом надёжно укрыта и охраняется притихшим до поры зверем. Рысь всё ещё там, внутри, её мех словно щекочет меня изнутри, напоминая о том, что она не сдастся и будет выжидать нового шанса. Теперь нас двое в одном теле и каждая будет бороться за право на жизнь.

Но сейчас всё это не имеет никакого значения. Пока Аргор рядом и обнимает так крепко.

Заклинатель разбудил меня сонным движением, сокращая появившееся за ночь расстояние между нашими телами и утыкаясь своим тёплым носом мне в шею. Казалось, что проведённое с ним время поделилось со мной новыми силами: жить, бороться, привыкать. Свежий утренний воздух касался обнажённой кожи спины, но весь холод, что поселился было внутри вытеснило присутствие рядом Аргора.

В спутавшихся за ночь волосах мужчины терялись первые солнечные лучи, робко заглядывающие в распахнутое окно. Обветренная на суровых болотных ветрах кожа заклинателя чуть шелушилась под кончиками моих пальцев. Упрямо сжатые даже во сне губы и первые едва заметные морщины были близки мне каждой своей чёрточкой. Нежность к суровому нелюдимому воину давно поселилась в моём сердце, но когда именно я уже ответить не могла.

Улыбка тронула мои губы и, погрузившись в свои наполненные солнцем мысли, я не заметила как карие глаза распахнулись ото сна и, пряча в себе смешинки, наблюдали за мной из-под ресниц.

— Ты такая домашняя утром, — улыбнулся Аргор, протягивая руку и убирая вьющуюся прядь с моего лица.

Румянец смущения тут же запылал на щеках, вызвав отдалённое ворчание зверя. А ночью ведь совсем не испытывала неловкости, всё казалось таким естественным, нормальным, человеческим.

Нежное прикосновение губ к губам, уверенные движения рук по спине вновь разожгли не истлевший до конца костёр желания и к завтраку мы спустились когда Любава уже во всю гремела на кухне посудой, выдавая своё нетерпение и любопытство.

Выданное ею одно из платьев было великовато, но всё решил плетёный ремешок на пояс и наряд, расшитый народными мотивами, с вшитыми защитными символами, как объяснил Аргор, вполне удобно обхватил изрядно похудевшее за время болезни тело.

По словам заклинателя Радомир вернулся в крепость со мной на руках два дня назад и всё это время я провалялась не приходя в сознание.

Непривычно снова идти на двух ногах и слабость ещё не до конца разжала свои объятия, поэтому сильная мужская ладонь, обхватившая за талию, придавала уверенности, если не походке, то самочувствию.

— Утро доброе, — всплеснув руками, Люба суетливо принялась расставлять на столе глиняные плошки. — Ты, Мирослава, прости уж меня, от Аргора иной раз и не добьёшься слов. Вот, садись к печи поближе, потеплее возле неё. Продрогла небось на болотах? А князь-то тоже хорош! Радомир-то точно знал всё и спрашивать нечего. Потацил неокрепшую к вурдалакам. Да не стесняйся ты, садись ближе к Аргору, а он во главе стола, как положено.

— Спасибо, — с невольной улыбкой я устроилась на предложенном месте, которое по воле случая оказалось тем, что всегда и занимала в зверином облике.

Сестра заклинателя выудила из печи большой горшок, разложила по мискам сытную набухшую кашу из перловки и кусочки поджаренного индюшачьего мяса. В тишине завтрака под смеющимся взглядом Аргора и любопытными взорами Любавы, было уютно и тепло, будто всю свою жизнь я провела среди них.

— А как там по ту сторону завесы-то? — не выдержала русоволосая женщина, с жадным вниманием разглядывая моё лицо.

— По ту сторону? — я напряжённо наморщилась, но мысли и воспоминания разбредались прочь, не давая себя ухватить, а охраняемый рысью туман на памяти словно стал гуще. — Помню только ведаря, деда Михася, и что после было. Остальное будто стёрто, я вроде помню, что не отсюда, но вроде всегда была здесь.

— Жаль, — Любава огорчённо вздохнула, но в таких знакомых карих глазах вновь зажглось любопытство. — А каково оно — зверем быть? Интересно небось? Все звуки, запахи доступны, непостижимое всё...

— Человеком лучше быть, — слабо улыбнулась сестре заклинателя.

— Любава, — Аргор попытался сердито сдвинуть брови, но счастливый блеск в глазах помешал его затее. — Ты погоди донимать вопросами, пусть в себя придёт хоть немного.

— Да нешто я донимаю? — лукаво рассмеялась молодая женщина. — Ты лучше скажи когда в кузню пойдёте?

— Любава! — мужчина не выдержал и рассмеялся.

— Ну что Любава? — сестра округлила глаза и показала брату язык, совсем как задорная девчонка. — Я тридцать лет уже Любава, пожила на свете и вижу всё, чай не глупая.

Я недоумённо перевела взгляд с Аргора на Любу, но посвящать в смысл странного разговора меня никто не спешил. Тёплый травяной чай в глиняной кружке согревал ладони и приятным послевкусием оставался во рту. Семейная ироничная перепалка добавляла уюта этому утру и раздавшийся стук в дверь совсем не встревожил, покой и тепло вдовьего дома дарили какое-то умиротворение и лень. А может, виной всему был не совсем окрепший организм?

Аргор молча впустил в дом виденную мной на дороге ведьму, названную Купавой. Любава, снова засуетившись и мигом растеряв всё расслабленное спокойствие, освободила пожилой женщине своё место.

— Вы обождите снаружи пока, — узловатые пальцы на ладони Купавы взмахнули в сторону выхода из дома.

Заклинатель и его сестра подчинились ведьме, только Аргор на минуту замер на пороге, окинув старушку сумрачным взглядом.

— Иди, иди, — поторопила его седовласая женщина. — Не обижу я твою зазнобу, не затем здесь.

Бросив на меня нежный и вместе с тем тревожный взгляд, заклинатель скрылся за дверью, прикрыв её за собой.

— Вот теперь и поговорить можно, — ведьма отложила дорожный посох и похлопала ладонью по скамье рядом с собой. — Ты садись ближе, разговор у нас долгий будет.

Купава подождала пока я пересяду к ней и окинула меня цепким внимательным взглядом.

— Ты, Мира, послушай, что расскажу тебе, а потом решать будешь. Выбор твой не сделан ещё и судьба не написана, хоть на тропу ты и ступила уже.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ведьма взяла мои руки в свои, осторожно сжимая. Тонкие костлявые ладони с пятнышками возрастного пигмента, странно горячие, словно делились со мной своим жаром.

— Наши миры когда-то бок о бок шли и не знали бед ни здесь, ни там, — вздохнув начала Купава. — Раньше и не знали мы, что в другом мире живём. Что твой мир — он по ту сторону. Мы одним богам поклонялись и жертвы на одних алтарях приносили. Но пришла беда откуда не ждали и боги наши не захотели мир этот скверной пачкать. Возжелал один воин власти великой, над всеми странами и городами. Под одной рукой миром править, да не одним. Многие его идеями вдохновились и пошли за ним, да только не по нраву богам это пришлось. Народы-то все разные и обычаи различаются, хоть и схожи во многом. Велес с Макошью завесу-то и возвели, да князей поставили. Боги — они вечные, им наша жизнь минуты не больше, потому и князья живут не по одному веку, как простой люд. Не охочи боги каждый раз к новой душе привыкать, да под себя подстраивать, вот и посадили князей проводниками своими на земле. Каждое княжество своей паре богов подчинено, Радомир вот с Велесом связан. Ему княжна нужна, чтобы и Макошь могла волю свою изъяслять.

— Вы простите, но я тут при чём? — зверь, почуяв мой страх, выбрался ближе и весь обратился в слух.

— А это от тебя зависит, Мирослава, — по-доброму улыбнулась старушка. — Всё, что на пути у тебя, оно уже ведомо. Только выбор твой судьбу решит.

— Я не понимаю, — растерянно перевела взгляд с рук ведьмы на её лицо.

— А ты поймёшь, когда время придёт, — отмахнулась Купава. — Так о чём я? Ах, да. Когда миры закрыли друг от друга завесой, оказалось, что есть цена у этого. Всё то, что раньше под покровом ночи жило, в снах страшных, да легендами обоих миров наполнилось, ожило и стало княжествам досаждать. По одной напасти на княжество. И отвести напасть эту только пара полная может. Как оно происходит, то никому не ведомо, да только ежели князь княжну свою нашёл, кошмары отступают и смиреют, начинают Привратникам подчиняться, да служить им. От вурдалаков лишь в том спасение есть — княжну Радомиру отыскать надобно, да только по доброй воле она пойти с ним должна.

— А Аргор? — на глаза навернулись слёзы и померещившийся запах грозы вызвал тошноту.

— А что Аргор? — ведьма насмешливо подняла бровь. — Не написана судьба твоя ещё, слушаешь ты, али нет? Два пути у тебя, как и говорила я. Либо сохранишь ты вид человеческий, либо оборотнем и останешься до дня последнего. Тот, кто ближе тебе, с ним без боли оборот происходит. А коли нет его рядом — зверь и погубить может. Судьба коварная и испытаний много уготовила, от того как пройдёшь ты их и выбор сделается.

Купава поднялась со скамьи и взяла отложенный посох.

— Ты — Мирослава, — опёршись на посох, ведьма сделала несколько шагов к дверям. — Имя это твоё теперь, всё ненужное топь забрала, как и видела я. Память лишь прибавляет терзаний, а нет памяти и печали лишней нет. Имя ты обрела, а путь свой вдумчиво пиши. Мы в последний час с тобой ещё свидимся, а вот каким он будет, мне не ведомо пока.

— Но... — от разговора с Купавой я лишь ещё больше запуталась.

— Не могу сказать я больше, чем уже сказала, — с сожалением произнесла седовласая и, махнув рукой, не прощаясь, вышла из дома.

Спустя несколько мгновений меня снесло ураганом по имени Аргор, прижимающим к своему сердцу мою растерянную душу. Заклинатель устроил меня у себя на коленях и пытливо заглядывал в глаза, но даже он не смог объяснить мне смысла ведьминых слов. Только хмурился всё больше, а потом расслабился словно принял какое-то решение.

— Мира, — Аргор выудил из нагрудного кармана рубахи сплетённое из бересты колечко и вложил в мою ладонь. — Ты — моё сердце. Прими мой дар и позволь скрепить наши души.

Под тихий вздох появившейся в комнате незамеченной Любавы, колечко заняло своё место на моём безымянном пальце правой руки.

— Стань мне женой, — тихо произнёс напряжённо вглядывающийся в мои глаза заклинатель.

Не смотря на тревожный разговор с ведьмой и отсутствие уверенности в будущем, я знала точно, что рядом с Аргором мне легче даже просто дышать. Всё то, что окружало меня — было родным и необходимым как воздух. Запах чабреца, полыни и других трав укутали меня словно в защитный кокон, как в далёком детстве, когда стоило спрятаться под одеяло с головой и ночь уже не казалась такой страшной. Отказаться от него? Отказаться от обещания счастья? Одна только мысль об этом выбивает ту зыбкую опору и надежду на избавление от зверя, за которые я держалась всё это время.

— Я согласна, — робкая улыбка ещё не успела коснуться моих губ, а уже отразилась в тёплом взгляде мужчины и счастливом женском визге где-то позади.

— Тогда остаётся только договориться с кузнецом, — рассмеялся Аргор, посылая ироничный взгляд сестре.

Уже вечером весь народ в крепости высыпал на улицу и гомон человеческих голосов витал в воздухе. Нетерпение, любопытство и простая радость обыкновенной человеческой церемонии посреди борьбы за выживание, наполнили город.

Любава принесла в нашу с Аргором комнату невероятной красоты платье из белёного хлопка с красными завитушками узоров, осторожно подшив его в нужных местах на первой же примерке. Умелые женские руки заплели мои волосы в сложную косу, уложив её вокруг головы на подобие короны.

— Жена в дом мужа идёт босая и в одном платье, — ворковала Люба, закрепляя последние локоны. — Муж ей кров и дом даёт, а жена ему покой и любовь. Вы сегодня поженитесь, а завтра Аргор дом строить для вас начнёт, ежели за месяц справится, то жизнь будет с ним крепкая и сытная. А тебя я ткать научу. Первый ковёр в дом жена сама должна сделать в тот же срок. Тогда и дом будет заботы полон и уюта.

Под тихий женский щебет и с дрожью ожидания, я переступила порог дома и тут же чуть не утонула в любопытном человеческом море. Выступив из толпы, напротив остановился князь, пожалуй, единственный в чьих глазах, вместо любопытства и интереса, сквозили мрачность и сомнение.

Взяв Радомира под локоть и вдохнув дурмящий меня запах, я подчинилась человеческому потоку, сопровождавшему к кузнице. Князь как наместник бога, провожает к алтарю каждую женщину своего княжества и отдаёт её в руки жениха. По словам Любавы — этот обычай, словно гарант, что князь уверен в своём воине настолько, что доверяет ему ту, что продолжит род. Тем, кто обманул доверие правителя, дозволение на свадьбу не дают и жених у алтаря остаётся один.

Радомир подвёл меня к зданию, из которого дышало жаром и сталью. Аргор вышел навстречу и, обменявшись жёсткими взглядами с князем, протянул мне свою руку. Белые брюки и рубаха с той же замысловатой вышивкой делали русые волосы мужчины ещё ярче. В карих глазах сверкала гордость и огненные отблески от разведённого пламени. Успокаивающая улыбка вернула мне равновесие и заставила забыть о том, что за дверьми

кузницы остались сотни людей с мисками зёрен, осенних лепестков и разноцветными лентами.

Высокий широкоплечий кузнец с добродушной улыбкой протянул Аргору свой молот и серебряную пластинку.

— Дом — это очаг, — ухнул голос кузнеца в густую бороду. — Муж куёт жизнь семьи, а жена помогает поддерживать огонь. Идём, Мирослава, покажу как работать с мехами.

Под внимательным взглядом Горта и с его помощью заклинатель выковал серебряные кольца с затейливым мотивом, одно из которых после того как металл остудили, заняло своё место у меня на пальце вместо берестяного. Второе одел Аргор.

Из душного помещения мы вышли усталые, чтобы тут же утонуть среди поздравлений. На головы сыпались зёрна, под ноги летели лепестки и шёлковые ленты яркими пятнами плясали вокруг.

Надрывный рёв трубы погрузил площадь в сосредоточенное бегство. Схватив меня и Любу за руки, Аргор кинулся к заброшенному домику ведаря. До дома Любавы мы добежать уже не успели бы — над крепостными стенами взмывали вверх стрелы, а навстречу им — тела вурдалаков.

Дом пропавшего ведаря появился неожиданно. Один поворот и до входа остались считанные метры. Бежать осталось так мало, что если бы не моя слабость, Аргор и Любава уже были бы в убежище. Со мной шансов у них не было.

Тупая неудержимая сила вырвала Аргора и отбросила в сторону, когда он лишь на мгновение отпустил наши с Любой руки, чтобы открыть дверь в дом. Странный хруст при ударе и неестественная поза заклинателя выбили землю из-под моих ног. В теле будто отказали все мышцы, и я опустилась на траву возле входа, отстранённо наблюдая за приближающимся существом, за спиной которого виднелось ещё несколько таких же. Неумолимой волной они двигались в мою сторону, не обращая внимания на досаждавшие им мечи и стрелы защитников крепости.

Вурдалаков было много и так мало воинов. Люба подхватила прислонённый к двери в качестве подпора посох ведаря.

— Пора долг платить, — горько усмехнулась сестра заклинателя, стараясь не смотреть в ту сторону, где слёг её брат.

А я посмотрела и тут же почувствовала, что сердце пропустило удар и снова зашло в бешеном ритме. Так много крови. Почему так много крови?

Она разлилась ореолом вокруг головы, меняя цвет светлых волос на грязно-бурый оттенок. Побледневшая кожа и закрытые веки заклинателя стали последней каплей для близящейся истерики. Отступивший холод, недобро ухмыльнувшись, выскользнул из своего убежища на глубине души и вместе с торжествующим свою победу зверем, вытеснил то тепло, что защищало меня от них.

Напавший на Аргора вурдалак кружил рядом, примеряясь для удара. Первый Люба отбила, но следующий выбил из её рук посох и отбросил в сторону. Тихое шипение окружающих меня монстров толкнуло на приводящую в чувство, сумасшедшую мысль: они пришли за мной. Я поднялась и сделала несколько шагов в бок, существа двинулись следом.

— Мира, не шевелись! — рывкнул откуда-то из-за спин вурдалаков встревоженный, звенящий силой Велеса голос Радомира.

Но что он может сделать? Так много монстров и они знали куда шли. Пока князь пытается пробиться сюда, Аргор может умереть.

Боль и страх ядовитыми змеями сплелись в шипящий клубок. Но у меня нет выбора, их нужно отвлечь, вывести из крепости, помочь кому-то из целителей, если они здесь есть, добраться до заклинателя.

Любава дёрнулась, приходя в сознание, и привлекла внимание проходящего мимо монстра. Холодный пот пробил брешь с трудом восстановленного контроля, высвобождая живущую во мне вторую сущность. Вопреки ожиданиям, оборот не причинил боли, не обманула ведьма: пока Аргор рядом, всё будет хорошо.

Мех укутал тело, а зверь будто ждал только этого. Громкое рысиное "Ррраур!" привлекло внимание склонившегося над Любой монстра. Убрав чёрную когтистую лапу от тела молодой женщины, он отступил к собратьям.

Тихий стон заклинателя резанул по натянутым струнам нервов. Надо увести вурдалаков прочь от тех, кто мне дорог! Только выживи, а я справлюсь. Я вернусь к тебе.

Ближайшее чудовище утробно зарычало, ощеривая кинжалы длинных клыков и приглатываясь к прыжку, но у живущего во мне зверя были другие планы. Рысь оскалила в ответ зубы и сорвалась с места на бег, уводя монстров прочь от крепости, подтверждая мою догадку. Вурдалакам нужна я.

Тоскливая решимость сковала душу в панцирь неотвратимости.

— Мира! — слабый, полный боли и отчаяния родной голос скрылся за многоголосым тоскливым воем выпущенных кем-то из загона на подмогу воинам псов и остался позади, когда пружинистый бег вынес моё тело за ворота.

Вурдалаки бросились за мной, всё той же равнодушной волной, не обращая внимания на удары и увечья.

Слёзы жгли глаза, застилая дорогу, но под градом стрел, что ещё пытались уничтожить полуразложившихся существ, я пыталась сбежать и, отлежавшись где-нибудь в укрытии, вернуться в город.

Тлетворное дыхание заставляло мех на моей коже вставать дыбом, и слишком поздно я поняла, что вовсе не уводила монстров прочь, а они гнали меня в нужном им направлении. Вурдалаки обходили с флангов и преграждали путь, когда я пыталась бежать не туда, куда было нужно им. Они получили то, за чем пришли.

Паника и ужас окончательно завершили превращение. Я снова была лишь безвольным наблюдателем, а зверь с упрямой злостью рвался прочь от вурдалаков, рассудив, что против стольких монстров выстоять невозможно.

Сумрачные болота разлились между деревьев и ощерились травянистыми комками кочек. Кошачий нюх мгновенно улавливал запах источников и рысь вовремя меняла направление. Всё, что было важно — выжить и вернуться. Там, где была связь с Радомиром, зловеще звенела пустота, уничтожая по капле веру в то, что в этот раз он меня найдёт. Оставалась надежда только на псов Аргора, но когда он сможет поправиться и сможет ли? Надежд на то, что князь отправит на мои поиски кого-то из следопытов, я не питала. Потусторонняя, чужачка, оборотень. На что я им?

Холодный воздух топи с липкой влажностью и бьющим наотмашь гнилостным запахом сбивали зверя с толку. Силы истаивали, а вурдалаки всё мчались следом, без единого намёка на усталость, время от времени внося коррективы в наш бег.

Всё чаще зверь оступался и поскальзывался, всё позднее замечал источники и щелчки чужих зубов вызывали лишь глухое раздражение вялого протеста.

Густая, пропитавшаяся болотной жижей трава, оказалась ненадёжной опорой для подушечек мохнатых лап. Запутавшись в ногах и устав от долгого бега, я лишь почувствовала как земля и небо перед глазами меняются местами. Скалистый уклон в осклизлой траве встретил меня с распротёртыми объётыями. Стволы изогнутых деревьев летели навстречу и проносились мимо, чудом не вставая на пути падающего с пологого обрыва кошачьего тела.

Довольный рёв и странные звуки, напоминающие "смех" десятков гиен, наполнили воздух в далёкой теперь вышине. Тупой удар по голове и ночь наступила для меня гораздо раньше своего срока.

Очнулась я когда слабый солнечный свет пробился сквозь плотно сплетённые ветви деревьев. Ущелье окружали крутые стены, становившиеся пологими на недостижимой для меня высоте. Вурдалаков поблизости не оказалось, и запахов источников мой нос не ощущал.

Шерсть напиталась болотной сыростью и ощущалась лишней тяжестью, словно я стала

на несколько килограмм больше. Зверь хмуро оглядывал склоны, не позволяя мне выбраться из вновь захлопнувшейся тюрьмы. Наконец, обнаружив небольшой уступ, рысь приготовилась к прыжку и, оттолкнувшись задними лапами, взмыла вверх. Вовремя выпущенные когти не позволили сорваться, и со следующим прыжком я оказалась на свободе.

Мне на миг показалось, что зверь ждал похвалы за наше спасение, но в следующую секунду рысь снова закрылась от меня и сосредоточила своё внимание на окружавшей местности.

Я не хочу быть зверем. Мне нужно вернуться. Там Аргор и Любава, и Радомир.

Запахи гнили едва доносились сюда и свежий ветер щекотал ноздри, наполняя лёгкие ароматами полевых цветов и луговых трав. Огромная, идеально круглая поляна раскинулась в тисках соснового бора, который когда-то был невероятно прекрасен, а сейчас лишь голые стволы напоминали о былом величии.

Окинув взглядом мирный уголок, я замерла, а зверь сделал шаг вперёд. Посреди поляны возвышался он. Покосившийся, старый, поросший мхом и лишайником, высеченный когда-то из камня крест. Не тот ли, про который говорила баба Маша?

По виду ему можно было дать не одну сотню лет. Нанесённые когда-то на его поверхность символы сохранились достаточно хорошо, только освободить от следов времени и найти археолога. Но в зверином облике ни то, ни другое сделать невозможно. Да и мир другой.

Разглядывая внушительную скульптуру, я вспомнила слова Аргора о том, что дальше креста никто кроме старого ведаря не ходил. Озноб чужого внимательного взгляда опалил спину между лопаток, но, обернувшись, ни я, ни рысь никого не увидели.

Кажется, выбраться будет непросто. Сердце болезненно ждалось от тоски по Аргору и неизвестности. От вурдалаков оторваться получилось и можно возвращаться, но как найти дорогу назад без связи со следопытом по перебивающему все запахи и проглатывающему следы болоту?

Мысленно для себя отметила, что пришла со стороны поваленного дерева, в чьих вывороченных корнях образовалось подобие большой норы. Отсюда и нужно будет как-то двигаться, только прежде найти переправу через обрыв.

Зверь проигнорировал мои мысли и сделал несколько шагов прочь от креста. Звенящий свист вонзил стрелу в землю, заставляя замереть на месте и недоумённо разглядывать оперённое древко. Бежать! Надо бежать! Но кошачий нос с интересом обнюхал пушистый кончик стрелы и обернулся к лесу, втягивая цветочный воздух.

Она выступила из-за изуродованного ствола, натягивая тетиву своего лука, приготавливая стрелу к ещё одному удару. Блондинка с милыми и мягкими чертами лица, хрупкой фигурой и внутренней силой во взгляде следила за мной и выжидала. Вырваться от вурдалаков, чтобы умереть от стрелы?

Я ошарашено вдыхала луговые запахи и пыталась заставить зверя сдвинуться с места, бежать прочь, но к моим мыслям снова остались глухи. Девушка смотрела на меня с тяжёлым прищуром, а я могла лишь молить зверя и наблюдать его глазами за ней. Напряжённый струнный звон тетивы убеждал в её настороженности и готовности выстрела.

Внезапно звук тетивы ослаб и перестал дрожать, склонив голову на бок и, задумчиво меня разглядывая, она опустила лук. Зверь сорвался прочь в противоположную от нужной мне стороны, оставляя незнакомку далеко позади. Мимо креста, по шелковистой траве

странного поля, под сень жутких и тёмных деревьев.

Только мысли о заклинателе заставляли меня держаться в заточении чуждого разума в чужом теле. Но постепенно зверь брал верх и я не заметила как стала лишь отрешённо следить за его действиями, всё глубже погружаясь в звериный облик.

Я — зверь.

Усталость от бега вновь напомнила о себе, и я остановилась, оглядывая округу в поисках ночлега. Заворчавший от голода желудок напомнил о необходимости найти пищу. Воспоминание об убитом тетереве отозвалось приятным дурманом. Охота. Отдохнуть пока не наступит полная темнота и отправиться на охоту. Там на поляне я слышала шорох полёвок и пару вскриков потревоженных куропаток. Идеальный выбор для охотничьих угодий. А в норе под корнями можно сделать уютное логово.

Болото ещё не успело поглотить мои следы, по ним я вернулась к кресту. На опушке замерла, приглядываясь к противоположным стволам деревьев и втягивая носом пропитанный травяными запахами воздух. Разнотравье — это хорошо. Оно пахнет домом. Хороший будет дом.

Остановившая меня девушка нигде не ощущалась. Только запахи будущих жертв в богатых на пищу угодьях. Мысленно облизнувшись, я двинулась в сторону запланированного убежища, временами останавливаясь и прислушиваясь к творящейся вокруг кутерьме. Хищники здесь бывают редко. Мыши не боятся, не знают мой запах. Хорошо.

Нора под корнями оказалась глубокой и сохранила застаревший барсучий запах, но его здесь не было уже несколько сезонов. Теперь мой дом. Устраиваясь в новом логове на отдых, случайно зацепилась за торчащий корень странным серебристым ободком на одном из мохнатых пальцев. Смутное узнавание промелькнуло и исчезло, не оставляя о себе следа.

Отдыхать, а потом охотиться.

Запахи сырой земли и гниющих корней успокаивали. Звуки и шорохи за пределами логова дразнили голодный желудок и придавали сил. Скоро уже. Ещё чуть-чуть.

Несколько часов отдыха и мышцы снова налились силой, приготовились нести пружинистый шаг в мягкой шелковистой траве. Поветрие принесло неприятный болотный запах, но это только хорошо, оно скроет мой, и добыча дольше не будет считать меня угрозой. Надо охотиться с этим поветрием.

Осторожно выглянув из убежища, я потянула носом воздух. Чуть дальше от входа есть мышинное логово и оттуда пахнет новорождёнными мышатами. Их пока не трону, слишком близко от дома. Другие будут знать. На противоположном краю поляны были куропатки, они вкуснее и питательнее.

Плавные шаги утопали в густой траве, которая щекотала припавшее к земле брюхо. Левее послышался сонный свист. Там. Изменив направление и подстраиваясь под ветер, я в несколько плавных движений достигла своей сегодняшней жертвы. Сытная, хорошая.

Рывок. Точный, выверенный. Желанная пища обвисла в моих клыках. Сегодня будет сочная трапеза.

Чужой запах вывел из состояния ленивой дрёмы. Он кружил неподалёку от моего убежища и не думал рассеиваться. Что-то неуловимо знакомое, от чего дыбом вставала шерсть на загривке и ощеривались клыки. В памяти всплыли терзавшие меня чёрные тени, смутное узнавание шевельнулось в душе и обрывки воспоминаний. Волкодлак.

Чувства прежде мне незнакомые пронзили насквозь. Ярость и гнев толкнули к выходу в поисках отмщения. Шаг за шагом, едва слышно, я добралась до выхода из своей норы. Враг кружил по моим охотничьим угодьям, выискивая что-то известное лишь ему одному. Первые сумерки делали моё зрение не таким острым и внимательным, но нюх не обманешь. Чёрный пёс припадал на одну лапу, от него пахло болезненным смрадом. Нежить может болеть?

Недоумение было вытеснено моим тихим утробным рычанием. Почему я рычу?

Воспоминания навалились будто снежный ком, погребая под собой всё моё сознание. Дни и ночи слились в непрекращающуюся череду погонь, убийств и сытого отдыха. Как я это допустила? Как зверь смог одержать надо мной верх?

Что-то, похожее на стон, вырвалось из моего горла, привлекая внимание волкодака. Чёрный пёс повернулся в мою сторону и ощерил обломанные жёлтые клыки. Шерсть торчала клочьями во все стороны, судя по волнам дрожи, каждый шаг причинял ему нестерпимую боль. Волкодлак завыл и двинулся на меня. Не оставалось ничего, кроме как принять бой, пока на его зов не сбежались собратья.

Благодаря памяти рыси, я знала все те охотничьи навыки, что она оттачивала последние дни или недели, время для меня сейчас оказалось неуловимой величиной. Зверь тихо заворчал из глубины подсознания, он был сыт и не претендовал на мой разум.

Волкодлак был больше, старше, опытнее, он и скрученный болезнью, представлял собой серьёзную угрозу. С ним нужно было покончить как можно быстрее, пока ещё есть возможность убежать и не пришла к нему подмога.

Я сорвалась с места, оставляя позади безвыходную ловушку своего убежища и вцепилась в горло чёрному монстру, в тайной надежде покончить с ним одним ударом. Он ждал этого. Матёрый самец извернулся в последний момент и, вцепившись мне в бок, откинул в сторону. Тоскливый вой наполнил поляну, устремляясь во тьму под деревьями, призывая других.

Поднявшись и снова кинувшись вперёд, я умудрилась исполнить задуманное и небольшие кошачьи челюсти сомкнулись на горле волкодака. Хрип животного, болезненные росчерки его когтей с задних лап по моему чувствительному животу, прикрытому тонким меховым покровом. Что-то тёплое разлилось по телу в тех местах, которых касались его когти.

Мой мир сузился до пределов нашей битвы. Мы катались по стылой жухлой осенней траве и рвали друг друга, вонзаясь когтями и клыками, выискивая слабые места противника. Ни он, ни я не обратили внимания на шорох с окраины поляны, на пронзивший воздух тонкий свист. Волкодлак обмяк и навалился на меня сверху своей мёртвой вонючей тушей. Из головы монстра торчала оперённая стрела, так удивительно мне знакомая.

Шорох приближающихся шагов и спустя минуту волкодака откинули в сторону чьи-то тонкие уверенные руки.

— Живая, вот и хорошо, — насмешливо произнёс звенящий колокольчиком женский

голос. — Отец будет рад.

Надо мной склонилась та самая девушка-лучница, её небесно-синие глаза улыбались из-за длинной, выбеленной солнцем чёлки.

— Идти сможешь сама? — последовал вопрос в ответ на мой внимательный взгляд. — Раны не серьёзные, да и нести я тебя не смогу — выросла ты сильно.

Выросла? О чём она? Страх судорожным комочком сжался под сердцем и непонимание топкой волной скользнуло по позвоночнику.

— Идём, нам пора — бросила незнакомка, разворачиваясь вправо от моего убежища и направившись к лесу, словно взмах кнута, со стороны донёсся отдалённый злой вой. — Успеем, они ещё минут через двадцать сюда доберутся.

Что меня подстёгивало? Уверенные шаги лучницы, что спешили вперёд и она для меня была единственным возможным источником информации — сколько времени я была в забвении? Далёкий вой стаи волкодлаков, обещающих расправу над незваным гостем? Отчаяние брошенного существа, на которого вдруг кто-то обратил внимание?

Вой стаи исчез внезапно, будто что-то отрезало, а посреди упавшей ночи слабыми всполохами осветило небольшую поляну с уютным деревенским домом, сколоченным будто наспех и поросшим мхом и лишайником. Незнакомка отворила дверь, пропуская меня вперёд и направилась к маленькому сундучку возле окна.

Такой привычный уже интерьер крохотного дома: печь, кухня, пара кроватей. Совсем как у бабы Маши, такой же как у деда Михася, как в заброшенном доме ведаря.

— Вернулась? — донёсся с печи скрипучий старческий голос и его обладатель свесил ноги с полатей, окидывая взглядом девушку и меня заодно. — А, так вот ты кого уже третий месяц выслеживаешь? Привела, значит.

Третий месяц?! Я ошарашено уставилась на внимательно разглядывающего меня мужчину. Все те эмоции, что владели мной с момента, когда зверь отступил оформились в ледяной ветер, что выстудил душу. Не искали, не нужна. Конечно, дикий зверь в деревне, да ещё и потусторонняя, запертая в его теле. Князя можно понять, я всё равно разорвала с ним связь, а кому нужен бешеный зверь? Любава и Аргор. Что с ними? Люди, ставшие мне семьёй. Они не искали меня. Сердце верило, что мужчина, ставший мне мужем незадолго до угнавшего меня прочь от крепости нападения вурдалаков, жив, но он не пошёл за мной. Или не пустили?

— Ты бросай это мокрое дело, — донёсся ворчливый голос старика. — Выдумала тоже мне. Думаешь одна такая? Много вас, вот только ты первая, кто со зверем справился. И почему рысь?

Недоумённо кряхтя, мужчина слез с печи и подошёл ближе, а я почувствовала, что глаза горят от пролившихся слёз. Аргор, что с тобой сейчас? Третий месяц...

— Я тут давно живу и много повидал, — склонил голову старик, оказавшийся совершенно лысым на макушке, но с богатыми усами и бородой. — Всех вас однажды сюда выводит, только тропы каждый раз разные. Ты от людей пришла, значит, приняли тебя там. Хэда, раны кошке обработай!

Лучница насмешливо глянула на мужчину, видимо, ирония была частью её характера, так как приподнятая левая бровь и искорки в глазах сопровождали почти все действия. Мокрая холодная ткань смыла с шерсти следы крови, мазь легла на раны плавными едва уловимыми мазками.

— Думаешь откуда взялись все наши напасти? — старик подошёл к столу и налил в

кружку тягучий напиток, пахнувший мёдом. — Всё с той стороны пришло. Снесли наших идолов и поставили крест каменный, чтобы переход в мир наш запечатать. От него границы растеклись по полям и по лесам. Только, что вот в заклинании напутали? Приходят к нам всё равно потусторонние, а крест их в нежить обращает, а та в свою очередь уже и местных под свою волю гнёт. Да только не всегда подживлённая душа верх берёт, иногда воля потустороннего сильнее. К волкодлакам лет десять назад Айкар попал, он их контролирует с тех пор, они вреда не причиняют, научились жить по-другому, вспомнили, что были людьми, только магия перехода и лишает памяти на малый срок.

Понимание обрушилось разом. Все те вурдалаки, что были убиты в крепости, были когда-то людьми и их разум можно вернуть? Волкодлаки, гнавшие меня от дома Привратницы, тоже люди? Люди из моего мира, о котором я уже не помню. Только то, что он был. Я убивала своих соплеменников! Пусть они уже и потеряли человеческий облик.

— Понимаешь, — кивнул дед. — Только не придумывай лишнего, разума в них уже нет. Полгода срок, когда душу ещё можно спасти. Ты вот спаслась, воля сильная, да и помог похоже кто-то. Люди тебя приняли-то.

Хэда хранила молчание, переводя взгляд с мужчины на меня

— Возвращаться пора, — наконец, произнёс седобородый старец. — Давно нас не было, чай и забыли уже. Ты ложись вон на ту кровать, утром в путь отправимся.

Скрюченные старческие пальцы указали на дальнюю от входа постель, на которой небольшой горкой высились подушки. Девушка избавилась от лука и стрел, которые до сих пор ненавязчиво держала в руках и помогла деду забраться обратно на печь.

Я прошла мимо заправленной постели и устроилась среди подушек на соседней. Снова спать на мягком оказалось приятно и тяжело одновременно. В памяти всплыли все ночи в комнате заклинателя, что я провела на большой подушке, укутанная шалью. И те две ночи, что была человеком. Аргор, помнишь ли ты ещё меня? Жив ли?

Спала я плохо, сон скручивал в своих объятьях, наползая на разум тьмой, но страх снова потерять себя заставлял просыпаться и нервно вглядываться в царящую в избе тьму, нарушаемую лишь мерным дыханием спящих людей.

Хэда пробудилась с первыми рассветными лучами, скользнувшими через тонкие щели плотно закрытых ставен. Девушка собрала небольшой скраб в пару котомок, достала из-за печи берёзовую палицу, заменявшую деду посох и разбудила мужчину. Нехитрый завтрак из сушёных фруктов и ягод лучница разделила на три равные порции. Под её смешливым взглядом я проглотила свою, с наслаждением ощущая привычный сладкий вкус, вместо ржавого кровавого привкуса.

Дверь в избу подпёрли ещё одной палицей и отправились под сплетение корявых веток иссушенных древесных стволов. Поляна с крестом уже поглотила следы вчерашней битвы и там где в сумерках разлилась кровь, примялась трава, на заре распустились алые головки маков.

Моих странных спутников, а заодно и меня, словно укрывал защитный купол. Мы проходили мимо источников, мимо бездумно шатающихся монстров, но не заслужили ни секунды их внимания, словно нас и не было.

Какое же расстояние я пробежала в своём безумном побеге от вурдалаков? Лишь к вечеру мы достигли знакомых по прогулке с Радомиром мест. Поваленная коряга, похожая на ведьму с взлохмаченной гривой корней, лежала всё в том же болотном озере. Сердце заныло от новой волны надежды и страха: близко уже мой новый дом.

Лес закончился, когда сгустились сумерки и первые огоньки светлячков рассеялись по лугу, а громада крепости встала на горизонте надёжным оплотом, освещаемая огнями факелов.

Громогласный потрясённый крик кого-то из стражи разнёсся над поселением и погрузил всю округу в суету.

— Ведарь! — орал стражник в сторону раскинувшейся за стенами площади. — Рысь нашла ведаря!

Ведарь? И как я не догадалась? Пропавший ведарь, что учил Аргора и Радомира! А Хэд его дочь? Где же тогда жена? Неужели погибла?

Но все вопросы потонули в гуле молотом застучавшего сердца. Чуткие уши дёрнулись. Его шаги стали тяжелее, но не узнать их было невозможно. Запертые на ночь ворота распахнулись, открывая моим глазам толпу заспанных людей, в наспех накиннутых тулупах и платьях. Осенний воздух уже холодал к зиме и забирался под полы тёплой одежды у людей, перебирал мурашками мех моей шкуры, только начавшей обрастать подшёрстком на зиму.

Измощённый, с залёгшими тенями под тёмными провалами глаз, всклокоченными волосами, похудевший так, что даже наращенные годами тренировок мышцы не могли этого скрыть и всё равно любимый. В тусклых карих глазах будто зажёгся лихорадочный огонь, колени Аргора подогнулись и он осел в траву впереди замершей толпы. Протянул руки и лишь тогда я смогла опомниться и бросилась в объятия мужа. Оборот не заставил себя ждать, холод отступил, рысь притихла на сундуках запертой памяти, тепло и нежность пронеслись по венам, убеждая, что всё позади и я жива. И он жив.

Я не знаю кто дрожал больше, кто сильнее боялся проснуться и понять, что это не сон, чьи губы ревностно и нежно касались щёк, носа, рук. Я боялась, что окутавший меня запах чабреца и полыни лишь безумная мечта, что всё это не наяву. Но прикосновения его рук и губ дарили надежду, что всё реально.

— Лахи, — напряжённый голос князя вырвал из безумного омута радости и слёз. — Ты вернулся.

Радомир не спрашивал, а утверждал. Оторвавшись от мужа, я взглянула на князя. Вот уж, кто ни на миг не изменился. Ощувив мой взгляд, правитель кивнул мне и вновь повернулся к гостям.

— Пришла пора, — пожал плечами ведарь. — Цел мой дом ещё? Мы с дочерью там поселимся.

— Дочь? — князь вздрогнул и медленно моргнул, встречаясь взглядами с лучницей. — Хэда? Но...

Встряхнув головой и возвращая себе прежнее уверенное выражение лица, Радомир распорядился закрыть ворота, проводить ведаря с дочерью в их дом и, наконец, переключил всё свое внимание на замерших посреди дороги меня и Аргора.

— А я ведь так Кайриму спасибо за рысь и не сказал, — хмыкнул князь и, отвернувшись, ушёл с площади, оставляя меня и заклинателя одних.

Люди растеклись по домам уже при первых приказах, обсуждать происшествие, досыпать, а утром снова дивиться возвращению тех, кого уже считали мёртвыми.

Аргор поднялся, увлекая меня за собой и крепко сжимая в объятиях.

— Идём домой, — тихо произнёс муж, касаясь губами кончика моего носа.

Заклинатель вёл меня знакомыми уже тропинками мимо бревенчатых домов, в которых потихоньку гасили свечи, а люди укладывались в объятья ночи, что тёмными крыльями укрыла крепость. Холодный стылый ветер трепал низ моего платья, которое было надето в тот день, когда вурдалаки угнали меня прочь от знакомых мест.

Аргор и сам был в одной рубаше и домашних брюках — всё, что на нём было, когда со стены раздался призыв стражника.

Мы прошли мимо дома Любавы, в котором бледный огонёк успел погаснуть до нашего приближения. В ответ на мой недоумённый взгляд, Аргор лишь крепче сжал ладонь, прижимая к себе моё дрожащее от холода тело, и вывел к невысокому двухэтажному дому. Аромат свежеспиленной древесины ещё витал в воздухе рядом и ощущался внутри.

— Половик Любава сплела, — словно извиняясь, криво улыбнулся муж. — Не хочу, чтобы старики разносили сплетни, их и без того хватает.

Вместо ответа я обхватила ладонями лицо Аргора и прикоснулась осторожным поцелуем к его губам. Он ждал! Он меня не забывал!

Тихий скрип несмазанных петель отрезал нас от того мира, что раскинулся за пределами нашего личного мирка. В слабом свете зажжённой свечи отражались привычные взгляду вещи. Новые глиняные горшки хмурили свои бока от падающего на них света. Грубо сколоченные стулья ждали прикосновений разложенных рядом инструментов, чтобы обрести завершённый облик. Сразу за печью уже готовая лавка и лестница на второй этаж в убежище и спальню.

С улыбкой я рассматривала огромную дубовую кровать, что занимала половину комнатухи, и под самым окном пышно взбитую подушку с серой шерстяной шалью. Муж настороженно следил за моими эмоциями, словно боялся, что я сейчас исчезну — стоит только отвести взгляд.

— Спасибо, — улыбнулась ему, вложив в эту улыбку всю ту нежность и благодарность, что удержали мой разум на самом краю, не позволив окончательно потерять себя.

И всё-таки не верит. Как и я, мечется между счастьем и неверием в то, что оно наяву. Аргор одним широким шагом сократил то расстояние, что возникло между нами, пока я разглядывала нашу спальню, и тёплые родные губы прижались к моим. Нежно, трепетно, будто он боялся спугнуть призрака.

Жар его тела согревал озябшую кожу и возвращал мне уверенность, что всё это на самом деле. Я ведь его чувствую, если бы это был сон, то всё было бы иначе?

Нежность и забота понемногу сдавали позиции и уступали место другим эмоциям: страсти, жадности, страху новой потери.

Много позже, когда свеча уже почти до конца оплыла, а за окном появились первые мазки близящегося рассвета, Аргор прижал к себе и начал говорить. Сначала медленно, словно подбирал слова, затем быстро и суетливо, будто боялся о чём-то забыть, упустить что-то важное.

Местную медицину я опробовала на себе ещё в первые дни своего пребывания в этом мире, поэтому знала, что травы и мази быстро ставят на ноги даже в самых запущенных случаях. Аргор полностью оправился уже через неделю и начал мои поиски, но вурдалаки

словно с цепи сорвались! Они нападали каждый день, бросались на стены крепости, рвали в клочья выпущенных из загона собак, но людей не трогали... Нападали, кусали, отбрасывали со своего пути, но не убивали.

Радомиру первому пришло на ум, что по какой-то причине эти отвратительные существа не хотят, чтобы кто-то отправлялся в лес, чтобы велись поиски пропавшей пятнистой кошки. Люди перестали покидать крепость без нужды, углубляться в чащу дальше необходимого и атаки прекратились. Вурдалаки кружили неподалёку, присматривая за возможными нарушителями незримо очерченных границ, предупреждающе рычали, если кто-то осмеливался сделать лишний шаг.

Всё, что оставалось Аргору — лишь ожидание хоть каких-то вестей. Если бы в рядах нападавших появился новый монстр с остатками рыжей пятнистой шерсти — это уже был бы ответ, но тишина пугала и рвала душу неизвестностью.

А я всё это время провела в беспомощности, запертая зверем в тюрьме своего подсознания. Охотилась, охраняла свою территорию, отбивалась от редких чужаков, что пытались её нарушить. И ничего не помнила о том, что я оставила среди людей самого близкого и родного человека. Того, кто принял меня такой, какая я есть и даже под шкурой хищника разглядел человеческую сущность.

В отличие от меня, Аргор провёл без малого три месяца ежедневного ожидания, которое лишь на время вытеснялось работой. Под недоумёнными взглядами людей Аргор строил дом, не отзываясь на робкие попытки старейшин объяснить непутёвому, что тот, кто ушёл в Сумрачные болота — мертвец. Заклинатель остервенело бросался на могучие стволы многовековых елей, что росли на делянке далеко на окраине, с нескрываемой злостью сдирал ненужные ветки и обтёсывал брёвна.

Со временем под молчаливыми взглядами крутящих у виска соседей, решивших, что нелюдิมый заклинатель окончательно сошёл с ума, к нему присоединился Радомир. Вдвоём они таскали брёвна и подгоняли их друг к другу, образуя фундамент будущего дома. Неугомонный мальчишка-конюх Серко, который до сих пор мечтал погладить "злобного зверя", вился на подхвате, приносил нужные инструменты и выполнял мелкие поручения. Любава, скрывшись от чужих глаз, тайком плела многоцветный половик с необычайно красивыми вензельками и мотивами строгих бережных линий. Когда дом был готов, его постелили в прихожей, а соседям в ответ на робкое возмущение князь холодно сообщил, что я успела сплести его до обряда. По местным поверьям, это не возбранялось, но и не являлось обязательным. Такого понятия как "приданное" здесь не существовало.

На мой вопрос о том, почему князь помогал своему воину, Аргор окинул меня недоумённым взглядом, но ответил, что Радомир такой же человек, как и все. Он всего лишь сосуд для Велеса и оглашает его волю, но не стоит выше других.

Нежась в крепких объятьях мужа, я вспомнила оброненные Купавой слова о том, что я выбрала надежду, но не выбрала чью. Так может, вот она эта надежда? Надежда на то, что есть мир, в котором все равны, и каждый имеет право на помощь? Где нет "своих" и "чужих", и даже у "потусторонней" есть шанс получить признание и обрести семью.

Утром Аргор старался держаться так, чтобы я всё время была в поле его зрения и на расстоянии вытянутой руки, да я и сама жалась к нему ближе. Рысь флегматично отзывалась на мысли о ней, но активности не проявляла.

Почему вурдалакам было нужно, чтобы никто меня не нашёл? Столько вопросов, от которых пухла голова и хотелось укрыться в травянистом запахе, что я периодически и

делала, утыкаясь носом в шею мужа.

— Вот только продуктов я не запас, — ухмыльнулся муж после того как я с огромным удовольствием наплескалась в бадье с водой.

Как же это здорово: наконец, вернуться в человеческий облик и вымыться, от души натёршись душистым мыльным порошком! Вчера на это совсем не было ни сил, ни желания. Всё чего хотелось — чтобы Аргор держал за руку и обещал, что никогда не отпустит.

— И какие варианты? — улыбнулась в ответ мужу, отжимая полотенцем остатки воды со своих в меру длинных непослушных волос.

— Навестить Любаву, — хитро подмигнул благоверный, хищно подкрадываясь ко мне и заключая в свои объятия. — Она тоже очень сильно о тебе беспокоилась.

Под тихое, но уверенное ворчание желудка пришлось согласиться, хотя покидать дом и появляться на людях, мне почему-то было стыдно. Казалось, что весь мир знает, что столько времени в лесу в облике рыси я питалась свежеубитыми мышами и ящерицами, а однажды расправилась с семьёй крольчат. Мой полный отчаяния взгляд был встречен спокойными и уверенным взором карих глаз.

Рассказывая ночью мужу о своей лесной жизни, я краснела и бледнела. Рысь натворила столько бед, но она ведь просто хотела выжить. Так смею ли я осуждать зверя за то, что жил так как определила его природа?

— Мира, — Аргор нежно провёл рукой по моей щеке, словно чувствуя то, о чём я думала. — Всё уже позади, ты не была собой, чтобы контролировать вторую суть.

— А если не смогу контролировать и здесь? — слабо отмахнулась от доводов мужа, в глубине души понимая, что пока он рядом, этого точно не случится. — Если нападу на человека?

— Этого не случится, — отрезал Аргор, вновь стискивая в своих объятиях. — Я буду рядом.

— Спасёшь меня от самой себя? — горький хрип вырвался из горла, обнажая внутреннюю обречённость, которая поселилась в душе в тот день, когда я открыла глаза и учуяла волкодлака.

— Если это понадобится, — кивнул муж, нахмутив брови и поджимая губы. — Но я уверен, что всё обойдётся, иначе Купава сказала бы, что ты можешь причинить кому-то вред. Наверное...

Позволив себе расслабиться и обнять мужа в ответ, я оставила при себе мысли о том, что есть вероятность сделать тот выбор, из-за которого погибнет любимый человек. Как удержаться на краю и пройти по самой грани, не уничтожив то, что стало так дорого?

— Ты говорил, что Любава нас ждёт? — слабо улыбнулась светловолосому воину, что забрал меня от старого ведаря Михася и показал свой мир, заняв в нём самое важное для меня место.

Снаружи наш дом ярко выделялся на фоне остальных. Ещё не успевшая потемнеть от времени и погоды древесина, сочным пятном отражала прощальные солнечные лучи. Первые заморозки за ночь сковали пожелтевшую траву в ледяной панцирь и медленно, будто нехотя, таяли в дневном свете, чтобы при следующем похолодании вернуться с новыми силами.

— Мира! — в ответ на громкий стук железным кольцом о деревянную дверь, Любава тотчас же буквально выпала из своего дома и сгребла в своих объятиях, словно всё утро ждала по ту сторону нашего прихода. — Слава всем богам! Вернулась! Я вас троих когда вчера увидела, думала призраки по мою душу пришли! Старейшины говорят, что души

мёртвых всегда приходят перед смертью. Я так боялась, что ты не вернёшься! Аргор, он словно ожил, когда ты появилась! Думала, что не выхожу его в этот раз. Ты прости, я говорю много, идёмте в дом.

Привычная суета и эмоциональность Любы, сопровождающиеся добрыми понимающими взглядами Аргора, позволили ощутить, наконец, что я действительно вернулась и всё будет по-прежнему.

Знакомый до мелочей дом встретил уютом, ароматом выпечки и новым необычным запахом, в котором узнавались цитрусовые нотки, которые я где-то уже ощущала, но настолько мелко, что не обратила внимания. Удивление в моём взгляде, видимо, слишком отразилось на лице, но ответить никто не успел. Внутренняя дверь распахнулась и оттуда вышел один из мужчин, что вытаскивал из этого дома тушу в первый раз напавшего на нас с Любой вурдалака. Тушу монстра, что когда-то был её мужем.

Высокий широкоплечий воин со сложной причёской из нескольких десятков русских косичек кивнул Аргору и обратил своё внимание на меня.

— Всеслав, — с мягкой, уверенной улыбкой представился мужчина, хотя его серые глаза остались внимательными и холодными.

Стоило Любе повернуться в его сторону, взгляд Всеслава значительно потеплел, и я почувствовала себя неуютно, словно вторглась в чужой мир, на что не имела права. Аргор моего смущения не разделял, и вскоре мужчины всю обсуждали новую систему защиты, которую не так давно придумал Радомир и сейчас активно разрабатывали необходимые детали местные кузнецы и мастера.

Пока меня не было, жизнь не стояла на месте. С одной стороны это радовало, а с другой что-то едва уловимо кольнуло внутри, но Любава отвлекла от этой мысли своими разговорами о том, что случилось в крепости за эти месяцы, и звонким смехом вселяла лёгкость в моё настроение.

Самой большой новостью, что витала в крепости с утра, оказалось не возвращение тех, кого считали погибшими, а то какими глазами смотрели друг на друга Хэда и Радомир.

Никто не считал годы, когда пропали жена и дочь ведаря, когда сам старик ушёл за ними. Но все помнили как по крепости носилась тройца сорванцов и устраивала бесконечные шалости: Аргор, Радомир и Хэда. Закадычные друзья разлучались лишь на то время, которое мальчишки проводили на занятиях у Лахи, а дочь ведаря помогала своей матери Иланте и осваивала необходимые для женщины в хозяйстве навыки.

Когда все трое вошли в возраст первых робких поцелуев, Хэда выбрала Аргора, а Радомир отступил и не стал вмешиваться. Атака вурдалаков решила всё за них. В те дни частокол не был так высок, а ворота были хлипкими и рушились от нескольких ударов чёрных когтей.

Иланта и Хэда, не успевшие вернуться в крепость, спасались бегством в лесу, где и пропали, а позже ушёл и Лахи. Аргор замкнулся в себе и выбрал работу со зверями, сменив на этом посту старого заклинателя. Радомир стал князем после смерти отца и ушедшей вслед за ним матери. Они научились жить без своей напарницы по детским проказам. Теперь она вернулась, и что-то треснуло в той броне, которой окутал себя Радомир.

Аргор возился с уцелевшими десятью псами. Из стаи заклинателя вурдалаки пощадили только их. Все ожидающие приплода самки.

Муж хмурился, и его нервозность передавалась мне. При следующей атаке чёрные лоснящиеся звери ничем не помогут своим следопытам: мысли животных заняты поисками тёмных и узких местечек на псарне внутри загона. Заиклившись на приближающемся шенении, они рычали и бросались в атаку без предупреждения и только Аргору позволялось быть рядом.

Наверное, можно было бы успокоиться. Вдыхать мирный воздух между нападениями и привыкать к своему раздвоению. Сказать самой себе, что всё обошлось, но терзавшие меня сомнения и страхи разделил тот, от кого в первую очередь зависела безопасность крепости.

С сегодняшнего дня ворота опускались и поднимались на специальных механизмах, оснащённых цепями и шестернями, для управления которыми теперь нужны были всего четыре человека. Поверх частокола ощерили металлические наконечники тысячи стрел и копий. Усовершенствовавший систему защиты снаружи, князь то и дело бросал взгляд на ту опасность, что могла поселиться внутри.

Не нужно было ничего рассказывать, каждый понимал каким образом я выжила. И если для людей сочинили байку, что ведарь меня спас (как когда-то это сделал дед Михась) и я просто жила у него и Хэды, залечивая раны, то князя обманывать никто не стал. А Аргору я всё рассказала сама.

— Купава зря говорить не станет ничего, — хмурил брови Радомир, не сводя задумчивого взгляда с выпущенных на день в поле коней. — Она раскрывает все свои видения сразу и полностью, вот только на то чтобы разгадать, что она сказала, подчас уходит много времени.

Под предлогом присмотра за лошадьми на последнем осеннем выпасе, князь выманил меня из крепости, чтобы поговорить без лишних глаз и ушей. Сила Велеса окутывала неосязаемой мощью, озоновый запах заглушал ароматы озябшей с ночи земли, намекая на присутствие бога в своём земном сосуде. И от этого было вдвойне не по себе.

Радомир смотрел на спокойно щиплющих стелую и жёсткую траву животных, но мыслями словно был далеко отсюда. Прихватив из крепости подбитый овечьим мехом тёплый тулуп, князь расстелил его на земле и устроился на нём, скрестив ноги и поджав их под себя. Меня не пришлось просить дважды, в поле слова разносятся далеко и лучший способ скрыть их, устроиться на выделанной шкуре рядом с мужчиной, что я и сделала. Обхватив руками свои колени, съёживаясь в ожидании того, что хотел сказать через него Велес, я разглядывала расхаживающих перед нами всхрапывающих каурых животных.

Тёплые штаны на меху, вязаная туника и меховая куртка с глубоким капюшоном не давали замёрзнуть даже на пронизывающем осеннем ветру. Только щёки горели от морозных воздушных порывов и зябли пальцы на руках.

Похолодало здесь быстро, уже через неделю после моего возвращения тонкая наледь заморозков задержалась почти до полудня. А сегодня кони копытом разбивали хрупкий лёд, ещё вчера бывший лужами, и грустно трепали мягкими губами остатки уже давным-давно не сочных травинки. Теперь до самой весны всё, что их ждёт — сухое жёсткое сено и постылое

зерно.

А что ждёт меня?

— Не идут у меня из головы её слова... — вырвал из оцепенения голос князя. — И понять я никак не могу: какой путь ты выбрала? А ведь выбрала, тут уже ничего не допишешь. Аргора выбрала, а со мной разорвала связь. Каким только образом — всё никак не пойму. Да и что тут думать надо было? Что человек добровольно в звериной шкуре жить будет, как раб подчиняясь приказу? Я бы и сам на это не пошёл, Мирослава, а у тебя сердце слишком свободное, как и у рыси, что в тебе живёт.

Радомир оторвал взгляд от мирной картинки, так не вяжущейся с чернеющим позади крепости буреломом. Мудрая зелень княжеских глаз сейчас слегка сияла от божественного присутствия и притягивала к себе внимание, не позволяя отвести своего взгляда. Скорее от неожиданности, чем от страха, я вздрогнула, ощутив прикосновение к левой щеке уверенной и тёплой мужской ладони. Он задержал свои пальцы лишь на мгновение, а после коснулся ими моих рук.

— По какому пути ты идёшь сейчас никому неизвестно, — тихо произнёс Радомир, взяв мои ладони в свои и согревая их своим дыханием. — Богиня, что судьбами ведаёт, в другом княжестве и своими поступками не делится, чтобы не влиял никто на её плетение. Вурдалакам зачем-то нужно было, чтобы ты в Сумрачных болотах осталась, на то у Лахи свои мысли есть, но он ими не делится, говорит, что не время ещё. Вот и думаю я, Мирослава, если бы ты там, в лесу осталась — смогла ли с нечистью договориться? А то, что вернулась — не значит ли, что смерть скоро в крепость придёт? Не справимся мы без заклинателя, нет нам смены для него, слишком юн ещё Серко.

Острые слова, что ронял князь, вторили моим мыслям. Но думать об этом самой и слышать от другого человека — разные вещи. И всё, что остаётся — лишь кусать озябшие губы в поисках ответа, которого нет.

Сейчас вурдалаки притаились и чего-то ждут, но никто не поручится, что это надолго или навсегда. Завтра вполне может стать, они снова придут пополнять свои ряды. Мои бывшие сородичи с той стороны. Знал ли об этом Велес? И стоит ли об этом говорить?

— Ты ведаря в крепость вернула, — глухо продолжил князь, не обращая внимания на моё молчание, да и что я скажу? — Никто уже плохого не скажет и думать не будет, коли сама не дашь им повода.

Согретые ладони я осторожно высвободила из его рук и вновь обхватила свои колени, стараясь удержать в них крупницы тепла, что на время удерживали внутренний холод.

— Мирослава, — Радомир словно искал что-то в моих глазах, а озоновый запах растворялся в воздухе, уступая место зернистому аромату и аромату стывшей земли. Велес покинул свой сосуд, узнав что-то, что ему было необходимо. — Надо найти возможность с вурдалаками связаться и понять, что имела в виду ведьма. А это только живущий в тебе зверь сможет сделать. И как тут быть прикажешь? Останешься ты с нами, а рысь решит самовольство учинить — что мне делать с тобой тогда? Уйдёшь и не получится с нечистью договориться — Аргор не простит. Не могу я заклинателя потерять. Как не бьюсь над этой загадкой, а всё выходит, что лежит ответ на поверхности, да не видно его в упор.

Тихое конское ржание прервало наш разговор, точнее попытки князя объяснить мне все те далеко не радужные перспективы моего будущего. Обернувшись к потревоженным животным, я разглядела идущего к нам Аргора. После памятного нападения, муж стал сильнее припадать на правую ногу, и если раньше я определяла это только на звук в

зверином облике, то теперь было видно издалека.

Любава рассказывала, что лишь чудом не пострадал позвоночник, он отделался парой сломанных ребёр, одно из которых едва не проткнуло сердце. Можно ли считать, что предсказание ведьмы о смерти любимого уже развеялось, и старуха с косою поменяла свои планы? Может, развилка судьбы уже пройдена и впереди лишь тот путь, где получится найти общий язык с вурдалаками? Вот только счастья на том пути нет.

Нет, не сходится, Купава ведь говорила о том, что когда путь определится, то и облик останется один. Рысь или человек? Пока мы до сих пор вместе, пока я всё ещё чувствую её внутри себя — не решено ничего. Так как же поступить?

Аргор подошёл ближе, и только взгляд его стал темнее, словно туча заслонила солнечный день.

— Тебя Хэда ищет, князь, — вполне миролюбиво окликнул Радомира заклинатель, но от меня не укрылся напряжённо дрогнувший мускул на его щеке. — Просила передать, что у Настасьи будет, ежели время для неё найдётся.

Мужчины обменялись странными долгими взглядами, в которых снова схлестнулись лиственная зелень и древесная кора, будто разгулявшийся в лесу ураган. Аргор битву проиграл и первым отвёл взгляд, обернувшись к лошадям и выискивая среди них своего Яшку.

Мне показалось, или тонкая змеистая улыбка на миг коснулась губ Радомира? Поднявшись с нагретого на тулупе места, князь выпрямился и ровным чеканным шагом направился к крепости, оставляя меня наедине с мужем, если не считать пасущихся мирно животных.

— Мира, — и только сейчас я заметила, каким усилием удаётся Аргору сдерживать внутри какой-то протест. Что не поделили они с князем и когда успели? — Не думаю, что тебе стоит покидать крепость, даже в такой надёжной компании.

Мой недоумённый взгляд был встречен спокойной подбадривающей улыбкой, а от нервозности мужа не осталось и следа. И, кажется, происходящие с ним метаморфозы, заинтересовали не только меня. Зверь настороженно шевельнулся внутри, выбираясь наружу, но в последний момент передумал и отступил.

— Твои глаза, — Аргор опустил на корточки передо мной, внимательно вглядываясь, и обхватил широкими ладонями моё лицо, заставляя посмотреть на него.

— Что с глазами? — неприятное ощущение чего-то близящегося лишь ту же скрутилось в узел ожидания.

— Странно, — протянул супруг, изучая моё лицо и задумчиво хмурясь. — На миг мне показалось, что у них вытянулся зрачок. Идём домой, Мирослава. За лошадьми я пришлю Серко и Кигана.

Вытянулся зрачок? От этой новости почему-то стало весело. Настолько озадаченным выглядел Аргор, что внезапно захотелось смеяться. Вот только мужу было не смешно, смерив ещё одним задумчивым взглядом, он подхватил меня, вздрагивающую от смеха, на руки и быстрым шагом направился в крепость, по пути окликнув мальчишку-подмастерья, чтобы загнал коней на конюшню.

Я тихо смеялась, уткнувшись носом в травянистый запах кожи на шее заклинателя, до икоты и ненавязчивой рези в легких, цепляясь пальцами за податливый мягкий мех по краю его воротника. Истерика. Вот уж никогда не думала, что у меня однажды не выдержат нервы.

Смех исчез также внезапно, как и появился, уступая место горячим дорожкам слез.

Осознание пришло так резко, словно весь небесный свод рухнул на землю и впервые, казалось, что я знаю, как поступить. Вот только как договориться и найти понимание, если у каждого из нас свои планы на жизнь и на тело?

Дрожащую от холода и съёжившуюся от безысходности на его руках, Аргор принёс меня к ведарю. Дед Лахи ни о чём не спрашивал, только засуетился по домику, отщипывая листочки и травинки от засушенных растений, вынимая из сундучков круглобокие склянки. Ароматы мяты, зверобоя и полыни наполнили домик и без того пропахший дурманящими глубокими настоями запахами.

— От этого легче станет, — ведарь протянул глиняную кружку с дымящимся напитком и сел за стол напротив того места, где устроился заклинатель со мной на руках. — Недолго действовать будет, но сил даст и успокоения. Это больше всего сейчас нужно.

Под немигающим взглядом деда Лахи и встревоженным у Аргора, я выпила отвар, словно это была прозрачная ключевая вода без вкуса и запаха. Ведарь знает, на что я решилась, почему-то это казалось очевидным. Вот только решение это к чему приведёт?

Собравшись с мыслями, укачиваемая родными объятьями, я всей душой тянулась к мужу, понимая, что этого тепла всё равно не хватит надолго, но, может, даст мне хоть немного времени. Интерес ощутившего мои мысли зверя был похож на шальную пенящуюся волну, что поднимается на море в бурю. Он понял. Он думает. Ощерившись глубоким предвкушением и выпуская когти, с довольством хищника перед долгожданной охотой, он словно засветился ожиданием. Он давно хотел поквитаться. Он согласен.

На выходе из дома ведаря нас встретила вернувшаяся домой Хэда. Завидев нас, лучница скрыла сияющую довольную улыбку под маской вежливого интереса, уступая нам дорогу, и скрылась за дверью подлатанной избёнки.

Обнимая меня за талию, муж спокойно рассказывал о первых щенках, что скоро появятся на свет. Возможно, этой ночью ему придётся быть в загоне. Еще пару дней назад, когда он говорил о вероятности этого события, я чувствовала лишь лёгкую грусть, что придётся ночевать одной. Но сейчас понимала, что другого шанса не будет и тоска напополам с отчаянием вгрызлись в самую душу.

За мысленным обменом эмоциями со зверем, я не сразу обратила внимание на то, как напрягся муж и умолк. Причина этого обнаружилась сразу: Радомир ждал возле входа в наш с Аргором дом. Прижавшись спиной к стене возле входной двери, он не сводил взгляда с резного козырька над крыльцом. Узор из прорезей в виде тонких листьев и ягод покрывал все наличники и ставни. Только здесь к ним добавлялся ещё отпечаток кошачьей лапы.

Повернувшись на шум, Радомир не обронил ни слова. Встречаясь взглядом с помрачневшим заклинателем, князь лишь протянул мне на раскрытой ладони плетёный кожаный шнурок с монеткой амулета и так же молча ушёл, стоило только взять его подарок.

Объятья Аргора ещё никогда не казались такими крепкими и желанными. Ещё никогда его губы не ласкали с таким обжигающим дыханием теплоты и нежности. И ещё никогда мне не было так зябко, как в этот момент, когда он разжал объятья, собираясь уходить и оставляя меня на пороге.

Сказать? Не позволит, не отпустит. Но я твёрдо знала, что иначе никак. В спорах с собой и со зверем, я всё равно бы не успела произнести ни слова. Аргор скрылся за поворотом, из-за которого мы недавно вышли, и близящаяся ночь скрыла его следы. В окнах домов потихоньку гасли свечи, а я всё смотрела в ту сторону, куда ушёл муж, не решаясь догнать и умолять, чтобы удержал и помог найти другой выход. Но, кажется, я только сейчас

поняла смысл слова "самопожертвование". Что стоит жизнь и счастье одного, если на кону жизни многих?

Амулет от князя, в чьих глазах я заметила огонёк понимания, повис на шее. Шнурка хватило ровно, чтобы обернуться вокруг шеи, и не потеряться ни в каком облике.

Полгода — так сказал ведарь? Через полгода ещё можно спасти душу.

Пробраться до ворот в кошачьем облике не составило труда. Это к входящим присматриваются, а если кто хочет уйти, то пускай идёт. Главное, чтобы вернулся до темноты, когда ворота закроют на ночь и усилят охрану. Ещё несколько минут и сбежать бы не получилось, сейчас же только громкий недоумённый окрик стражи донёлся мне в пятнистую спину.

Аргору доложат о моём побеге в считанные минуты, поэтому чем дальше я буду от крепости, тем лучше. Лапы утопали в придорожной пыли, взметая её уже позади, лёгким едва уловимым топотом возвещая округе о моих передвижениях. Медальон тяжело бился о мохнатую грудь, знать бы зачем князь его дал, но с этим потом разберусь. Сейчас важнее не повернуть назад и трусливо не отступить от своего плана.

Зверь знал дорогу. В отличии от меня, прекрасно ориентируясь по запахам и направлениям, которые чуял неведомым мне способом. Он нёсся прочь изо всех сил, согласившись на компромисс и более меня не подавляя.

Впервые я от всей души благодарила богов, что наполовину кошка — отменное зрение посреди царящей вокруг тьмы было как никогда на руку! Несколько хуже, конечно, чем днём, но потерять дорогу при всём желании невозможно. Пару раз мне почудился далёкий зов, но я лишь прибавила ходу, загоня глубоко внутрь все те желания и помыслы, которые лишь растравливали душу и охватившее чувство тоски и одиночества.

Когда окончательно опустилась тьма и небо осветилось мириадами мерцающих точек, я была уже далеко. Не позволяя себе думать ни о чём, кроме нашёптываемых интуицией подсказок, я перешла с бега на быстрый шаг. Усталость брала своё и приходилось периодически высовывать язык, чтобы хоть немного отдышаться и избавиться от вызванного долгим бегом перегрева.

Первая ночь, а точнее раннее утро, прошла в переплетении корней поваленного дерева, образовавшаяся там глубокая ложбина позволила устроиться с относительным комфортом и незаметностью для случайных прохожих. Тугой липкий сон моментально утянул в свои объятия, в нём Аргор искал меня по округе возле крепости до самой ночи и не успел вернуться до закрытия врат. Проснувшись в ещё более разбитом состоянии и колющем желании вернуться назад, но я должна идти вперёд.

При дневном свете дорога казалась более мирной, и я уже не замирала от каждого раздавшегося шороха, но предпочитала бежать вдоль неё, прячась за кустарниками в обилии разросшимися вдоль наезженного телегами тракта — возможно, единственного сообщения между нужными мне поселениями.

Иногда вдали показывались путники, скрип тележных колёс и пофыркивание лошадей возвещали об их приближении задолго до того, как они появлялись на горизонте. Погони не было. Это вселяло надежду на то, что я смогу осуществить задуманное, но и вселяло беспокойство за мужа. Смирится ли с моим выбором?

Там на крыльце дома я наконец поняла о том, что хотела сказать Купава. Именно там передо мной, наконец, появилась долгожданная развилка. Остаться с Аргором и однажды не пережить нападения вурдалаков, или отправиться на поиски удержавшего свою душу волкодлака, чтобы понять как сделать это самой и найти общий язык с живущими возле

крепости монстрами.

А кто знает где найти чёрную псину, изрядно потрепавшую мою чудесную мохнатую шкурку, как не дед Михась? Ему подчиняются волкодлаки, нашедшие своего жоака и обретшие покой на границе миров. Значит, он и поможет найти нужного мне зверя. Вот только смогу ли обернуться человеком, когда рядом нет мужа? Рысь лишь рыкнула, с глухим возмущением отозвавшись на мои мысли. Нам обеим будет больно, но лишь так я смогу объяснить ведарю зачем вернулась и что мне нужно.

Вторая ночь в самом тёмном своём часе застала меня под крышей старой полуразрушенной мельницы на окраине деревни, дышащей ещё человеческими запахами, но уже застарелыми и слабыми. В этом сне я дрожала от холода и завывающего ветра среди деревянных обломков мельницы, а Радомир сидел рядом, успокаивая теплом своих ладоней встопорщенный от испуга мех. Тонкая едва ощутимая ниточка связи вновь тянулась к нему, набирая силу и ослепляя своим сиянием.

Но при пробуждении, заливающие сквозь широкие щели пространство под крышей солнечные открыли всё тот же вид всё ещё уверенно держащегося на своём фундаменте сооружения. И в душе, там где когда-то была связь "зверь-следопыт" по-прежнему было пусто, хотя рана и затягивалась понемногу. Только в воздухе чудился запах недавно прошедшей грозы, объяснение которому нашлось в промокшей насквозь земле, раскисшей как кисель и набивающейся между подушечек лап, утяжеляя шаг. А я ведь даже не проснулась на устроенный природой шум.

Покинув своё убежище, направилась было к тракту, но отдалённый перестук подков заставил шмыгнуть за ближайшее укрытие. Мимо меня, затаившейся в придорожных кустах, проехал князь Кайрим и вскоре скрылся из виду. Стараясь не потерять знакомый запах, бросилась за давним знакомцем и вскоре увидела поселение, рядом с которым жил Михась.

Легко ли прятаться на открытом пространстве? Когда твоя шкура напоминает по виду пожелтевшую по осени траву с упавшими на неё тенями, можно красться припав к земле среди съевшихся от холода и поникших травинки почти безбоязненно. Почти, потому что на смену прошедшему накануне ливню, пришёл сильнейший северный ветер, норвящий сдуть весь мой небольшой вес в ближайшую канаву, а к нему добавились первые летящие с сумрачного неба белоснежные звездочки первого снега.

Обогнув деревню по широкой дуге, я добралась до знакомой избёнки на окраине леса и принялась отчаянно царапать когтями дверь. Ну, открой же! Твой запах слишком свеж, я знаю, что ты дома!

Идущее из глубины дома ворчание деда Михася заставило всё внутри запеть от радости. Не заставив себя ждать, ведарь отворил дверь, и я бросилась к нему в объятия, уперев передние лапы в плечи старика.

— Мира! — ошеломлённо выдохнул дед. — Как ты выросла! Ты же скоро выше меня на задних лапах будешь! А где заклинатель?

Дождавшись когда я опущусь на пол, ведарь выглянул за дверь, осматривая смеркающуюся округу с порывами летящего по воздуху снега, становящегося всё крупнее и гуще.

— Одна пришла? — покачал головой дед Михась. — Никак сбежала? Вот мохнатая егоза! Жива, да и слава богам. А я и заскучал без тебя, всё думал как ты там, граница-то чай не безопасная. Иди погрейся у очага, а я до деревни дойду, принесу молока тебе.

При слове "молоко" желудок выдал неопишемую руладу, вызвав у деда понимающий

смешок и он скрылся за дверью. Каких трудов мне стоило в дороге договориться со зверем, что охотиться мы не будем! В конце концов после пары безуспешных нападений на учуявших приближение хищника зайцев, он смирился и терпеливо ждал окончания нашего путешествия.

Пора и превращаться, пока деда нет. Сосредоточившись по совету зверя на своей человеческой сути, я почувствовала как обдало жаром мышцы и боль скрутила тело, заставляя его изгибаться в процессе изменения.

Когда вернулся ведарь, я ещё лежала на полу, вздрагивая всем телом от постепенно стихающих болезненных судорог.

— Боги милостивые! — ахнул от входа дед Михась и, обронив тут же разлетевшуюся вдребезги и обдавшую меня прохладными каплями крынку с молоком, бросился помогать подняться. — Как есть, Мирослава! Чувал же, что не простая кошка, когда имя человеческое давал! Оборотень потусторонний! Да как же ж я проглядел-то? Вот так, милая, присядь, моя хорошая...

Охая и приговаривая, старик помог мне усесться на лавку возле печи и убедившись, что я способна сидеть сама, принёс с кровати тёплое шерстяное одеяло.

— Как продрогла-то, эх ты, непутёвая, — причмокнул губами ведарь, разводя огонь побольше и размещая в горниле глиняные горшки: один с водой и второй с моментально разнёсшимся по комнате ароматом вкуснейшего мясного рагу с подливкой. — Ты отдыхай покамест, согреешься, поешь, тогда и разговоры будем разговаривать.

Сдерживая голод зверя, под задумчивым взглядом убирающего осколки и стирающего с пола остатки молока деда Михася, я старалась есть спокойно, но добавки пришлось попросить. После ужина ведарь развёл в лохани возле печи тёплую воду и вышел на крыльцо в ожидании пока я приведу себя в порядок.

Много позже устроившись в хоть и залатанной, но чистой и длинной мужской рубахе, что была мне почти до пят, под одеялом на мягкой перине кровати, я рассказывала своему самому первому другу в этом мире о своей жизни в крепости и зачем вернулась к нему.

— Ты спи, Мирослава, — наконец произнёс дед с полатей, на которых грел свою спину. — Утро оно больше, чем ночь, покажет. Позову я Айкара, а вот придёт, али нет — не могу тебе сказать. Днём ведь его племя в тених таится, лишь ночью выходят, да ежели Привратница позовёт. А то, что Лахи тебе рассказывал, я давно подозревал, да всё подтверждения своим домыслам не знал. Значит, не простой-то на болотах крест — заговорённый. Вот ведь напасть. А ты спи, дочка, спи. Пока ты спишь я покумекаю как быть-то теперь.

Провалившись в сон, снова ощутила чужое присутствие, вот только теперь я словно со стороны смотрела на обнажённых по пояс Аргора и Радомира, которые сбросили свои рубахи и застыли друг напротив друга, готовые сойтись в схватке. Холодная злость в глазах заклинателя против спокойной уверенности во взгляде князя. И только блеск моего медальона лежащего на полу между ними с разорванной цепочкой и покорёженным диском, отвлёт от видения, заставляя проснуться в холодном поту.

Свет уже вовсю заливал избу, томилась в горниле, распространяя мясные запахи, похлёбка и дед Михась возле окна что-то стругал из древесной палочки. Та мирная картина, которой мне не хватало всё это время. Как же я соскучилась по старому ведарю!

— Проснулась, дочка? — мягко улыбнувшись и откладывая свои заботы, Михась поднялся с лавки и подошёл к печи, проверяя готовность завтрака. Или обеда? — Поедим, да

в лес пойдём, я зарубку для Айкара оставлю, а ты запах свой, авось и откликнется. У него душа добрая, хоть и волкодлак с виду.

Поднявшись с постели, накинула на плечи найденную в одном из сундуков и протянутую мне дедом шаль.

— А как мы узнаем, что он поможет? — спросила ведаря, разливая по кружкам травяной отвар из засушенных листьев дикой малины.

— Он сюда к ночи придёт, если всё, как я думаю выйдет, а мы за ним уже в лес пойдём, — ответил Михась и ухватом помог достать из печи горшок с похлёбкой. — Там и поговорите с ним.

— Мне обратно обернуться, наверное, надо будет? — по телу прошла дрожь от воспоминания о последнем обороте, оказавшемся гораздо большее того, что был на болоте.

— Сейчас-то не надо, лишняя боль ни к чему, от тебя и так кошачьим мехом на всю избу пахнет, — махнул рукой ведарь. — А вот к ночи придётся, речи-то у волкодаков нет, только зверь твой с ними говорить сможет.

Кивнула деду и завтракали мы уже в молчании. Слов не нужно было, здесь моей душе было спокойно и легко. Уютное понимание и доброта старого ведаря укутывали своей заботой, позволяя расслабиться и на время забыть обо всех волнениях.

Убрав со стола, пока дед искал для меня тёплую одежду, я старалась понять приснившиеся мне сны, и как могла пыталась разглядеть медальон, но тот обхватывал шею так высоко, что взглянуть на него как следует было невозможно. Да и замок заклинило — не расстегнуть. Отражающая поверхность отполированного металла, заменяющего ведарю зеркало — слишком мутная, чтобы хоть что-то увидеть. Что же ты подарил мне, князь?

Штаны на меху и старый тулуп оказались мне велики и их пришлось перевязывать полосками ткани, чтобы хоть как-то удержать тепло.

За дверью нас ждал нетронутый ещё первыми следами, хоть и изрядно подтаявший, белоснежный простор, сверкающий под лучами далёкого солнца. За избой начинался лес, стоящее в зените светило освещало ближайшие стволы сосен и берёз, под которыми начинался сумрак густой лесной чащи с длинными тенями старых деревьев.

Там живут волкодлаки. Чёрные мощные псы, чуть не убившие меня и поквитаться с которыми жаждал мой зверь. Но лишь их вожак мог помочь найти выход, а значит, мне придётся встретиться с ним.

Собрав в кулак всю свою волю и желание жить, я шагнула за ведарем под сень многовековых деревьев.

Дед Михась вёл меня одному ему известными тропами по припорошённом снегом лесу. В отличие от полей возле деревни, здесь он и не думал таять. Густые тени давали ему искрящийся голубоватый оттенок и лишь в нескольких местах, куда дотягивались солнечные лучи, блестели проталины. Складывалось ощущение, что в лесу бушевала самая настоящая метель, и если за его пределами земля была лишь слегка укрыта белым покрывалом, то здесь ноги по щиколотку утопали в снегу.

— Здесь недалече осталось, доча, — с улыбкой обернулся ко мне дед.

Как-то незаметно он почти перестал называть меня по имени и всё больше обращался как к собственной внучке. То теплое и родное, что возникло в первую нашу встречу, сейчас разрослось в крепкие узы, пусть названной, но семьи.

Ведарь остановился на опушке возле поломанного дерева с насквозь прогнившим стволом, достал палочку, которую обстругивал всё утро и протянул её мне.

— Подержи её в руках, пусть твой запах сохранит.

Сняв с рук теплые варежки, в которых совершенно не ощущался щипавший за щёки первый мороз, я забрала палочку и зажала между ладоней. Вязь странных узоров покрыла освобождённую от коры древесину и сейчас сочащуюся смоляным соком, словно для неё не действовали законы природы, и вместо пришедшей зимы, бушевала весна.

Холод вцепился в обнажённую кожу и чтобы согреть ладони, я принялась выдыхать на них изо рта тёплый воздух. Дар деда нагрелся и к моему изумлению из застывшей с краю смоляной капельки пробился росток. Хрупкий, ярко-зелёный, он с невероятной силой и скоростью пробил себе дорогу к жизни и на моих глазах обзавёлся двумя парами листочков.

— Умница, Мирослава, — улыбнулся ведарь. — Думаешь, боги просто так дали тебе второй облик? Ради шутки? Нет, милая, каждый из вас двоих чему-то друг у друга учится. Всё для какой-то своей цели служит. А вот рысь для чего человеку — только время покажет. Купава ведьма мудрая и слова её помни всегда, перебирай их в памяти, авось и разгадаешь загадку.

Михась забрал из моих ладоней палочку с проклюнувшимся ростком и прислонил к стволу поверженного дерева. Сияние, напоминающее свет солнца, охватило морщинистые руки в крохотных коричневых от возраста пятнышках, и спустя несколько секунд старая кора распахнула свои объятья, принимая в себя новую жизнь.

— Старая жизнь всегда основа для новой, дочь, — со светлой улыбкой ведарь обхватил ладонями росток, нашёптывая странные певучие слова, которые я не смогла распознать.

Показалось, что старое дерево глубоко вздохнуло перед тем как рассыпаться в прах, обретая покой, только оставшийся от него пень со следами излома бережно обнимал молодой привой, словно баюкая крошечное дитя в своих объятьях.

— За зиму труха уйдёт в землю и станет плодородной почвой, а через несколько лет здесь будет новое и сильное дерево, которое станет кому-то домом, — дед Михась распрямился и махнул рукой в обратный путь. — Не всё плохое ведёт к беде, оно основа для той силы, что растёт внутри, и только ты решаешь принять изменения или нет. Старый дуб, что рос здесь много столетий готов к перерождению и я его дал ему. А готова ли ты, Мирослава?

Внимательный взгляд под кустистыми бровями смотрел пылливо, но по-доброму и я впервые не нашла, что ответить мудрому старцу. Готова ли я? Знать бы к чему. Только загадки кругом и полная картинка никак не сложится, возможно, в памяти и есть ответы на всё, но зверь бережно охраняет свои сокровища, не позволяя мне помнить о том, что было до этого мира. Бережёт меня или себя? Ответа на этот вопрос не было.

— А Айкар? — спросила деда, согревая в варежках озябшие руки.

— Он придёт позже, весть ему я уже послал, — блеснул искорками в глазах при взгляде на меня ведарь. — Он знает всё, что в лесу его делается и придёт ночью к избе.

Обратный путь прошёл в молчании. Я с лёгким сердцем разглядывала снег, украсивший своей шубкой согнувшиеся к земли ветви. Здесь был мой покой и свободна воля. Зависело ли это старца или просто сердце выбрало эту местность своим домом? Сейчас я просто наслаждалась прогулкой и хрустящим настом под обшитыми мехом валенками. Не было ни тревоги, ни волнения.

За обедом ведарь рассказывал о силе жизни, что дана каждому её хранителю, которыми, по сути, и являются дед Михась и дед Лахи. Подобные им есть в каждом княжестве и присматривают за природой, которая ещё сопротивляется власти той силы, что окутала мир и населила его монстрами.

Когда за окном стемнело, ведарь вышел на двор, а я смирилась с неизбежным и позволила рыси вырваться наружу. Больно. И с каждым разом всё больнее. Возможно, однажды настанет тот день, когда боль станет такой сильной, что я уже не смогу сменить облик. Только когда рядом Аргор, нет этой муки. Тряхнув головой, я вышла на двор и практически сразу учуяла знакомый до боли конский запах, что поветрием донёсся из деревни. Яшка. А где это каурый конь, там и мой муж.

В который уже раз поблагодарила богов за способность чують и различать недостижимые для человека запахи! Можно уйти в лес, но как там найти волкодлака? Остаться ждать — встретиться нос к носу с заклинателем! Заметавшись по двору, я пыталась найти где спрятаться, когда из сумрака под деревьями выступил чёрный как сама тьма пёс раза в два крупнее меня и с горящими жёлтым светом глазами.

— Айкар, доброй охоты, — склонил голову примостившийся на лавочке ведарь, до сей поры лишь тихо наблюдавший за моей вознёй.

Волкодлак прижал уши и склонил голову, признавая деда.

"Идём, — раздался в голове спокойный и уверенный мужской голос. — У тебя ещё есть время, пока он не пришёл."

Мне показалось, или в жёлтых глазах заплясали смешинки? Могучий мускулистый зверь мотнул головой в сторону деревенских ворот, из которых выбежала знакомая до каждой чёрточки фигура Аргора. Чёрному зверю не пришлось просить меня дважды. Обернувшись к прикрывшему в знак прощания глаза деду, я шагнула вслед за волкодлаком в лес.

"Следуй за мной и не отставай" — донеслись до меня мысли Айкара после того, как он назвал своё имя и спросил моё.

Сейчас в обманчивом вечернем свете я могла хоть немного разглядеть существо, чьи соплеменники чуть не оборвали мою коротенькую мохнатую жизнь. Мощнее, чем псы Аргора, но на них он был похож больше, чем на обычного волка. Острые клыки длиной и толщиной в большой человеческий палец оканчивались лёгкими зазубринами — так вот почему их хватка была такой сильной, что я не могла вырваться, пока они не отпустили сами! Шерсть волкодлака лоснилась и сияла здоровьем. Пушистый подшёрсток топоришил

более длинную верхнюю шерсть и делал зверя ещё крупнее, чем он был на самом деле.

Со стороны и я, наверное, выглядела этаким меховым шариком. Казалось за ночь подшёрсток отрос и распушился ещё сильнее, чем накануне и сейчас я совершенно не испытывала неудобств из-за холода.

Зимний лес пах сочными запахами прелой замёрзшей листвы, который становился всё гуще при каждом шаге. Топот лап по озябшей земле взметал за собой терпкие ароматы и заглушал остальные лесные шорохи.

Лёгкая рысца, с которой мчался вперёд волкодлак, давала надежду на то, что Аргор даже если и сунется в лес, то уже не догонит. Сердце болезненно сжималось, душа рвалась в клочья. Он был так близко, я могла в последний раз вдохнуть любимый травяной запах... Он бы не отпустил. И все те усилия, что я приложила к тому, чтобы постараться найти ответы и выход — пропали бы без толку.

Погрузившись в свои мысли и полностью доверившись крупному зверю, я не заметила, как одна за одной к нам присоединялись чёрные тени лишь немногим крупнее меня.

Прошёл конец лета и прошла осень с тех пор как мы не виделись. Заросли и затянулись шрамы, покрывшись новым мехом. Даже память о них уже не болела, хотя первое время я дальней стороной обходила каждую тень. На фоне драк с вурдалаками, чёрные псы уже не казались такими страшными.

"Она"

"Пришла"

"Помнит"

"С нами"

"Здесь"

"Убить?"

Рысь угрожающе зашипела в ответ, отвлекая меня от всплывающих в памяти воспоминаний. Чужие мысли вторглись в разум сразу, стоило теням остановиться и преградить мне путь. Айкар остановился вместе с ними, он замер напротив меня и внимательно разглядывал каждого из своей стаи. Волкодлаки чуть шерились, но прижимали уши к голове и опускали носы к снегу, закрывая их передними лапами. Подчинение — единое, уверенное и беспрекословное. По одному они отступали назад и скрывались среди деревьев.

"Они не тронут, Мира, — невозмутимо оскалил клыки Айкар. — Пока я не отдам такой приказ. Идём, нам осталось недолго"

Поляна и стоящий посреди неё каменный крест неожиданно возникли в сияющей тысячами звёзд темноте. Как мы добрались сюда так быстро?

"У нечисти свои тропы, — отозвался волкодлак, словно читая мои мысли. — Ты научишься, как научился и я."

Чёрный зверь, увлекая меня за собой, дошёл до памятного мне креста и сел возле него.

"Твоя воля сильнее зверя, но ты не сильнее его, запомни это, — начал Айкар. — Когда я попал в этот мир, то потерял человеческий облик, но не потерял человеческую суть. Я стал зверем, но не принял его. Тебе повезло больше, Мира. Я знаю, зачем ты здесь, но впереди у тебя долгий путь."

Голос волкодлака плавно звучал где-то в сознании, словно возникая там сам собой. Айкар рассказывал, а я слушала и холодела. Где-то в душе медленно умирала надежда на то, что я ещё увижу мужа и осознаю, что это он.

"Я подавил своего зверя с годами, но прежде он научил меня как управлять стаей и как ориентироваться в новом теле. Ты должна будешь сделать то же самое. Сейчас каждый сам по себе и пытается обрести единственный облик, но вам обоим надо признать, что это невозможно. Ты должна доверять зверю, чтобы он доверял тебе. Только так ты сможешь найти ту грань, на которой вы сможете сосуществовать. Только так ты обретёшь власть над той стаей, что нуждается в твоём руководстве и оградить людей от их атак."

Разумом я понимала ту мысль, что пытался донести вожак чёрной стаи и мой зверь это понимал, но доверять тому, кто однажды уже запер меня в подсознании и чуть не уничтожил? Как? Тихий рык недовольства от рыси обозначил его позицию: зверь не в восторге от тех уз, что связали мою человеческую суть. Зверь жалел о том, что в порыве паники и жажды свободы разорвал ту нить, что привязала его к князю. Заклинатель ему не нравился категорически и принимать Аргора он не желал.

Чёрная морда склонилась ближе, притягивая внимание.

"Уйдёт время, Мира, только от вас двоих зависит сколько. Чем скорее вы поймёте и почувствуете друг друга, тем скорее вернётесь назад. Твоя звериная сущность сделала в своё время верный выбор, но реализовала его неправильно, забыв о том, что лишь ваше слияние позволит создать ту нить, что обяжет вурдалков подчиняться вам. Они не будут делать этого беспрекословно, пока ты сомневаешься в нём, а он в тебе. Придя сюда, ты уже решила и всё не будет по-прежнему. Я буду возвращаться каждый вечер и учить тебя, а пока найди ту грань, что держит тебя и твоего зверя вместе — это то, что даст вам силы понять и принять друг друга."

Волкодлак окинул блеском своих жёлтых как расплавленное золото глаз и, махнув на прощание хвостом, скрылся в лесу, оставляя меня на знакомой до каждого сантиметра поляне.

То место, где умер убитый мною волкодлак, покрылось снегом, поваленное дерево с уютной норой между корней приветливо темнело на окраине белоснежной сияющей скатерти.

Я снова вернулась сюда, но удастся ли обрести покой и уверенность в правильности сделанного выбора?

Как и обещал, Айкар вернулся на следующий день, когда солнце уже скрылось за горизонтом, но ещё окрашивало небо в алые и фиолетовые оттенки.

Я лежала на выходе из пещеры, положив голову на лапы, и уныло разглядывала глубокие тени окружившего поляну леса.

Ночь прошла в снах, выворачивающих наизнанку душу. Аргор, Любава и даже мальчишка Серко — смотрели на меня с разочарованием и осуждением. А князь протягивал на раскрытой ладони медальон, переливающийся в неверном свете свечей золотистым сиянием. Я никак не могла взять его за цепочку, та ускользала от меня и словно была видением, рука проходила сквозь неё и не ощущала металла. В синих глазах Радомира мне мерещилось отчаяние и в то же время молчаливая поддержка.

С позднего утра, когда вырвалась из объятий липкого сна, я весь день металась по своей норе, пытаюсь унять охватившую меня дрожь, раздражающую и опаляющую кожу под шерстью. Саднящий зуд не давал покоя и мешал сосредоточиться. Зверь тихонько поскуливал где-то на задворках сознания. К вечеру зуд унялся и я устроилась там, где и застал меня вожак чёрных псов.

"Не нашла или не пыталась? — волкодлак навис надо мной, закрывая весь обзор, его мысли тут же вторглись в мой разум, будто только ждали этого момента. — Мира, сдаться проще всего, пустить всё на самотёк — это не требует никаких усилий. Но, что тогда тебя ждёт? Поражение можно потерпеть при любом раскладе, но лишь борясь за результат можно обрести шанс на победу."

"Я знаю это, Айкар", — отозвалась, поднимаясь с разрытого до земли снега.

Мёрзлая белизна укутывала землю пушистым режущим глаза покрывалом. За день, в котором выла метель и кружили в странном танце белые хлопья, снега выпало столько, что мои лапы утопали в окутавших поляну сугробах.

В порыве отчаяния, после того, как погода успокоилась и из-за сумрачных туч выглянуло закатное солнце, оставив на снегу кровавые отблески, я разрывала вход в свою нору. Что-то внутри словно обвиняло снег во всех моих несчастьях. Я рвала его мокрую тушу, которая чуть не замуровала меня в собственном убежище. Теперь чёрные комья украшали белоснежную округу, а разворошённая земляная корка разомлела от тепла прежде устроившегося на ней моего тела.

Окинув ироничным взглядом плоды моего самокопания, Айкар ничего не сказал, только мотнул носом в сторону возвышающегося посередине запорошённого снегом каменного изваяния.

"Люди этого мира думают, что их предали те, кому они верили, но всё не так, — волкодлак улёгся в длинной тени от креста прямо на снег и уставился на меня, сверкая в темноте жёлтым светом своих глаз. — Мир мал и в нём слишком сильна воля богов. Много столетий назад они пытались так же оказывать влияние на жизнь соседнего мира, но не получилось, там ведь тоже есть свои покровители. Они вернулись в созданный ими мир и осели здесь навсегда, запечатав за собой проход. Это их магия, остатки которой ещё пытаются что-то менять на той стороне, создала это место и тех, кто подобен нам с тобой. Боги слишком зависят от людей и незаметно для себя обзаводятся нашими недостатками и

эмоциями: боятся, ненавидят, завидуют. Князья их марионетки, не более, но через них боги становятся более человечны. Благо это или проклятье, Мира?"

Язык так и чесался ответить о проклятии, но то, что я уже знала об этом волкодлаке, говорило о недюжинном уме зверя с душой человека. Он бы не задал вопрос с простым ответом.

"Понимаешь, — раздался в голове удовлетворённый голос с рычащими нотками. — Ваше слияние со зверем такое же. Это не дар и не проклятие. Это данность и с ней нужно жить, найти что-то общее, что позволит вам сосуществовать, не борясь за право управления телом. В ином случае один из вас погибнет, как это случилось со мной."

Айкар поднялся и встал рядом со мной.

"Пойдём, поохотимся", — с клыкастой улыбкой выдал шерстяной садист.

В ответ на моё возмущённое шипение, и тут же отозвавшийся голодной руладой желудок, волкодлак лишь подтолкнул меня носом в сторону леса.

"Голодом ты себе не поможешь, учись доверять зверю", — философски выдал Айкар.

Оценив мою хмурую мину и нелюбезные мысли, чёрный пёс схватил меня зубами за шкуру, как нашкодившего котёнка, и потащил в лес, благо рост позволял нести меня так, что инстинктивно поджатые лапы не касались земли. Странное чувство сонливости и покоя мешало сопротивляться вольности и настойчивости волкодлака. Я почти заснула, когда меня буквально бросили на снег. Сугроб и ставший густым подшёрсток смягчили падение.

Волкодлак рядом припал к земле и прижал уши к голове, жёлтые глаза смотрели в одну точку где-то возле холма неподалёку.

"Там. Слышишь шум? — спросил Айкар, не отрывая взгляда от привлёкшего его внимание звука. — Еду нужно уметь выбирать. Убить сильное здоровое животное — обречь на вымирание его вид. Погибающие и больные не так вкусны, но их дни всё равно сочтены, эти мысли дают успокоение человеческой сути. Ты научишься делать выбор: смерть или исцеление. А теперь смотри, там рядом с холмом кроличья нора, ты чувствуешь его запах? Доверься своему зверю, он всё сделает верно."

Я чувствовала этот запах, он отличался от тех, что чуюла прежде, когда охотилась на поляне в своём забвении. К запаху кроличьего меха примешивались нотки боли и страха, он чуть горчил в носу. Сград рассказал моему зверю о длинноухом больше, чем увидели бы мои глаза. Небольшой серый холмик возле припорошённого снегом холма почти не выделялся на местности уже укрытый тысячами снежинок. Кролик умирал, болезнь изъела его кости, распространяясь уже на внутренние органы. Он не мог прыгать и уползти от охотника тоже не смог бы. Волна сочувствия к крохотному пушистому зверьку затопила сердце и скользнула слезой из глаз.

"Мира! — окрикнул Айкар. — Твоя жалость кролику не поможет, а сострадание лишь продлит агонию. Доверься зверю, отпусти его."

Неожиданные отзвуки сочувствия в мужском голосе, что звучал в моей голове, добавили ещё несколько черт к портрету волкодлака. Он ведь до сих пор мучается из-за того, что выбрал жизнь, что ради этого убивает таких, как распластанный возле холма и едва дышащий комок шерсти.

Я не могу на это смотреть. Отпустив рысь, я забила в самый дальний уголок подсознания, закрывшись от окружающего мира. Если бы могла ещё зажать уши ладонями и закрыть глаза!

Вернувшись к убежищу в переплетении корней, я обессилено упала на разрытую землю,

уткнувшись в снег, пытаюсь отчистить лапами морду и избавиться от тлетворного привкуса.

"Ты привыкнешь", — тёплый влажный язык лизнул мой лоб.

Айкар устроился рядом, прижавшись своим мохнатым боком и опустив свою голову мне на спину. Наверное, оставь он этой ночью меня одну, я бы бежала без оглядки туда где люди и дед Михась весь пропах сушёными травами и настойками, так напоминающими запах мужа. Я провалилась в сон без сновидений, хоть в эту ночь меня не донимали родные образы и тоска по ним.

Утром я обнаружила себя в глубине норы среди притащенной откуда-то соломы. Кажется, кто-то ночью не спал и обустроил мне жильё с тонким намёком, что я отсюда никуда не денусь. Волкодлак расположился у входа носом вглубь моего убежища и молча меня разглядывал. Подавив вдох, я скользнула взглядом по передним лапам и замерла — серебряный ободок ещё недавно сидевший на пальце, как влитой, пропал! Обронила! Где-то среди веток и снежных наносов, или когда пёс тащил меня в зубах, я умудрилась потерять связующую с мужем ниточку!

"Кольца сами не падают, — уловив мои всполошённые мысли, Айкар пробрался внутрь и снова лизнул в лоб. — Значит, не судьба."

Загнав охватившие меня чувства в самую глубину, на время утренней охоты я повторила вчерашний трюк, стараясь отрешиться от происходящего, на что волкодлак лишь покачал головой, но никак не прокомментировал, после чего скрылся в лесу, а я вернулась на поляну. Он сам к этому не привык, а требует от меня!

Сытый и довольный зверь мурчал в глубине подсознания, предпочитая не вникать в приступ моего самоедства. Сделав глубокий вдох, я уселась возле изваяния и попыталась почувствовать запах серебра, из которого было сделано кольцо, терпкий и резкий с металлическим привкусом, но не смогла его обнаружить. Значит, всё же там возле холма. Прикрыв глаза, я пыталась почувствовать ту дорогу, которой тащил меня Айкар.

Заинтересовавшись, зверь выбрался из своего укрытия и с любопытством наблюдал за моими действиями. По его безмолвной подсказке я медленно пошла влево, оставляя убежище позади. Уже едва ощутимый запах волкодлака и оставленные им редкие пучки шерсти там, где он тёрся о древесину, проходя мимо деревьев, вели в самую чащу. Я прошла всю дорогу от поляны до холма и обратно, но даже намёка на нужный мне запах не ощутила.

Вернулась к убежищу уже ночью, обнаружив на поляне ожидающего меня вожака нечисти.

Всю зиму с её буранами и воющими метелями он неизменно приходил на обжитую мною поляну. Временами помогая мне раскопать моё укрытие, иначе я рисковала быть погребённой в своём неудачном выборе места обитания. Возможно, стоило выбрать менее заветренное место? Но возвращаясь каждую ночь в старую барсучью нору, которую уже считала домом, я падала от усталости и искать что-то новое была не в состоянии.

Привыкнуть к звериному рациону я так и не смогла, но во всём остальном мы научились ладить. Выслеживать добычу, чувствовать слабых, понимать язык природы удавалось лучше всего. Доказать же своё главенство, наоборот, получалось из лап вон плохо. Стая, в которую временами приводил меня Айкар, терпела рысь, но не признавала хоть мало-мальски достойной внимания и поменять эту ситуацию оказалось невозможным. Они по-прежнему видели во мне то безвольное напуганное создание, в которое вгрызались их клыки и впивались когти.

Первые тёплые лучи и аромат набухающих почек застали меня за очередным уроком от

мохнатого наставника. Вдохнув полной грудью запах просыпающегося леса, я попрощалась с другом и потрусилась к дому, радостно замечая как плавится снежный покров и то здесь, то там чернеют первые лесные проталины.

Боль и тоска стали привычными, саднили где-то в глубине души, но уже не отзывались странными снами. Снов вообще больше не было. Только иногда в последние дни с поветриями мне мерещился смутно знакомый запах, дать которому названия я не могла. Разум имеет хорошее свойство — забывать. Наверное, подчиняясь и подчиняя, сливаясь со зверем в единое целое, я начала забывать о том, что когда-то было дорого и делало мою жизнь цельной.

Сейчас оглядываясь назад, мне казалось, что всё было сном. Ярким, чётким, но только сном. Возможно, такая она моя судьба и ведьма была права. Я не буду счастливой, но смогу с этим жить. Скоро слияние завершится, по словам Айкара уйдёт не больше месяца, и я отправлюсь на ту сторону, где притихли в спячке вурдалаки.

Зимой людским поселениям не угрожает опасность, этот вид нечисти оказался подобным обыкновенным медведям. Мохнатый наставник показывал мне одного из них во время блужданий по Сумрачным болотам в неожиданно выпавший солнечный зимний день. В обычное время здесь царила привычная уже серость затянувших небо мрачных туч и густых лиственных крон, сейчас растерявших весь свой покров.

Топь промёрзла до самых глубин, укрыла в своих недрах чудовищ и успокоила гибельные источники. Разбросав снежный нанос, Айкар показал вмёрзшее в лёд существо. Вблизи и спящее оно не казалось таким уж страшным. Ключки длинной шерсти виднелись на изуродованном теле, острые чёрные когти казались именно когтями, а не чудовищным орудием. Вурдалак скорчился в позе эмбриона, сохранив на морде с застывшими широко открытыми глазами выражение грусти и незащитности, на какое-то мгновение вызвав у меня приступ жалости.

Им осталось недолго спать и, когда они проснутся, придёт нужное мне время. Ещё слабые после зимы, затуманенные пробуждением разумы, с замедленной координацией. Подчинить их будет проще всего и тогда крепости перестанет угрожать опасность, а я смогу хотя бы иногда навещать родных мне людей. Возможно...

Хотя, кого обманываю? Совесть не позволит мне терзать их и себя. Зачем только пошла на поводу у Аргора и согласилась стать его женой? Сейчас бы он не мучился, не ждал...

Ступив на поляну, я сначала не осознала того, что здесь что-то не так. В отличии от леса, снег здесь уже неделю как сошёл, обнажив чёрную плодородную землю и едва не затопив моё укрытие протянувшимися к обрыву ручейками. Но к привычным запахам примешивался новый, разом разбудивший всё моё существо. Уже не было отдельно зверя и не было отдельно меня прежней. Наши души почти срослись и сейчас потянулись на знакомый запах, донёсшийся до носа весенним поветрием.

Он сидел на валуне неподалёку от креста. Осунувшийся, со спутанными волосами и тёмными кругами, что залегли возле глаз. Раньше я и не могла себе представить, что он может довести себя до такого состояния. Что же произошло там в крепости, оставившее суровые морщины на лице и залёгшую в уголках губ печаль?

Синие глаза, словно омуты, наблюдали за моими робкими шагами навстречу. Замирая после каждого шага, медленно приближалась, вдыхая запах, разом разбудивший все те чувства, что я подавляла в себе столько времени. Боль остервенело вгрызалась в душу, а сердце снова, как тогда при первой встрече, пропустило удар.

Тонкая золотистая нить, видимая лишь внутреннему взгляду, снова тянулась к нему, будто и не исчезала никуда, будто просто в какой-то момент я перестала её видеть. Там, где была пустота, сияло и грело душу тёплое чувство, навсегда привязывающее зверя к следопыту.

— Здравствуй, Мира, помнишь меня?

Радомир протянул вперёд руку, заставляя отпрянуть от резкого движения. Горькая улыбка скользнула по потрескавшимся губам, но он не пошевелился, с замершей в глазах надеждой, наблюдая за мной. Запах согретого солнцем спелого зерна окутал меня своим дыханием.

Волна нежности, от которой сердце забилось чаще, подтолкнула меня вперёд и, уткнувшись лбом в раскрытую ладонь, я заглянула в глаза друга.

— Помнишь...

Радомир улыбался так светло, что на душе от этой улыбки становилось теплее. Почему-то я знала, что пройдёт время и именно этот момент будет дарить мне силы бороться дальше. Айкар был прав, мы со зверем учились друг у друга и теперь я понимала те мотивы, что двигали его душой, потому что частично они стали моими.

Там, где Аргор настаивал, князь лишь мягко советовал, оставляя право выбора. Мечущаяся душа заклинателя, считавшего зверей лучшими, чем окружающие его люди, подсознательно предпочитала видеть во мне находящееся под его защитой животное. Человеческий облик — лишь приятное дополнение, позволявшее найти какое-то осознание себя.

Я попала в этот мир изуродованной и потянулась на заботу и ласку, которой заклинатель делился с радостью одинокого существа. Он пытался забыть.

— Мира, — князь первым нарушил воцарившееся между нами молчание. — Я понимаю, что ты должна была уйти, но не пора ли вернуться? Мы найдём другой выход, не обязательно приносить себя в жертву.

Да. Не обязательно. Можно жить в страхе очередного нападения, успокаивая себя тем, что хотя бы пыталась. Но кем я буду после этого и смогу ли себя уважать?

Скользнувшее в синеве взгляда понимание отозвалось во мне волной светлой грусти. Радомир тем и отличался от Аргора, он всегда принимал меня такой, какая есть, не пытаясь давить на меня и делать выбор здесь и сейчас.

— Ты знаешь, — князь чуть искривил уголки губ от застаревшей боли. — Когда ты ушла, через ночь пришли вурдалаки. Их никогда ещё не было столько, словно пытались пополнить свои ряды перед зимовкой, чтобы как можно больше чудовищ пережили превращение. Я не смог защитить крепость, Мира.

Тихий ужас сковал мои мышцы, я уставилась на Радомира, боясь услышать страшные новости. В ушах так и звенели слова волкодлака: "Кольца сами не падают"...

— Всё, что я делал, всё, что пытался предпринять... — горькая усмешка исказила лицо друга. — Для них оказалось не препятствием. Так много погибших, Мира. Ещё больше пропали без вести. Крепость опустела едва ли не на половину. Велес не пришёл, Мира. Мы бились одни, наши копья и стрелы уничтожали вурдалаков, но они нападали снова и снова, будто Сумрачные болота решили выпустить все свои жертвы. Забор стал выше и ошетинился пиками, ворота крепче и надёжнее... Я так думал, я надеялся, но чудовищам всё было ни по чём.

Казалось, что Радомир и сейчас переживает ту страшную ночь. Ночь собственного бессилия. Каково это? Видеть как умирают твои люди, а ты ничего не можешь сделать...

Осторожно положила голову ему на колени, но он вряд ли это заметил.

— Я знал, что однажды так будет, Мира. Понимаешь, знал и всё равно не смог предотвратить, — нервный смешок говорил больше, чем все сказанные им слова. — Ведьма предсказывает путь и ты идёшь по нему. Для меня этот путь был один. Всё сбывалось, как бы я не пытался влиять или менять события. Когда отец передал мне дар, Купава приехала одна, она много рассказывала тем вечером. Я старался держаться подальше от других, но когда ты ребёнок, так хочется быть частью чужого внимания. Ведьма говорила, что никто и никогда

не сможет так предать, как самые близкие. Она говорила, что из смерти родится новая жизнь. Всё предсказанное ранее сбылось, Мира. Мне осталось недолго, поэтому я пришёл. Лучше бок о бок с тобой, чем быть рядом с ними.

Всё, что я могла лишь ошеломлённо взирать на друга, отказываясь понимать о чём идёт речь. Он умирает? Но почему? Болен или был серьёзно ранен?

Широкая ладонь в ответ на мои эмоции чуть потрепала меня за загривок, отзываясь топорщащими мех мурашками. Всё же хорошо, когда можно чувствовать друг друга, а я противилась этому, желая до последнего оставаться человеком. Но человеком я перестала быть уже тогда, когда клыки и когти терзали моё тело. Как же много времени ушло, чтобы понять это и принять!

— Я не справился и не смог заставить Велеса прийти на помощь, — князь продолжал говорить, а я чувствовала как с каждым его словом умирает какая-то частичка во мне самой. — Аргор уехал за тобой, но вернулся ни с чем в разорённую крепость. Аргор, Любава, Ирга, Всеслав... Они предали меня, предали нас, Мира. Все эти смерти — моя вина, я знаю но иногда мы бессильны против обстоятельств. Они призвали меня на суд, заставили признать, что я слишком слаб для того, чтобы носить дар отца. Они обязали Велеса выбрать другого князя. Он выбрал Аргора, а Макошь признала Хэду своим сосудом. Ты ушла и не вернулась, Мира. Прошёл срок и он объявил тебя мёртвой. Все знали и понимали, что с тобой и где ты, но не пошли против воли нового князя. Я не смог жить среди них, среди тех, кто враз забывает всё хорошее и перечёркивает то добро, что подарила им жизнь.

Наверное, услышь я всё это в начале зимы, когда всё и случилось, не смогла бы сдержать слёз, пыталась бы добиться ответов почему он так поступил. Но проведённое в лесу время, уроки Айкара уже стали этими ответами. Аргор — человек, я — зверь. Мы никогда бы не стали единым целым. Если бы я осталась, то по-прежнему жила бы в иллюзиях. Тот, чья душа изувечена, всегда тянется за первым, проявившим заботу. Рысь изначально знала, что так будет и пыталась увести от ошибки, но я не послушала.

Теперь внутри была лишь тоска по несбывшемуся. Может, оно и к лучшему. Он не будет ждать и терзаться, а я не буду рваться к людям. Дом Аргора в крепости, мой — в лесу. Зверь с душой человека.

— Ты действительно хочешь принести себя в жертву ради этих людей? — наконец-то посмотрел на меня Радомир. — Ты уверена, что они достойны этого дара?

Не выдержав прямого взгляда, я отвела глаза в сторону, рассматривая первые тени близящегося вечера, что понемногу удлинняясь скользили по поляне.

Ответить не позволил леденящий душу рёв, прозвучавший со стороны Сумрачных болот. Напряжённо всматриваясь в царящий под деревьями вечерний сумрак, я пыталась понять, что происходит. Мужчина замер, ухватившись ладонью за мой загривок, с тем же вниманием уставившись на лес.

Странная тишина окутала поляну, не было слышно шороха мышей под снегом и тихих пересвистываний привыкших к моему обществу куропаatok. Новый рёв раздался ближе к нам и сразу за ним ещё один, едва слышный из-за дальности.

Топот лап возвестил о приближении волкодлака задолго до того, как он выбежал на поляну.

"Пора! — задыхаясь от быстрого бега, выпалил Айкар. — Сейчас, или никогда, Мира!"

Радомир. Я нервно оглянулась на друга и прочла в его глазах суровую решимость. Да, Купава была права, здесь нет моего счастья, но здесь есть надежда для этих людей. Я дам им

её.

"Я присмотрю за ним, Мира, — вторгся в мысли голос волкодлака. — Беги, пока не стало слишком поздно."

Поддавшись внутреннему порыву, я лизнула совсем не страшного теперь и ставшего таким родным волкодлака в лоб. Под изумлённо проводившим меня взглядом князя, я скрылась в лесу, напоследок послав Радомиру волну доверия к чёрному псу, с которым через пару лет, если повезёт, уже сравняюсь в росте.

Комья сырой липкой земли вылетали из-под лап вместе с робкими ростками первоцветов и ранних трав. Рёв раздавался со всех сторон и наполнял собой топь. Чуткий нос теперь за несколько метров различал гибельные источники, я обходила их с лёгкостью даже при такой скорости. Тонкая золотистая нить петляла позади меня, невидимая остальному миру. Я — зверь и мой следопыт рядом, он найдёт дорогу по следам.

Запахи говорили теперь так много: доносились с поветриями ароматы гнили просыпающихся вурдалаков и первой слякотной болотной жижи, что хлюпала, нехотя выпуская свои порождения. Там есть негласный лидер, как и в любом сообществе, и придётся драться, чтобы завоевать его место, так сражался Айкар. Только так они будут слушать меня, только так станут подчиняться.

Наверное, я смогла бы бежать и с закрытыми глазами, но рисковать сейчас было бы опрометчиво, возможно, потом я попробую. Если выживу.

Совсем рядом со мной треснул лёд, вынуждая остановиться, когтистая полуразложившаяся лапа с острыми кинжалами когтей вонзилась в землю, вытягивая на поверхность грязную осклизлую тушу. Разрывающий барабанные перепонки рёв наполнил воздух. Он двигался медленно, будто пытался осознать что происходит и где находится, пока тусклый взгляд потухших глаз не сфокусировался на мне, так некстати замершей посреди дороги.

Увернуться от битвы я уже не могла, а с монстра, казалось, мигом слетела вся нерасторопность. Почувствовав жертву, он бросился вперёд с молниеносной скоростью, я едва успела отпрыгнуть в сторону и чудовищная лапа пронеслась всего лишь в нескольких сантиметрах от левого бока, чуть ближе и лежать мне с распоротым брюхом. Каким-то чудом удалось промчаться под двинувшейся мне навстречу второй лапой и вцепиться монстру в плотку. И в который раз я поблагодарила мысленно Айкара, после всего того, что пришлось есть зимой, противный вкус уже не отвлекал от боя. Прижавшись к груди монстра, когтями на задних лапах рвала мягкую плоть живота, одновременно пытаюсь не разжать зубов, перекрывших чудовищу дыхание. Через пару минут всё было кончено.

Отдышавшись, я припустила прочь, туда, где тлетворный запах был сильнее и клубился обилием першащих в горле оттенков. Интуиция подсказывала, что он там. Там, куда стягиваются проснувшиеся вурдалаки и где замерли, слегка покачиваясь, в ожидании указаний.

Я чувствовала подбадривающие эмоции Радомира, я не одна. Не бросил, он рядом. И Айкар, судя по некоторому замешательству друга, бежит рядом с ним.

Вурдалаки обнаружили почти на границе леса, там где небольшая пологая полянка перед выходом в поле, на котором раскинулась крепость, откуда и сейчас доносятся запахи чада и гари, хотя костры отгорели ещё в начале зимы. Снег растаял, вскрывая раны этой земли и она ещё не скоро оправится.

Припав брюхом к земле и прижав уши с белыми точками на концах к голове, я

осторожно поползла с подветренной стороны — лишняя осторожность не повредит. Его я увидела сразу. Мощный, сильный, на корпус крупнее остальных, с совершенно белой кожей и клочьями редкого жёсткого меха грязного серого оттенка. И чтобы добраться к нему, нужно миновать как минимум десяток особей, с какой стороны не подойди. Безнадёжно.

Укрывшись за небольшим холмом, уткнувшись лбом в землю, я пыталась восстановить дыхание после долгого бега и найти в себе крупинцы смелости. Самое страшное — решиться, а остальное уже не так важно. Порыв весеннего ветра донёс до меня аромат очистившегося от снега поля, скоро будут пахать землю и сеять зерно. Оно вырастет за лето и нальётся на солнце зрелостью, распространяя вокруг себя ни с чем несравнимый запах. Запах, в котором нет боли и предательства.

Смирившись с неизбежным, я выглянула из-за пригорка. Полуразложившаяся нечисть, как и прежде, тихо раскачивалась вокруг белокожего, подчиняясь каким-то своим ритуалам и правилам. И если у волкодлаков ещё сохранились зачатки разума, у кого-то больше, у кого-то меньше, Айкар даже нашёл среди них свою пару, то здесь была лишь гонящая вперёд агрессия и жажда убийства.

Стараясь не производить ни звука, осторожно выползла вперёд. Вот тут чуть левее, если двигаться на пределе сил, можно проскочить мимо чудовищ. Остаться незамеченной не получится, но можно хотя бы попытаться взять неожиданностью.

Медлитель не стала и бросилась вперёд, стараясь не думать о лапах, в подушечки которых больно впивалась прошлогодняя хвоя и выпотрошенные за зиму белками шишки, от души набросанные на земле. Ропот и рычание практически оглушили, когда я вылетела на середину, пытаюсь сходу провести свой теперь уже излюбленный манёвр — так меньше боли и страданий.

От моих клыков до сонной артерии монстра оставалось буквально несколько миллиметров и пасть уже открылась, готовая ощутить плоть, но тяжёлый удар когтистой лапы отбросил меня в сторону. Ударившись о валун, так некстати оказавшийся рядом, не сдержала возмущённо-болезненный "мявк". Из лёгких будто разом спустили воздух, но я постаралась подняться как могла быстро, перед глазами плясали яркие пятнышки, не давая сосредоточиться и двигалась я скорее интуитивно, чем осознанно. Слишком неразличим оказался белый вурдалак в искрах от боли, пронзившей рёбра с правой стороны.

Очередной удар сбил меня с ног. И кто говорил, что после сна они будут медлительны и нерасторопны? Я знала лишь то, что Радомир уже почти рядом, а вместе с ним Айкар и его стая. Запахи своры невозможно спутать ни с чем, мокрая псина везде мокрая псина, будь ты хоть собака, хоть волкодлак.

Снова бросив своё тело вперёд, я умудрилась вырвать кусок из щеки чудовища, которое тут же зашлось в полном боли вопле. А если они всё понимают? Жалость наполнила сердце до краёв, но очередной удар, пришедшийся в живот, вернул меня в реальность. Здесь нет места жалости, здесь нужно выжить.

Лапы едва держали моё дрожащее от боли тело, когда удалось хоть на мгновение прийти в себя. Взгляд обрёл чёткость, которая бывает лишь тогда, когда тебе уже нечего терять. Рычащая стая высыпала на поляну, оттесняя вурдалаков от белокожего, а Радомир, обнажив меч, кинулся в атаку, давая мне возможность отдышаться и собраться с силами.

Время словно остановилось. Движения такие медленные, что я успеваю их осознать и понять. Вот Радомир замахивается мечом и лезвие несётся навстречу плоти вурдалака, а наперерез ему скользит лапа с черными когтями, они расходятся в сантиметрах друг от

друга. Меч мужчины вонзается в правый бок монстра, а когти вурдалака глубоко распарывают мех зимней куртки, окрашивая его в багряно-красный и капли одна за одной ложатся на грязно-серый снег.

Лапы отталкиваются от земли, слёзы застилают глаза, но движения выверены и точны. Вурдалак открылся, отвлѣкшись на моего следопыта. Золотистая нить дрожит и начинает тускнеть. Он уйдѣт — уйду и я. Я помню твои рассказы, Аргор. Помни и ты меня.

Челюсти смыкаются на шее, монстр бѣётся, пытаюсь оторвать меня от себя, но уже поздно. Его движения всё медленнее и рассеянее. Когти скорее гладят, чем причиняют хоть какой-то вред. А перед глазами всё гаснет и размывается золотой свет.

Из последних сил я разжала челюсти и тяжѣлым кулѣм свалилась на землю. Я видела только его и расплзающееся по остаткам снега кровавое пятно. С трудом доползла и взглянула в ещё горящие жизнью глаза.

— Я знал, что так будет, Мира, — улыбнулся Радомир. — Из смерти новая жизнь.

Где она жизнь? Мне хотелось в голос рассмеяться, если бы только я была человеком и не болели так невыносимо рѣбра, то могла бы это сделать. Задних лап я не чувствовала, когти вурдалака от души прошлись по ним перед смертью.

— И кто тут умирать собрался? — раздался до боли знакомый старческий скрип. — Полно те, разойдись нечистая. Айкар, мальчик мой, уведи будь добр.

Коротко рыкнув, стая скрылась, только Айкар остановился и смерил меня горящим взглядом. Склонил голову на миг и умчался прочь. За ним куда-то вглубь леса потянулись вурдалаки.

— Говорила же, что приду в последний день, — усмехнулась Купава. — Вот он и настал. Тяжѣл был твой выбор, Мирослава, но ты верно поступила. А за нечисть не беспокойся, они по другому завету живут, не так как волкодлаки. Они теперь сами успокоятся в болотах и больше не будут докучать живущим. И ты, Радомир, порадовал старую, хоть под конец осознал, что судьба уже определена была, не изменишь тут ничего. Вам здесь обоим больше не место, нету здесь ваших путей. Пора уходить.

Ведьма сняла с моей шеи подаренный Радомиром медальон и сейчас я смогла разглядеть его. Золотое солнце с острыми уголками лучиков переливалось, сверкая на цепочке в лучах настоящего закатного солнца.

Морщинистая старая ладонь ведьмы взяла мою лапу, последняя боль вывернула тело и я с удивлением обнаружила, что она держит меня за руку и, сжав в моих пальцах медальон, вкладывает её в раскрытую ладонь Радомира. Улыбка, добрая и светлая, коснулась его губ, а за ней погас свет синих глаз, погрузив меня во тьму и только тепло соприкоснувшихся ладоней ещё какое-то время держало мой разум.

Странный писк разогнал царящую вокруг темноту, с трудом разлепив веки, я не сразу поняла где нахожусь. Обведя взглядом крохотную комнатку с выкрашенными в светло-бежевый цвет оштукатуренными стенами, я наткнулась на обеспокоенный неуверенный взгляд.

Память постепенно возвращалась. Перед внутренним взором проносились события и люди. Вот эта женщина с кудрявыми волосами до плеч, сейчас всклокоченными, тонкими чертами лица и серыми глазами, с хрупкой фигурой затянутой в больничный халат — мама. А на стуле возле окна в неудобной позе скорчился отец, чуть посапывая в тревожном сне.

— Лена? — мама подошла к кровати и осторожно погладила мои сбившиеся вокруг лица волосы. — Ох, девочка моя, мы так переживали за тебя. Зачем тебя понесло на эту гору? Маленькая, мне так тебя жаль...

— Мама? — я с трудом вытолкнула из пересохшего горла первое слово.

— Да, детка, и папа здесь, — при её тихих словах, фигура отца вздрогнула и он осоловело уставился на меня, постепенно фокусируя взгляд и понимая, что произошло.

— Леночка, очнулась! — мой грузный папа подскочил со стула и с неуклюжими медвежьими объятьями попытался обхватить всю меня сразу.

— Гоша, ну что ты, — попыталась остановить его мама. — Нельзя же ещё, пусть в себя придёт. Боже, какая ты худенькая стала!

— Что произошло? — смогла выдавить из себя, когда папа неловко высвободил меня и обнял маму.

— Девочка моя, — мама сцапала мою ладошку с тянущимся от неё в сторону капельницы пластиковыми трубками, на лице от носа и по щекам мешалось что-то подобное. — Ты попала в аварию, какой-то пьяный лихач выскочил на "встречку" и врезался аккуратно в твою машину, а тут ещё и столб, как назло. "Спутника" просто обмотало вокруг него, чтобы достать тебя пожарным пришлось резать дверь.

Плохо соображая, я пыталась вспомнить эти события, но никак не получалось. Я помнила как ехала на Духову гору и как общалась с бабой Машей, как решила пойти ночью по нужде и нарвалась на стаю чёрных псов... Все события так врезались в память, словно были на самом деле. Неужели, это было сном? Аргор, Любава, Айкар, Радомир...

— Сколько я здесь?

— Полгода, тебя ввели в искусственную кому, — тихо пробормотал отец, поглаживая мою щёку.

Я бы задала ещё море вопросов, но стук открывшейся двери прервал наш разговор.

— Кажется, я слышал новый голос из этой палаты? — смутно знакомый добрый голос с бархатными нотками ворвался в уши, заставляя меня повернуть голову на этот звук. — Неужели моя Спящая красавица соизволила открыть глазки?

Дар речи отнялся вместе с последними крупными осознания происходящего. На меня своими синими омутами глаз смотрел... Радомир. Длинные светлые волосы аккуратно заплетены в косу, больничный халат и зелёная шапочка врача делали его совсем другим, не таким как я привыкла видеть.

— Леночка, это Игорь Романович — твой врач, — зачастила мама, порывисто подбежав

к мужчине и от души его обняв. — Тебя уже хотели отключать от аппарата, а он недавно перевёлся в эту больницу и решил опробовать новую методику, мы дали согласие. Мы были готовы на всё, только бы они ещё раз попытались!

— Игорь Романович? — тихо просипела я.

— Всё верно, рысёнок, — подмигнул врач, заставив меня опешить и покрыться мурашками. — Отдыхай, на вечернем обходе зайду узнать как дела, если всё будет хорошо, через пару дней отпущу домой. Маргарита Леонидовна, Георгий Александрович, теперь можете не волноваться, всего доброго.

Откланявшись и подарив мне на прощание озорную улыбку, Радомир скрылся за дверью. Вот теперь я точно отказываюсь что-либо понимать!

Как и обещал, Игорь Романович выписал меня из больницы через два дня. Оставалось ещё несколько месяцев посещать физиопроцедуры, пить травяные чаи и глотать таблетки, но это было уже второстепенно и не так давило на разум, как то, что он больше и словом не обмолвился о чём-то кроме касающихся моего лечения вопросов.

Было странно идти по знакомым до каждого поребрика улицам родного города. Знакомые магазинчики переливались своими вывесками в свете вечернего освещения и обувь на ногах — обыкновенные кроссовки — казалась инородной. Приходилось привыкать жить заново и убеждать себя в том, что всё это было порождением комы. Учёным ведь так до конца и неизвестно где путешествует сознание, когда человек спит или в коме, или умирает.

Остановившись на светофоре, я замерла в ожидании зелёного света. Новую машину отец не стал покупать, решив, что хватит с нашей семьи аварий и передвигаться пешком безопаснее. И мне вечерние прогулки полезнее, приходится заново владеть собственными мышцами, сейчас я даже бегать не могла, больше перехрамывала с ноги на ногу. Могла бы с ним поспорить, но не стала, с некоторых пор я и сама побаивалась автомобилей. Может, авария действительно произошла и разум заменил боль на мечты о том, что до Духовой горы я всё же добралась?

— Мира! — оклик откуда-то сбоку, заставил вздрогнуть и обернуться.

Обыкновенные джинсы, кроссовки и футболка с принтом рыси шли ему больше воинских доспехов. Такой обыкновенный, совершенно простой житель маленького районного центра.

Сердце пропустило удар и зашло в бешеном ритме. Всё правда! Всё было!

Игорь остановился рядом, с улыбкой вглядываясь в мои глаза, на "ты" мы перешли ещё в больнице, всё же считалось, что он спас мою жизнь, а значит, почти семья. Ни слова ни говоря, он протянул ко мне свою руку и разжал ладонь, а на ней лежала цепочка с медальоном в виде солнышка.

Я смотрела на него и понимала, что бы ни случилось, он будет рядом. Улыбнувшись, взяла подвеску и застегнула цепочку на шее. А через мгновение растворилась в его объятьях и нежном, ласковом поцелуе. Мы навсегда в одной связке. Зверь и следопыт.

Больше книг на сайте - Knigolub.net